

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

*Журнал включён ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2013

Ежеквартальное издание

№ 1

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»**

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издаётся НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2013
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2013

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2013

Quarterly

№ 1

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com*

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2013
© Ivanovo State University, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Возилев В. В.* Методологические аспекты содержания понятия «интеллигенты/интеллектуалы» 9
- Полозова К. А., Федотов А. А.* Роль интеллигенции в подготовке и принятии Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990 г.) и итоги его действия 17

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Ерахтин А. В.* Интеллигенция, власть и социальная справедливость в современной России 28
- Козляков В. Е.* Интеллигенция и вопросы строительства союзного государства Беларуси и России 38

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Янцевич И. А.* Н. П. Колюпанов — деятель земского движения второй половины XIX — начала XX в. 49
- Ращевская Е. П.* Лики интеллигенции XX века: Даниил Андреев и Игорь Дедков 58

ДЕБЮТ

- Надёхина Ю. П.* Общественная деятельность творческой интеллигенции на рубеже XIX—XX вв. (На примере журналистско-редакторского корпуса Москвы) 72
- Чугунов М. В.* Политическая элита Финляндии: ее место и роль в советско-финских отношениях в 30-е годы XX века 81

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

<i>Сальникова Л. Г.</i> Роль гуманизации и гуманитаризации в формировании будущих интеллигентов	88
<i>Кокшаров А. В.</i> Программа адаптации молодых педагогов в общеобразовательных учреждениях	95

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

<i>Меметов В. С., Юркин Н. Г.</i> Листая страницы журнала... (Основные тенденции современного интеллигентоведения)	105
<i>Ершова Э. Б.</i> История советской фантастики через призму интеллигентоведения	120
<i>Пронин А. А.</i> Новые книги по историографии эмиграции из России	123
<i>Виноградов М. А.</i> Дань современной интеллигенции истори- ческим личностям прошлого (О презентации книги «Великий князь Олег Рязанский»)	128
<i>Аннотации</i>	131
<i>Информация для авторов</i>	140

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Vozilov V. V.* Methodological aspects of the content of the concept «*intelligentsia* members / intellectuals» 9
- Polozova K. A., Fedotov A. A.* The role of intelligentsia in preparation and adoption of law of RSFSR «About freedom of religions» of 1990 and results of its implementation 17

INTELLIGENTSIA IN THE CONTEMPORARY SOCIETY

- Erakhtin A. V.* Intelligentsia, the power and social justice in contemporary Russia 28
- Kozlyakov V. E.* Intelligentsia and issues of creation of the Union State of Belarus and Russia 38

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Yantsevich I. A.* N. P. Kolyupanov — the figure of territorial movement of the second half of the 19th — the beginning of the 20th centuries 49
- Rashchevskaya E. P.* The faces of the 20th century intellectuals: Daniel Andreev and Igor Dedkov 58

DEBUT

- Nadyokhina Y. P.* Public work of the creative intellectuals at a boundary of the 19th — 20th centuries. (On the example of the journalistic and editorial body of Moscow) 72
- Chugunov M. V.* Political elite of Finland: its place and role in the Soviet-Finnish relations of the 30-s of the 20th century 81

EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL QUESTIONS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

<i>Salnikova L. G.</i> Humanization and humanitarization role in formation of future intellectuals	88
<i>Koksharov A. V.</i> The program of adaptation of young teachers in educational institutions	95

MAKING CONCLUSIONS

<i>Memetov V. S., Yurkin N. G.</i> Thumbing through magazine pages... (The main tendencies of the modern intelligentsia studies)	105
<i>Ershova E. B.</i> History of the Soviet science fiction through a prism of intelligentsia studies	120
<i>Pronin A. A.</i> New books on historiography of Russian emigration	123
<i>Vinogradov M. A.</i> Tribute of the modern intelligentsia to historic figures of the past (about the presentation of the book «Grand Prince Oleg Ryazansky»)	128
<i>Annotations</i>	131
<i>Information for authors</i>	140

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 60.543.132.1

В. В. Возилов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНТЫ / ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ»

В 1990-е годы на стыке различных общественных наук возникло интеллигентоведение, в рамках которого исследуются те или иные стороны деятельности интеллигенции как особой социальной группы. Появление интеллигентоведения как самостоятельного научного направления обусловлено тем, что оно имеет собственный предмет исследования — интеллигенцию. Однако эмпирические и теоретические исследования интеллигентского труда выполняются, как правило, на основе разнообразных методологических и мировоззренческих принципов и поэтому не дают целостного представления о сущности интеллигенции, ее месте и роли в обществе, задачах интеллигентской деятельности.

Понятийный аппарат интеллигентоведения включает в себя несколько десятков терминов. В центре внимания интеллигентоведов находятся такие понятия, как «*intelligentia*/интеллигенция», «интеллигент/интеллектуал», «интеллигентность», «интеллигентциальность», а также производные от них, выработанные в разных научных школах и идейных направлениях (интеллект и

© Возилов В. В., 2013

Возилов Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, директор Шуйского историко-художественного и мемориального музея имени М. В. Фрунзе, депутат городской Думы городского округа Шуя 5-го созыва. vozilov@list.ru

интеллектуальный, интеллигибельный и трансинтеллигибельный и т. п.).

Несмотря на разнообразие взглядов, за последние десятилетия отечественная наука достигла значительных результатов в изучении частных и общих проблем интеллигенции как особого культурно-исторического образования. Однако большие затруднения у исследователей вызывает вопрос о социальной сущности интеллигенции, ее месте в системе социальной дифференциации. Основные противоречия в решении данного вопроса диктуются расхождениями в различных подходах к пониманию назначения интеллигенции, ее общественных задач и функций. Исследователи до настоящего времени не могут сойтись во мнении, что представляет собой интеллигенция как особая социальная группа.

Известно, что развитие социума, расширение сферы научного знания неизбежно приводит к пересмотру устоявшихся теоретических концепций. Потребность каждого исторического периода в новом осмыслении существующих научных взглядов и оценок дает новый импульс поиску научной истины. По отношению к интеллигенции подобные изменения происходили многократно. В России в начале XX века философское осмысление интеллигенции авторами сборников «Вехи», «Из глубины», «Смена вех» и других сменилось социологическими концепциями марксистов, а стремление выработать некое «неомарксистское» понимание интеллигенции в конце XX века стало прологом к появлению в начале XXI века историко-культурологических теорий, в которых присутствовали попытки с разных методологических позиций рассматривать интеллигенцию как целое.

Цель интеллигентоведческого исследования заключается в выявлении социально-философской сущности интеллигенции как особой социальной группы, играющей ведущую роль в жизни общества. Постановка такой цели обусловлена разнообразием философско-этических, историко-культурологических, политико-социологических подходов к изучению интеллигенции. Главное предназначение социально-философского анализа интеллигенции состоит в том, чтобы предложить современному интеллигентоведению ответы на ряд затруднительных методологических вопросов.

Интеллигентоведческие работы имеют также большое прикладное значение для решения дискуссионных вопросов совре-

менных гуманитарных наук. Возникающие время от времени в научных дискуссиях и даже на страницах массовых изданий интеллигентоведческие проблемы отражают важные тенденции общественного развития. Таковы постановки вопросов «интеллигенция и народ», «интеллигенты и интеллектуалы», «подлинная и мнимая интеллигенция» и многие другие. Актуальность возникновения обозначенных тем заставляет представителей интеллигенции снова и снова задумываться о месте и роли интеллигенции в обществе и ее ответственности перед обществом за изменения, происходящие в социальной сфере. Однако объективное решение этих вопросов также зависит от используемой методологической базы, отвечающей критериям научной истинности.

Например, в интеллигентоведческих дискуссиях просматривается постоянное возвращение к проблемам, имеющим достаточно простое теоретическое решение. Так, в научных кругах время от времени актуализируется проблема «интеллигенты и интеллектуалы», суть которой состоит в том, что якобы между российскими интеллигентами и западными интеллектуалами существуют принципиальные различия, обусловленные специфической социально-экономических и культурных процессов, особенностями исторического развития России и Европы.

Действительно, в научной литературе и общественной публицистике присутствует спорная мысль о том, что интеллигенция является чисто русским феноменом и рассуждать об иных интеллигенциях можно лишь с большими оговорками. Вместе с тем, существует и другая точка зрения, согласно которой интеллигенты есть и в других национальных культурах. Одним из первых понятие «европейская интеллигенция» использовал П. Н. Ткачев в 1868 году в статье «Подрастающие силы»¹. Н. Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» (1868—1869 гг.) писал о характерных чертах польской и румынской интеллигенций², а К. Н. Леонтьев в книге «Византизм и славянство» (1875 г.) — об особенностях греческой, болгарской и сербской интеллигенции³. В 1880 году К. Д. Кавелин писал о Европе, что «интеллигенции там много более, чем у нас»⁴. Наиболее четко это мнение выразил в начале XX века П. Н. Милуков, считавший, что интеллигенция вовсе не есть явление специфически русское: «Ведь и в других странах интеллигенция, как отдельная

общественная группа, возникала, как только рост культуры или усложнение общественных задач вместе с усовершенствованием государственно-общественного механизма и демократизацией управления создавали потребность в специализации и профессиональной группировке интеллигентского труда»⁵.

Теоретическая проблема, связанная с различием понятий «интеллигенты» — «интеллектуалы» — «умственная элита», возникает у исследователей в том случае, когда они обращаются к анализу либо мировоззренческих, либо профессионально-технологических установок, принципов деятельности небольших групп работников умственного труда. В общетеоретическом смысле понятия «интеллигенция», «интеллектуалы», «интеллектуальная элита» совпадают, ибо они обозначают единую социальную группу, отличительной особенностью которой является способность к опосредованному или непосредственному управлению. Для преодоления этих противоречий в разное время предлагалось использовать различные термины, которые чаще всего являются избыточными, поскольку имеющаяся научная терминология позволяет в достаточной мере описать интеллигентное меньшинство⁶.

В XX веке большое внимание в общественных науках уделялось «теории элит». Элиту составляет умственное меньшинство, выдвигаемое социумом в хозяйственной, политической, духовно-идеологической областях жизни общества. Люди отбираются различными сообществами и наделяются властью за их умение решать политико-управленческие задачи. Управленческие способности отдельных личностей выдвигают их на первые места в социальных институтах и общественной системе в целом. Функции интеллигенции и элиты — профессиональная управленческая деятельность — совпадают; это означает, что между элитой и интеллигенцией нет различий. Любой представитель элиты является интеллигентом, и всякий интеллигент является представителем элиты. В данном случае под элитой следует понимать всю совокупность индивидов, которые благодаря своим личным качествам и способности к управлению составляют особый социальный класс, именуемый интеллигенцией.

Поэтому в социологическом смысле интеллигенция как класс есть особая социальная группа, состоящая из людей, профессионально занимающихся управленческим трудом, предна-

значение которых заключается в регулировании поведения людей в системе общественного производства. В рамках общественной стратификации интеллигенция представлена различными профессиональными группами (менеджеры и инженерно-технические специалисты, политические деятели и офицерский корпус, ученые и деятели искусства и т. д.), представителями ряда сословий (земельная аристократия, буржуазия, купечество), отдельных каст (кшатрии, брахманы) и т. п.

В интеллигентоведческом исследовании важно отказаться от «публицистичности» в оценках интеллигентской деятельности. Иными словами, назрела необходимость глубокого теоретического анализа сущности интеллигенции и ее предназначения, который был бы в наибольшей степени свободен от субъективных и идеологизированных оценок интеллигенции (совокупности интеллектуалов). Отсутствие общеметодологических установок в понимании сущности интеллигенции приводит к тому, что время от времени в средствах массовой информации и отдельных научных изданиях появляются критические статьи, содержащие резкие аксиологические оценки деятельности интеллигенции, например «не хочу быть интеллигентом» и т. п. Есть и такие авторы, кто отказывает интеллигенции в праве называться социальной группой, применяя к ней различные выражения типа «специалисты» или «образованщина».

Одним из признанных авторитетов в области изучения отечественной интеллигенции является Д. С. Лихачев⁷. Он называл интеллигенцию «интеллектуально независимой частью общества». По его мнению, «это не просто образование и образованные люди, работающие в сфере интеллектуального труда»: «Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, коммерческих и даже просто карьерных». Главный вывод уважаемого ученого: интеллигенция — это образованность плюс интеллектуальная и моральная свобода; интеллигент — это состояние души.

Возникает закономерный вопрос: может ли интеллигенция быть «интеллектуально независимой»? Интеллигенция воспитывается, образовывается и существует в определенной среде. Трудно себе представить, что может найтись человек, одновре-

менно свободный от партийных, сословных, профессиональных, коммерческих и карьерных интересов. Профессиональная (и карьерная) зависимость интеллигента связана с выполнением им своих непосредственных обязанностей, иная его зависимость определяется нахождением интеллигента, как и всякого другого человека, в социальной системе. Если же, по Лихачеву, интеллигент будет интеллектуально независимым в данных системах, следовательно, он станет играть роль антисистемного элемента.

Другим важным утверждением Лихачева является то, что «интеллигент теряет интеллектуальную свободу и перестает быть интеллигентом, когда принужден слепо следовать догмам какого-либо учения». В качестве примеров он приводит нежелание отказываться от пересмотра мировоззренческих взглядов или вхождение интеллигента в партию, требующую действий, не согласующихся с его личным мнением. Однако подобный подход не позволит причислить к интеллигенции ни одного человека, поскольку любое учение, любая идеология не могут претендовать на объективное знание. Следовательно, субъективность интеллигентских взглядов (независимо от того, подвергаются ли они коррекции) не позволит дать объективное заключение об интеллигентности их носителей.

Д. С. Лихачев считал, что для интеллигента важен моральный фактор, который является гарантией его полной свободы, потому что совесть принуждает изнутри, все остальные принуждения приходят извне; совесть является гарантом свободы человека-интеллигента. Из моральных факторов, по его мнению, наиболее значимым является уважение интеллектуальной свободы других, где бы и в чем бы она ни проявлялась. Анализируя эти высказывания, следует заметить, что чрезвычайная морализация интеллигентности (как совокупности исключительных нравственных качеств) и интеллигентской деятельности является слишком узкой для толкования понятия «интеллигенция».

Рассмотрение интеллигенции с «этической» позиции приводит к ярко выраженному субъективизму в понимании того, что из себя должен представлять интеллигент. Следовательно, несоответствие одному из критериев «нравственной личности» или «эстетического человека» ставит под сомнение возможность существования интеллигентов как таковых. Человек никогда не

может быть морально свободен от стереотипов поведения, идейных догматов, иметь свободу по отношению к происходящему. Следовательно, нравственные критерии не могут быть применимы для понимания сущности интеллигентской деятельности.

Конечно, в современном западном обществе эта проблема стоит не столь остро. Возможность найти себе применение в разных сферах или конкурирующих группировках позволяет интеллигентам/интеллектуалам реализовывать свои способности. Однако говорить о независимости интеллигентов/интеллектуалов не приходится. Это хорошо видно в современной действительности, с ее дозированной свободой слова, «клановостью» интеллигентских группировок, ангажированным характером любых общественно-политических дискурсов. То есть при внешне иных, чем при тоталитаризме, формах самовыражения, интеллигенция ведет себя крайне запуганно, с оглядкой на власть, боясь позволить себе что-то лишнее. Более того, именно интеллигенция становится главным объектом манипулирования общественным сознанием для того, чтобы служить ретранслятором вбрасываемых в общество идеологием и мифов-дезинформаций⁸. Парадоксально, что интеллигенция, разумная часть общества, используется для запугивания основной массы обывателей.

Содержание понятия интеллигенции как предмета интеллигентоведческой теории до настоящего времени вызывает споры среди исследователей. Одна из главных проблем изучения интеллигенции связана с тем, что исследователи исходят не из общеметодологических представлений, а из традиционных взглядов, распространенных частных мнений или понятий, рожденных из контекста научного анализа интеллигенции. В этих случаях исследователи не стремятся к глубокому рассмотрению содержательной стороны понятия интеллигенции. Сосредоточив свое внимание на внешних, несущественных сторонах интеллигентской деятельности, многие авторы упускают метафизическое содержание этого термина. Задача интеллигентоведческого исследования сводится к обязательной выработке отвечающего требованиям научной истинности понятия интеллигенции и ряда других, связанных с ним понятий.

Понимание интеллигенции должно с необходимостью вытекать из анализа объективных закономерностей общественного

развития. Исследователям следует придерживаться подхода, согласно которому интеллигенция как общеисторическое явление существует у всех народов. Вполне закономерно, что первыми это поняли русские западники, которые не чувствовали своей оторванности и отличия от западных интеллигентов/интеллектуалов, поскольку свои мировоззренческие искания они рассматривали как часть большой западноевропейской интеллектуальной истории. Примечательно, что вслед за русскими исследователями наличие интеллигенции в иных этносах признали и западные исследователи. «В каждом обществе, — писал К. Манхейм, — есть социальные группы, главная задача которых заключается в том, чтобы создавать для данного общества интерпретацию мира. Мы называем эти группы “интеллигенцией”»⁹.

Сегодня одной из первостепенных научных задач является выработка представления об интеллигенции как общественном феномене — классе управляющих, возникающем в глубокой древности, существующем у всех народов, во всех культурных мирах и играющем решающую роль во множестве исторических событий.

Примечания

- ¹ *Ткачев П. Н.* Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1975. С. 292.
- ² *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа : взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991. С. 34, 37, 393, 404, 406.
- ³ *Леонтьев К. Н.* Избранное. М., 1993. С. 46, 49, 61—62, 67.
- ⁴ *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. М., 1989. С. 438.
- ⁵ *Милуков П. Н.* Интеллигенция и историческая традиция // Вехи ; Интеллигенция в России : сб. ст., 1909—1910. М., 1991. С. 297.
- ⁶ *Возилов В. В.* Интеллигенция, государство, революция: нигилизм и антинигилизм в идеологии и практике российской интеллигенции XVIII — начала XX века. Шуя, 2011. С. 27—28.
- ⁷ Далее используется статья: *Лихачев Д. С.* Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества // Судьба российской интеллигенции : сб. СПб., 1999.
- ⁸ *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2000 ; *Он же.* Интеллигенция на пепелище России. М., 1997.
- ⁹ *Манхейм К.* Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 15.

К. А. Полозова, А. А. Федотов

**РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В ПОДГОТОВКЕ И ПРИНЯТИИ ЗАКОНА РСФСР
«О СВОБОДЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ» (1990 г.)
И ИТОГИ ЕГО ДЕЙСТВИЯ**

Юбилейный для Русского Православия 1988 год стал переломным в церковно-государственных отношениях в СССР. Правда, изменения носили еще не юридический характер, правовой статус Русской Православной Церкви в основных чертах оставался прежним, продолжало действовать Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1929 года (с незначительными изменениями), лишавшее религиозные общины возможности нормального существования. В то же время Церковь вышла из гетто, в которое заключил ее госатеизм; в отношении к ней государства и общества наместились разительные перемены.

Новое качество советской церковной политики можно охарактеризовать формулой: «Советский Союз не является режимом, преследующим религию, но это страна, где атеисты и верующие совместно строят социализм». Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву для реализации планов была нужна поддержка религиозных конфессий, особенно Русской Православной Церкви. С начала 1988 года советские газеты наполнились религиозной тематикой, священники имели возможность обращаться к широкой аудитории¹.

Отношение партии и государства к проблеме «свободы совести» отражено в выступлении М. С. Горбачева на XIX Всесо-

© Полозова К. А., Федотов А. А., 2013

Полозова Кристина Андреевна — аспирант Шуйского государственного педагогического университета, старший преподаватель Ивановского филиала Института управления (г. Архангельск). ormhldr@list.ru

Федотов Алексей Александрович — доктор исторических наук, профессор Ивановского филиала Института управления (г. Архангельск). aalfedotov@yandex.ru

юзной партконференции. Он говорил: «Мы не скрываем своего отношения к религиозному мировоззрению как нематериалистическому, ненаучному. Но это не основание для неуважительного отношения к духовному миру верующих людей и тем более — применения какого бы то ни было административного давления для утверждения материалистических воззрений. Все верующие, независимо от того, какую религию они исповедуют, являются полноправными гражданами СССР. Подавляющее большинство их активно участвует в нашей производственной и общественной жизни, решении задач перестройки. Готовящийся сейчас проект закона о свободе совести основывается на ленинских принципах, учитывает все современные реальности»².

Проявлением этой позиции стали встреча М. С. Горбачева с руководителями Русской Православной Церкви, прием А. А. Громько глав и членов религиозных делегаций, прибывших в СССР на празднование 1000-летия крещения Руси, встреча М. С. Горбачева с кардиналом Казароли, вручение группе священнослужителей правительственных наград и т. д.

Празднование 1000-летия крещения Руси стало не только событием религиозно-церковным, но и заметным явлением общественно-политической жизни страны, вызвало широкий резонанс за рубежом. В юбилейных торжествах, проходивших с 4 по 16 июня 1988 года, участвовали на самом высоком уровне представители всех мировых религий, главы религиозных объединений Советского Союза³.

В 1988 году советским государством и обществом была осознана необходимость коренных изменений в законодательстве, регулирующем религиозную сферу. Даже директор Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС В. И. Гараджа писал: «В реальной жизни у верующих и атеистов так много общих дел, общих целей и задач, что разъединять силы не просто бессмысленно, но и вредно. Перестройка практической организации всей атеистической работы должна идти именно по линии объединения сил атеистов и верующих, консолидации общества для решения социальных, экономических и политических задач. Этому же, очевидно, должна соответствовать и реформа законодательства о религии и культурах»⁴.

Д. Е. Фурман доказывал, что «в современном обществе просто не может не быть и устремления в будущее, и мечты о том, что оно будет прекрасно, и ностальгии по прошлому, стремления удержать из него максимально ценного; и атеистического неверия, и “полагания на собственные силы”, и религиозных поисков опоры в потустороннем; и интернационализма, и ощущения особой ценности своего собственного народа. Если одно из этих устремлений попытается подавить другое, обязательно возникнет реакция — она придет незаметно с самой неожиданной стороны, оттуда, откуда вроде бы меньше всего можно было ожидать опасности, — от детей русских священников, становящихся страстными атеистами и революционерами, и от детей партработников, прошедших через всю систему атеистического воспитания, которые обращаются к Богу. И эта реакция будет тем более страшной, чем больше ты подавлял и “топтал” поверженного противника. Свобода совести, свобода и веры и неверия — лучшая гарантия от таких реакций. Свобода для других — лучшая гарантия твоей собственной свободы»⁵.

Протоиерей Александр Мень писал, что «новые возможности, предоставленные религиозным институтам, приведут к повышению общего духовного уровня среди самих исповедников различных религий. Ведь до последнего времени они были почти лишены элементарных источников информации, всего, что содействует религиозно-нравственному просвещению, даже своих основополагающих книг, например Библии. Ошибкой было бы, однако, думать, что всю работу в этом направлении возьмут на себя только “инстанции”, политические и религиозные. Их усилия останутся тщетными, если к ним не присоединится сознательная активность многих и многих людей»⁶.

В начале февраля 1988 года Политбюро ЦК КПСС официально поручило Совету по делам религий совместно с другими союзными министерствами и ведомствами разработать проект союзного закона о свободе совести. В конце апреля Совет внес как в ЦК КПСС, так и в Совет Министров СССР законопроект «О свободе совести и религиозных организациях», вобравший в себя и наработки предшествующих лет. Однако потребовалось более двух лет, чтобы этот законопроект был внесен на рассмотрение Верховного Совета СССР⁷.

Коммунистическим деятелям удавалось постоянно блокировать разработку проекта закона и внесение в него либеральных статей. По информации канадского ученого Д. В. Поспеловского, из достоверного источника известно, что один из руководителей Совета по делам религий заявил тогда: «Мы не допустим единства Православной Церкви в СССР в новых условиях»⁸.

О том, какой закон был бы для них желательным, мы косвенно можем понять из следующих слов М. И. Одинцова — одного из наиболее признанных специалистов того времени по вопросам государственно-церковных отношений: «...государственно-церковным отношениям предстоит путь последовательного и поступательного развития. И осуществляться оно должно на марксистском понимании места, роли и перспектив “исчезновения” религии и церкви в социалистическом обществе. В качестве ориентира нам должны служить принципы “церковной политики”, осуществлявшиеся в период социалистического строительства под непосредственным руководством В. И. Ленина»⁹.

Однако законы были приняты, причем не только союзный, но и республиканский. Спустя три недели после опубликования Закона СССР (01.10.1990), РСФСР представила свой Закон о свободе вероисповеданий (25.10.1990). Религиозные организации получили статус юридического лица. Родители получают право на религиозное воспитание детей. Были разрешены миссионерская и публицистическая деятельность Церкви. Смогла свободно развиваться приходская жизнь.

Если союзный закон разрабатывался профессиональными работниками сферы государственного управления, то российский закон готовился представителями либеральной интеллигенции, в тот исторический период получившими возможность участвовать в законотворческой деятельности.

В период изменения советского религиозного законодательства, для разработки новых прогрессивных законов о религии большое позитивное значение имело избрание священнослужителей народными депутатами СССР. Святейший Патриарх Алексий II, в то время митрополит, был избран депутатом от фонда милосердия и здоровья, что позволило ему активно влиять на разработку нового законодательства о свободе совести. В связи с этим Патриарх говорил: «Депутатство различных уровней — сегодня не

тот путь, который необходимо выбрать духовенству для осуществления своей миссии. Но, на первом этапе, когда в нашей стране возродились свободные выборы и нормальная депутатская работа, участие священнослужителей в Верховном Совете России и СССР, работа на съездах народных депутатов имела смысл, например, в связи с обсуждением и принятием нового законодательства о свободе совести. Ведь большинство депутатов просто не представляло себе реального положения Церкви, ее структур в нашем обществе... Они не понимали, например, что предыдущий закон 1929 года был дискриминационным. В принятие нового, значительно более справедливого закона, как в России, так и в СССР, тогда еще существовавшем, депутаты-священнослужители внесли большой вклад. Сегодня ситуация изменилась. Волны политических страстей захлестывают общество с такой силой, что, я думаю, участие в этих сражениях Церкви и ее представителей не имеет смысла: наша задача в другом — в нравственном оздоровлении народа»¹⁰.

Участие будущего Патриарха в разработке союзного Закона 1990 года о религии предопределило то, что он был более приближен к реалиям религиозной жизни, чем российский. Впрочем, и российский Закон 1990 года имел столько преимуществ перед советским законодательством о религии, что был воспринят Церковью на тот момент исключительно положительно.

Принятию нового закона предшествовала большая полемика, в которой приняли участие как церковные иерархи и политические деятели, так и рядовые граждане. Б. Н. Ельцин, в то время Председатель Верховного Совета РСФСР, отмечал необходимость упразднения Совета по делам религий при Совмине СССР как управленческого органа, потребность в сотрудничестве власти и Церкви в делах милосердия во имя подъема нравственности, необходимость возвращения Церкви некогда отобранных у нее храмов¹¹. Секретарь Комитета Верховного Совета СССР по вопросам строительства и архитектуры М. Бочаров говорил о необходимости возрождения гражданской роли Церкви, о полном освобождении ее от налогов, о важности передачи храмов в собственность Церкви¹². Депутат Верховного Совета СССР М. Костенецкая отмечала необходимость окончательного упразднения обязательного обучения со сдачей экзаменов по ате-

изму в учебных заведениях страны¹³. А вскоре, после принятия новых законов о религии, народный депутат РСФСР Т. И. Корягина высказывала еще более смелые суждения, говорила о том, что Церковь должна подсчитать свои потери и предъявить иск государству и КПСС, которая фактически правила государством¹⁴. Впрочем, стоит упомянуть и о высказанном в преддверии принятия закона 1990 года мнении священника Георгия Эдельштейна, считающегося одним из наиболее известных церковных интеллигентов этого периода: «Прежде чем мечтать о каких-то новых законах, необходимо научиться соблюдать законы уже существующие, независимо от нашего к ним отношения. Без этого тривиального условия не может существовать ни одно правовое государство. Без него зуд законотворчества — пагуба для общества, источник очередной лжи и демагогии. Без него нами всегда будет править произвол чиновников всех уровней, а не закон»¹⁵.

В редакции церковных и государственных средств массовой информации поступало множество писем от рядовых граждан разного возраста, считавших, что Церкви должны быть возвращены права на полное и разностороннее служение, отнятые у нее советским государством, включая право иметь статус юридического лица, собственность, вести образовательную, миссионерскую и благотворительную деятельность.

Союзный закон, вместе с положительными сторонами, имел и недостатки. Например, в главе III «Имущественное положение религиозных организаций» не получило отражения справедливо высказывавшееся в процессе разработки закона желание многих граждан и организаций, просьба Поместного Собора Русской Православной Церкви 1990 года о закреплении в законе права религиозных объединений получить в собственность используемое ими недвижимое имущество (храмовые здания и другие сооружения), если они находятся на их полном содержании, включая реставрацию, ремонт, реконструкцию¹⁶.

Российский же закон, как более прогрессивный, открывал перед Церковью новые горизонты. Он «способствовал освобождению от наследия тоталитарного общества», в котором религиозные организации, формально отделенные от государства, вынуждены были существовать в режиме диктата со стороны идео-

логизированного государства, без правовой защиты, поскольку ни право граждан на свободу совести, ни положение религиозных объединений не имели цивилизованного правового основания¹⁷.

Впрочем, вполне обоснованной представляется и другая точка зрения на религиозное законодательство 1990 года. Согласно ей, союзные законодатели были профессионалами в государственном управлении и имели зачатки «державного» мышления; российские законодатели были в основном вчерашние диссиденты — противники официальной власти (в основном из среды научной интеллигенции), которые пленились западно-демократическими фетишами и в принципе не могли иметь «державного» охранительного мышления. Всякая мысль об интересах народа, страны и государства для российских законодателей трактовалась как великодержавный (русский) шовинизм. Этим и отличаются два закона — союзный и российский: для первого из них характерна еле заметная, но государственность и охранительность прав традиционных религий, для второго — протестантский (индивидуалистический) демократизм.

Союзный закон преодолел «советскую идеологичность» в том, что предусмотрел в качестве объекта законодательства религиозные организации, то есть конкретные исторически сложившиеся учреждения, являющиеся носителями религиозных отношений. Эти религиозные отношения, в свою очередь, являются предметом государственного регулирования. Для российского закона носителем религиозных отношений является гражданин или группа граждан (религиозное объединение), поэтому основной пафос данного закона — права человека и гражданина.

Само слово «организация» не встречается в тексте российского закона. В факте игнорирования российским законодательством 1990 года исторически сложившихся и существующих сотни лет религиозных организационных структур проявляется большевистское антицерковное наследие и идеологическое преемство от прежнего советского законодательства. Союзный закон весьма «многословен» по своему основному объекту законодательства — религиозным организациям. Этим он отличается от российского закона, предусматривающего объектом государственного регулирования только религиозные объединения граждан и, как будто бы, не замечающего таких учреждений, как Московская Патриархия, Отдел внешних церковных сношений и

др., которые возникли не как объединения граждан, но как организационно-функциональные учреждения особых общественных отношений, которые именуются религиозными отношениями.

Прямого разрешения на существование таких организаций в российском законе не имелось. По букве Закона сама Патриархия является религиозным объединением группы граждан. Только вопрос — каких и кого? Где такое собрание учредителей (десять или двадцать человек), которое решило бы создать (учредить) Патриархию? Таков основной парадокс российского закона «О свободе вероисповеданий» 1990 года¹⁸.

Необходимо также отметить, что проект этого закона готовился в Комитете Верховного Совета РСФСР по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности, председателем которого являлся тогда еще православный священник Вячеслав Полосин (несколько лет тому назад перешедший в мусульманскую веру), с ним тесно сотрудничал православный священник Глеб Якунин (спустя несколько лет он был лишен сана за антицерковную деятельность). Впрочем, еще до своего разрыва с Церковью священник Глеб Якунин открыто выступал с критикой Патриархии: «Наше ожившее время — время многообразных кризисов, духовного пробуждения, новых поисков, истин и идеалов, проповедуемых христианством, церковью. Но Московская Патриархия, пребывая в состоянии глубочайшего кризиса, не в состоянии принять в свои “ветхие меха” “молодое вино”, утолить духовную жажду ищущих, не в силах благотворно влиять на государство и общество, проповедовать вечные основы морали и нравственности»¹⁹.

По Закону 1990 года религия и атеизм должны были сравняться, в один ряд ставились религиозные организации и «атеистические общественные объединения» (ст. 4). Закон настойчиво напоминал об атеизме (семь раз), устанавливал защиту атеистических убеждений граждан. Несомненно, большой ошибкой закона следует признать отнесение религиозных организаций к числу общественных объединений. Противоречивость некоторых положений, неопределенность ряда формулировок, путаница в терминологии дают основание отметить низкий уровень закона в целом. Субъективизм и неопытность разработчиков столь сложного законопроекта, стремление подготовить закон оригинальный, не похожий на закон Союза, привели к тому, что очень ско-

ро потребовались изменения и дополнения к нему, но принять их не удалось из-за событий 1993 г., прекративших работу Верховного Совета РСФСР²⁰.

После принятия Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» в стране сложилась довольно противоречивая ситуация. С одной стороны, налицо было продвижение вперед: тысячи культовых зданий передавались религиозным общинам, открывались десятки монастырей, духовных учебных заведений, религиозных центров, братств и миссий. Практически все обоснованные заявления верующих о регистрации обществ разрешались положительно. С другой — вскоре проявились и не прогнозируемые в ходе выработки Закона последствия. Начался бурный рост числа конфессиональных новообразований, не имеющих аналогов в прошлом России, бесконтрольный въезд на территорию государства тысяч миссионеров и проповедников самой различной ориентации, для которых Россия превратилась в своего рода испытательный полигон новых религиозных учений. Быстро увеличивалось количество духовных миссий, действовавших во всех субъектах Российской Федерации²¹. Как отмечал в то время заведующий сектором аппарата Правительства РФ Г. А. Михайлов, для ряда «новых» религиозных организаций и миссионерских структур было характерно «применение особой психотехники, оказывающей разрушающее воздействие на личность», распространение «ненависти и вражды к тем, кто не разделяет их воззрений», что в конечном итоге усиливало нестабильность, вело к конфронтации на «религиозной почве» как в ряде отдельных субъектов, так и в России в целом²².

Впрочем, необходимо отметить, что еще до принятия Закона «О свободе вероисповеданий» некоторые представители интеллигенции писали об опасности недооценки разрушительной силы, таящейся в некоторых нетрадиционных формах религиозности. Показательны следующие слова С. Б. Филатова: «Эти люди не имеют самых элементарных представлений о том, что такое христианство. Да оно и не нужно им. Это неинституализированное православие куда лучше уживается с расизмом, чувством национальной исключительности, вождизмом, неоязычеством и магией, до которой было далеко традиционной крестьянской религиозности»²³. В этой же статье он отмечал тот факт, что советское государство не относилось всерьез к неорганизованным

формам религиозной жизни: «Широкое распространение невероятных, экзотических, равно как и примитивных, верований ни для кого не секрет. Но пока они не приобретают институализированных форм, они ни у кого не вызывают особых возражений»²⁴. Когда законодательство 1990 года позволило определенным силам придать организованные формы различным проявлениям практически всех темных сторон религии, то это привело к очень тяжелым, порой даже критическим последствиям.

Обострение религиозной ситуации вынудило государственные органы субъектов Российской Федерации принять меры по упорядочению деятельности нетрадиционных религиозных организаций. В этой связи Государственная Дума РФ 15 декабря 1996 года приняла Обращение к Президенту РФ об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России²⁵.

В целом благотворные для Церкви перемены в российском законодательстве в 1990-е годы означали государственное признание полезности ее социальной и просветительской деятельности, дали законные основания для массового открытия новых храмов и монастырей. В то же время российский закон о религии 1990 года, разработанный в противовес союзному и не учитывавший объективных реалий религиозной жизни, открыл возможность широкой проповеди для представителей религиозных новообразований, зачастую деструктивного характера. Вызванные этим многочисленные проблемы далеко не сразу были преодолены после принятия в 1997 году Федерального Закона «О свободе совести и религиозных объединениях». Частично они сохраняются и в настоящее время. Прозападно настроенная интеллигенция сыграла большую роль в подготовке Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий». Однако ее попытки привнести индивидуалистические ценности западного либерализма в иерархическую структуру управления Русской Православной Церкви, пережившей 70 лет прямых гонений, оказались безуспешными. Сам закон показал свою нежизнеспособность, просуществовав немногим более 6 лет (сменивший его закон действует уже около 15 лет).

Примечания

- ¹ Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991). М., 1995. Кн. 1. С. 72—73.
- ² Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 41—42.
- ³ *Одинцов М. И.* Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству : (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 68—69.
- ⁴ *Гараджа В. И.* Переосмысление // Там же. С. 28.
- ⁵ *Фурман Д. Е.* Религия, атеизм и перестройка // Там же. С. 18.
- ⁶ *Мень А., свящ.* Религия, культ личности и секулярное государство : (заметки историка религии) // Там же. С. 110.
- ⁷ *Одинцов М. И.* Некоторые аспекты вероисповедных реформ в России в 1985—1997 гг. // Государство, общество, Церковь в истории России XX века. Иваново, 2008.
- ⁸ *Поспеловский Д.* Русская Православная Церковь сегодня и новый Патриарх // Вестник РХД. Париж ; Нью-Йорк ; М., 1990.
- ⁹ *Одинцов М. И.* Путь длиною в семь десятилетий. С. 70.
- ¹⁰ Цит. по: *Комаров Е. В.* Патриарх. М., 1993. С. 28.
- ¹¹ Что нам нужно? // Московский церковный вестник. 1990. Июнь. С. 3.
- ¹² Там же.
- ¹³ Полпути пройдено // Там же.
- ¹⁴ Атеистическое беззащитно // Там же. 1991. Май. С. 8.
- ¹⁵ *Эдельштейн Г., свящ.* Из записок советского священника // На пути к свободе совести. С. 263.
- ¹⁶ Московский церковный вестник. 1990. № 24 (42). Ноябрь. С. 2.
- ¹⁷ *Себенцов А.* Комментарии к Федеральному закону «О свободе совести и религиозных объединениях» // Радонеж. 1997. № 20 (64). С. 7.
- ¹⁸ *Шведов О. В.* Энциклопедия церковной жизни. М., 2003. С. 147—150.
- ¹⁹ *Якунин Г., свящ.* В служении культу (Московская Патриархия и культ личности Сталина) // На пути к свободе совести. С. 205.
- ²⁰ *Калинин В. Н.* Обзор законодательства о религии // Приход. 2006. № 9.
- ²¹ *Одинцов М. И.* Вероисповедные реформы в России: идеи, политика, итоги (1985—1997 гг.) // Российское законодательство о свободе совести в 80—90-х гг. XX в. : теоретические споры, реформирование правовых основ, практическая реализация законодательных актов. М., 1999. С. 15.
- ²² *Михайлов Г. А.* О религиозной ситуации в Российской Федерации // Религия, Церковь в России и за рубежом. М., 1994. № 1.

²³ *Филатов С. Б.* Нужна ли нам внутренняя граница? // На пути к свободе совести. С. 272.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: *Куницын И. А.* Православный статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000. С. 133—134.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 63.3(2)64-283.2

А. В. Ерахтин

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ВЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Интеллигенция играла исключительно важную роль в общественной жизни России в XIX—XX вв. Именно в этот период особую остроту приобрели вопросы социальной справедливости, отношения интеллигенции к власти и власти к интеллигенции. Отношение интеллигенции к власти во многом обусловлено ее природой: стремлением к свободе, чувством справедливости, протестом против зла, угнетения и страданий народа. Все это плохо согласуется с авторитарными и бюрократическими формами правления. Поэтому власть с настороженностью относится к интеллигенции, а порой любыми способами стремится избавиться от своих критиков.

В царской России интеллигенция была отстранена от власти, она выступала за свержение самодержавия. Раскол в ее рядах в основном касался отношения к формам и методам борьбы за справедливое переустройство общества. Одна часть интеллигенции придерживалась либеральных взглядов, выступала за постепенное реформирование общества. Другая стремилась к революционному переустройству страны, не отвергая крайних форм противостояния. Не только интеллигенция, но и весь народ Рос-

© Ерахтин А. В., 2013

Ерахтин Арнольд Валентинович — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Ивановского государственного архитектурно-строительного университета. erakhtinav@mail.ru

сии втянулся в борьбу против самодержавия, которая завершилась революциями 1917 года.

Победа Февральской буржуазно-демократической революции, свергнувшей монархию, большинством интеллигенции была принята с воодушевлением. Демократические реформы временного правительства (отмена сословий, религиозных и национальных ограничений, провозглашение гражданских свобод, отделение церкви от государства и др.) открывали дорогу к демократизации политической и культурной жизни народных масс. Однако Временному правительству не удалось вывести страну из кризиса, оно не оправдало возлагаемых на него надежд, что привело интеллигенцию к разочарованию.

Победа Октябрьской революции, приведшая к власти большевиков, вызвала еще большее разочарование и раскол в рядах интеллигенции. Захват власти и последующий за этим разгон Учредительного собрания был воспринят основной частью российской интеллигенции как узурпация. Гражданская война углубила идейно-политический раскол интеллигенции. Перед новой властью остро встал вопрос об отношении к интеллигенции.

В. И. Ленин рассматривал интеллигенцию как важнейший элемент социальной структуры общества. Он был непримирим к буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, поскольку она не принимала революцию и вступила на путь сопротивления советской власти. Но он считал, что нужно сделать все для привлечения интеллигенции на сторону советской власти. Ленин подчеркивал, что «нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, надо переубедить, переделать, переварить, перевоспитать ее — как перевоспитать надо в длительной борьбе... и самих пролетариев...»¹.

Большевики понимали, что без привлечения интеллигенции к власти невозможны коренные социальные преобразования в общественной жизни, невозможно построение общества на принципах социальной справедливости. Б. Н. Чичерин писал: «Наши охранители утверждают, что недовольство нашей формой правления существует только среди так называемой “интеллигенции”, а не в массе народа, и в этом они правы... Но из этого не следует, чтобы правительство могло бы опираться непосредственно на массу народа. Обыденная, каждодневная работа правительства совершается посредством его многочисленных органов, которые

сами, по необходимости, выходят из среды интеллигенции, а потому только то правительство прочно, которое опирается на самые лучшие в умственном отношении силы народа, т. е. на его “интеллигенцию”»². Советская власть, несмотря на все трансформации, в конечном итоге сумела привлечь интеллигенцию на свою сторону, обеспечить ей довольно высокий уровень жизни и достойное социально-экономическое положение. Ее престиж в годы существования СССР был достаточно высоким.

В советский период социальная справедливость трактовалась исходя из марксистско-ленинской концепции построения социализма. Акцент делался на необходимости выравнивания доходов рабочих и крестьян как важнейшего условия для стирания социальных различий. Согласно К. Марксу, полное социальное равенство достижимо лишь при коммунизме и означает одинаковое отношение всех людей к общественным средствам производства, равные условия труда и распределения, полное равенство политических и гражданских прав, равный доступ к образованию, культуре, духовным ценностям. Только тогда может осуществиться принцип: «Каждый по способностям, каждому по потребностям»³. Но, как подчеркивал Маркс, первая фаза коммунизма справедливости и равенства еще не дает и дать не может. «Право, — писал он, — никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»⁴.

В социалистическом обществе, где действует принцип: «От каждого по способности, каждому по труду», социальное равенство индивидов не является полным. Различие индивидуальных способностей связано с прирожденными качествами людей и отчасти с их социальным происхождением, с условиями воспитания. Все это приводит к неравенству потребления и общественного положения. Но в СССР существовали общественные фонды потребления, которые в значительной мере выравнивали это неравенство.

В период перестройки, охватывающий 1985—1991 годы, появилось большое количество научных и публицистических работ, посвященных критике социально-экономического и политического устройства социалистического общества, в том числе и социальной справедливости. Острой критике подвергался «уровнительный» характер социалистического распределения, были раздуты «привилегии партийно-хозяйственной номенклатуры»,

на деле весьма умеренные для правящего слоя, и выражалась надежда, что перестройка приведет к более справедливому распределению доходов и потребительских благ.

Интеллигенция готовила перестройку, полагая, что она будет способствовать демократизации общества, более высокому уровню жизни и большей справедливости. Ведущие идеологи перестройки и реформ считали, что главным препятствием на пути к демократизации и рыночной экономике является административно-командная система, то есть советское государство и партийный аппарат. Советская система была разрушена, но итогами перестройки воспользовались другие силы, которым интеллигенция оказалась ненужной. Ф. Х. Соколова констатирует: «Исторический опыт России подтверждает, что знания, способности, умения интеллигенции, ее критический ум бывают востребованы лишь на переходных этапах развития общества и при разработке и концептуализации инновационных проектов и структур... Но плодами деятельности интеллигенции нередко пользуются другие: умеющие перехватить инициативу, приписать лавры победы себе; способные к интригам; более формализованные, умеющие найти общий язык с руководством более высокого звена; зачастую беспринципные, под прикрытием демагогических лозунгов реализующие собственные амбиции и интересы»⁵.

Перестройка в СССР завершилась обманом и величайшей несправедливостью. Согласно выводам счетной палаты, законодательная база постоянно отставала от реальных процессов приватизации. «Приватизация государственной собственности сопровождалась многочисленными нарушениями как со стороны федеральных органов государственной власти, их уполномоченных представителей, так и руководителей приватизируемых предприятий»⁶. В результате проведения так называемых «залоговых аукционов» крупнейшие сырьевые активы России достались будущим олигархам фактически бесплатно. Е. Гайдар и А. Чубайс распространили институты частной собственности в первую очередь на природные богатства, которые были захвачены министрами-жуликами и их окружением. Крупнейшие предприятия приобретались за бесценок и перепродавались. Р. Абрамович, например, приобрел «Сибнефть» за 100 млн долларов, а через десять лет продал ее государству за 13 млрд⁷.

Огромная страна, в которой были приватизированы 145 тыс. предприятий, получила в казну только 9,7 млрд долларов. «Такую сумму, — пишет А. Хинштейн, — наши туристы ежегодно оставляют на зарубежных курортах»⁸.

Приватизация привела к деградации не только отдельных предприятий, но и целых отраслей, перешедших в частную собственность. Люди, которым практически даром досталось народное богатство, использовали его в основном для личного обогащения. Все это осуществлялось за счет основной массы населения, доведенной до обнищания. Но насколько законна произошедшая в России приватизация? Народ не давал согласие на ее проведение. В докладе счетной палаты «Анализ процессов приватизации» говорится, что ответственность за имевшие место негативные последствия приватизации полностью лежит **на публичной власти** и необходимо «в судебном порядке обеспечить восстановление нарушенных прав законного собственника — государства»⁹. Когда доклад решили представить Госдуме, депутаты четыре раза откладывали чтение, поскольку многие из них — непосредственные участники приватизационных процессов, а 80 % населения считают, что приватизация шла нечестно и хотят ее пересмотра¹⁰.

Вопиющей социальной несправедливостью является огромный разрыв в доходах между богатыми и бедными. У большинства людей нет денег на самое необходимое, а другие россияне демонстративно покупают за рубежом королевские замки. По количеству миллиардеров наша страна уже на третьем месте в мире и большинство их сегодня живет в Москве. По сведениям журнала «Форбс», в 2012 году в Москве было зарегистрировано 79 миллиардеров.

Россия, имея самые большие в мире природные богатства, сегодня не в состоянии обеспечить большинству своих граждан достойный уровень жизни. Главная причина глубокой социальной несправедливости в том, что крупная собственность — основные средства производства, а значит, и власть находятся в руках кучки олигархов и высших чиновников, которые эту власть обслуживают.

Либеральные реформы 90-х годов XX века нанесли тяжелейший удар по интеллигенции как наиболее незащищенной и материально зависимой от государства группе населения. В этот период происходит процесс размежевания интеллигенции. Очень небольшая часть «пошла во власть», стала элементом ее структу-

ры. Другая, подавляющая часть интеллигенции в постсоветской России — учителя, врачи, ученые, преподаватели, работники культуры и другие «бюджетники» превратились в «новых бедных». Часть интеллигенции в поисках лучшей доли стала покидать Россию. Другие сменили социальный статус, ушли в бизнес, криминализировались. Пытаясь приспособиться к новым реалиям современной действительности и угодить власти, немалая часть интеллигенции принялась всячески порочить и клеветать на прошлое страны. В результате на смену идеям высокой нравственности и истинного патриотизма, что было характерным для многих в советское время, в современную жизнь пришли безнравственность и бездуховность, культ денег, насилия, наркомании и секса. «На фоне общей нравственной подавленности, — пишет А. М. Мосоров, — отчетливо заметны усиливающаяся продажность значительной части интеллигенции, готовой угодливо идеализировать, оправдать или охаять любые социальные феномены в угоду любому заказчику»¹¹.

Самой жгучей проблемой современной России является коррупция. Правовой вакуум в России начала 90-х годов XX века привел к криминализации российской экономики. Произошло сращивание бизнеса с государственными структурами, создавшее почву для бурного роста коррупции. Сегодня Россия, по данным международных экспертов, по уровню коррупции находится на 154 месте (из 178). Преодолеть коррупцию можно только через демократию, независимый суд и прокуратуру, которая должна осуществлять надзор за соблюдением законов и Конституции РФ. Но прокуроры порой сами нарушают законы, в Подмосковье, например, они, как бандиты, занимались крышеванием подпольного игорного бизнеса.

Казалось бы, в поисках справедливости и защиты своих прав граждан России может обратиться в суд. Но и там справедливости добиться очень трудно. Статистика свидетельствует, что чиновники и бизнесмены, в чьих делах фигурируют многомиллионные суммы, обычно уходят от ответственности. Известный режиссер С. Говорухин так характеризует наши суды: «У нас нет независимого суда — вердикты зачастую выносятся по звонку сверху или по просту покупаются... Россия сегодня превратилась в страну воров. Быть честным смертельно опасно»¹². О правоте С. Говорухина наглядно свидетельствуют судьбы журналиста *Юрия Щекочихина*,

редактора газеты «Советская Калмыкия» *Ларисы Юдиной*, юриста *Сергея Магнитского*, ректора Северо-Кубанского гуманитарного технологического института *Галины Крошки* и многих других честных граждан России, борющихся за справедливость.

Можно ли в таких условиях говорить о социальной справедливости в современной России? Ощущение несправедливости наносит непоправимый ущерб психическому здоровью, формируется уродливая мораль: если ты не разбогател (не украл, не убил, не обманул, не взял взятки), значит, ты ничего не стоишь. Ясно, что с такой моралью очень трудно воспитать патриотизм, любовь к своей Родине. ***Справедливым может считаться только такой строй отношений, который считают справедливым все, кто в эти отношения втянуты.*** Это является минимальным условием, которое характеризует наличие или отсутствие справедливости в обществе. Социологические исследования показывают, что в представлениях россиян социальная справедливость тесно связана с вопросами регулирования распределения доходов и роли государства в обеспечении прав граждан на труд, жилище. Мнения о том, что именно правительство несет ответственность за справедливое распределение доходов, придерживаются 96 % россиян¹³. Поэтому не случайно одна из предвыборных статей В. В. Путина была целиком посвящена социальной справедливости в России. В ней будущий президент подчеркивал, что Россия — социальное государство, которое обязано поддерживать высокий уровень социальных гарантий. Он недоволен реализуемым в социальной политике принципом справедливости и перечисляет основные проблемы социальной сферы: недостойная зарплата и плохая работа социальных лифтов, вызывающая разница в доходах людей; бедность, низкий уровень социальных услуг и неэффективность соцрасходов. Премьер получил поддержку россиян потому, что обещал решить эти проблемы в период своего президентства¹⁴.

Проблема России еще и в том, что очень существенная часть власть имущих не связывает свое будущее с российским государством. Заместитель главы президентской администрации В. Сурков даже ввел термин «оффшорная аристократия». Он признал, что главной проблемой России является отсутствие национально ориентированной элиты. Представители нынешней живут

за рубежом, там же учат своих детей, а Россией управляют по совместительству, чувствуя здесь себя как на плантации. По подсчетам аналитиков из TJN, за последние 20 лет чиновниками из Российской Федерации выведено в зарубежные оффшоры 800 млрд долларов¹⁵. Это почти три годовых бюджета Российской Федерации, украденных у нее и спрятанных за границей. Понятно, что собственник — вор, понимающий нелегитимность своего обогащения, в принципе не будет вкладывать свои сбережения в национальную экономику.

Выступая на семинаре Института современного развития, президент России Д. А. Медведев заявил: «Власть нуждается не в комплиментах и облизывании, а в открытом, публичном и полноценном обсуждении существующих проблем»¹⁶. Одной из таких проблем, препятствующих развитию гражданского общества в России, является несовершенная выборная система. Власть, используя административный ресурс, нередко идет на прямые подтасовки результатов выборов и нарушение законодательства. Но российское общество становится всё более информированным и зрелым, и следовательно, более требовательным. Интернет превращается в мощный инструмент политического влияния. На политическую арену выходит средний класс. Перед выборами в Государственную Думу негативное влияние на настроение избирателей оказала рокировка в тандеме, которая продемонстрировала ориентиры правящей группировки на пожизненное правление. Резко упали рейтинги В. Путина и партии «Единая Россия». Власть впервые столкнулась с невиданным доселе размахом недовольства в обществе. Испугавшись возможности поражения на выборах, она решила использовать проверенное оружие — административный ресурс. Об этом в «Новой газете» пишет член регионального политсовета «Единой России» В. Семаго¹⁷.

После выборов в Москве и во многих городах России прошли многотысячные митинги под лозунгом «За честные выборы», против фальсификации выборов в Госдуму и с требованием отставки В. Е. Чурова. Борясь за выживание и разуверившись в том, что избранные депутаты будут защищать их интересы, люди утрачивают интерес к политическим и общественным делам и перестают ходить на выборы. Это наглядно продемонстрировали выборы 14 октября 2012 года в Единый день голосования.

Тяжело ударила по интеллигенции так называемая реформа российского образования, которое во времена СССР было одним из лучших в мире. Главный удар был нанесен по дисциплинам, формирующим мировоззрение человека и его гражданскую позицию. Если 15 лет назад на изучение литературы в 10—11 классах давалось 400 часов уроков, сегодня — в два раза меньше. Заслуженный учитель, директор Московского центра образования № 109 Е. А. Ямбург пишет: «Когда фашисты строили планы оккупации СССР, они планировали открывать школы для русских рабов. В них на литературу тоже отводилось 200 часов. И к этому мы сейчас пришли...»¹⁸

По проекту нового закона «Об образовании в РФ», предложено сократить число предметов в старших классах с 16—21 до 9—10. Реформа ставит своей целью сэкономить на образовании. ФГОС лишает российских детей возможности получить даже базовые знания о мире, запрещает преподавание детям полного курса наук, считающихся на протяжении последних 200 лет необходимыми для нормального существования в цивилизованном обществе¹⁹.

В высшей школе на протяжении последних лет сокращаются или вообще убираются общественные дисциплины. В 2011/12 учебном году во многих вузах уже не преподается логика, этика, эстетика, политология и концепции современного естествознания, в два раза сократилось количество часов на преподавание истории России и почти в три раза на преподавание философии. Даже в университетах, которые именуют себя «классическими», на юридических факультетах студенты «изучают» философию в течение одного семестра. Можно только догадываться каким будет мышление и мировоззрение будущих судей, прокуроров и адвокатов. Ведь общепризнано, что изучение философии позволяет преодолеть профессиональную ограниченность интеллектуального кругозора, порождаемую любой, даже гуманитарной специализацией. Философия — главная мировоззренческая дисциплина, без которой образование не будет ни современным, ни высшим.

Отношение нынешней власти к науке и научной интеллигенции крайне негативное. Российская наука сегодня находится в критически плохом состоянии — худшем, чем когда-либо за всё время своего существования²⁰. Из-за унижительно низких зарплат и отсутствия оборудования, необходимого для проведения исследований, продолжается «утечка умов».

Известно, что общество программирует свое будущее через систему образования, развитие культуры и научные исследования. В решении всех этих проблем решающая роль принадлежит интеллигенции. Политический режим, который не желает или не способен решать эти проблемы, не может осуществлять национальное развитие, исторической перспективы не имеет. В полной мере это относится и к постсоветской России.

Примечания

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 101.
- ² Чичерин Б. Н. Мысли о современном положении России // Звезда. 1994. № 10. С. 114.
- ³ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 20.
- ⁴ Там же. С. 19.
- ⁵ Соколова Ф. Х. Интеллигенция во власти: российские реалии // Интеллигенция и мир. 2009. № 2. С. 12.
- ⁶ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993—2003 годов. М., 2004. С. 146.
- ⁷ Хинштейн А. Как убивают Россию. М., 2008. С. 305.
- ⁸ Там же. С. 298.
- ⁹ Анализ процессов приватизации... С. 144—145.
- ¹⁰ Гудрин К. Шокирующий провал шокирующей терапии // Аргументы недели. 2011. № 40.
- ¹¹ Мосоров А. М. Нужна ли современной России продажная интеллигенция? // Интернет в провинции : тез. докл. и сообщ. науч. конф. Екатеринбург, 1997. С. 19.
- ¹² Говорухин С. Кто опоганил Россию : почему быть честным стало опасно // Аргументы и факты. 2009. № 48.
- ¹³ Руковишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные измерения : международные сравнения. М., 1998. С. 132.
- ¹⁴ Социальная справедливость : социальная политика для России // Комсомольская правда. 2012. 13 февр.
- ¹⁵ Лаутар И. Деньги лежат «под матрасом» в офшорах. URL: <http://www.vzv-ural.ru/?rub=15&new=756>.
- ¹⁶ Власть не нуждается в облизывании // Аргументы недели. 2008. № 3.
- ¹⁷ См.: Это не фальсификация результатов выборов, а заговор с целью насильственного удержания власти // Новая газета. 2011. № 144.
- ¹⁸ Ямбург Е. А. Педагого-день и ученико-час // Аргументы недели. 2008. № 40.

¹⁹ *Ерахтин А. В.* Есть ли будущее у системы российского образования? // Экономическая и философская газета. 2011. № 40.

²⁰ *Захаров В. Е.* Что и как нужно спасать в российской науке // Там же. 2010. № 3—4.

ББК 63.3(2)64-6-283.2

В. Е. Козляков

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВОПРОСЫ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Интеллигенции всегда принадлежала ведущая роль в разработке и реализации идей национального возрождения. Однако в условиях глобализации на первое место стали выдвигаться интеграционные процессы. Сохраняя и оберегая национальные интересы в нынешних реалиях, интеллигенция призвана понять, учесть и выразить интеграционные тенденции, идущие из глубин традиций конкретного этноса, определить практические пути взаимодействия народов.

В этих условиях Союзное государство Беларуси и России представляет собой самое эффективное интеграционное образование на всем постсоветском пространстве. Оно имеет твердую историческую, политическую, экономическую и духовную основу. Не случайно поначалу подавляющая часть интеллигенции двух братских народов с воодушевлением восприняла эту идею. Однако вскоре процесс союзного строительства замедлился. Тем не менее, несмотря на трудности и проблемы, Союзное государство состоялось. Подписано около 300 договоров и соглашений между Россией и Беларусью. Запущены стратегически важные процессы развития наукоемких технологий и импортозамещения, реализуются важнейшие научно-технические программы и социальные проекты, направленные на повышение качества жизни граждан двух стран.

© Козляков В. Е., 2013

Козляков Владимир Егорович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета. kozlyakov-ve@rambler.ru

«Союзное государство — катализатор и своего рода масштабная лаборатория глубокой интеграции, — отмечал Президент Беларуси А. Лукашенко в своей статье “О судьбах нашей интеграции”, опубликованной в газете “Известия”. — Это предмет нашей гордости. Ведь мы смогли расширить рамки интеграции от экономики до социальных и даже отчасти политических вопросов. Нам удалось серьезно продвинуться в обеспечении равных прав граждан, унификации национальных законодательств, координации внешнеполитической деятельности. Реальным стало осуществление масштабных межгосударственных программ, в том числе в сфере научно-технического сотрудничества»¹.

В самом деле, принятые союзные программы позволяют консолидировать интеллектуальные, технические, экономические ресурсы государств-участников и обеспечить их расширенное воспроизводство, ускорить развитие наиболее актуальных направлений сотрудничества. За период с 2000 г. полностью или частично за счет средств союзного бюджета профинансировано выполнение 40 совместных программ, призванных вывести предприятия наших стран на качественно новый уровень производства. В реализации этих программ участвуют около 180 предприятий Республики Беларусь и свыше 250 — России.

Одно из наиболее перспективных направлений в современной науке — развитие нанотехнологий. Союзное государство, интеллигенция наших стран не могли остаться в стороне от потребностей нового тысячелетия. В настоящее время разрабатывается проект программы «Разработка нанотехнологий создания материалов, устройств и систем космической техники и их адаптация к другим отраслям техники и массовому производству». Эта программа нацелена на разработку новых и развитие существующих нанотехнологий².

Предназначение любого государства — создать необходимые условия для свободной и достойной жизни своих граждан. Именно поэтому развитие социальной сферы принадлежит к числу важнейших направлений деятельности Союзного государства. Разработано более 30 проектов унифицированных нормативных правовых документов, закладывающих исходную базу правовой унификации в социально-трудовой области. Отсутствует система квот на привлечение рабочей силы, формируется единая инфор-

мационная база вакантных рабочих мест. Все это позволило многим белорусам (по официальным оценкам, около 400 тыс. человек) временно или постоянно трудиться в России. Урегулирован вопрос о выплате пенсий гражданам Беларуси и России в случае переезда с территории одной страны на территорию другой.

Исключительно важной для развития и становления Союзного государства является область культуры и искусства. Совместно проводятся крупные культурные акции: Дни культуры Беларуси в России и России в Беларуси, Международный фестиваль искусств «Славянский базар» в Витебске. С 2003 г. на «Славянском базаре» проводится День Союзного государства. Реставрируются памятники истории и культуры, присуждаются премии Союзного государства в области литературы и искусства.

Но, пожалуй, наиболее важным направлением является союзное строительство в области укрепления обороноспособности. Полноценное военное сотрудничество предусматривает создание необходимой нормативно-правовой базы, осуществление совместной оборонной политики, координацию деятельности в области военного строительства, совместное использование военной инфраструктуры, разработку и размещение оборонного заказа, функционирование региональной группировки войск и другие мероприятия.

Следует подчеркнуть, что в разработке и реализации договоров и соглашений интеллигенция двух государств играет исключительно важную роль, и как генератор союзных идей, и как их исполнитель. К сожалению, сегодня не всё идет так, как хотелось. Строительство Союзного государства притормозилось по многим направлениям. Оказалось, что это не простой процесс, особенно в условиях различных форм хозяйствования, усиливающейся конкуренции.

Какие факторы не способствуют союзному строительству? Во-первых, сказываются несоизмеримые масштабы двух стран, что затрудняет межрегиональное сотрудничество. Во-вторых, ощущается разница в различных формах собственности: в Беларуси главенствующей является государственная собственность, в России — частная. Отсюда возникают проблемы взаимодействия разных субъектов хозяйствования с разными формами собственности. В-третьих, не секрет, что правящие элиты обеих стран, как в Беларуси, так и в России, не заинтересованы в том, чтобы над

ними был и некий наднациональный орган. Отсюда — многие согласования не только тормозятся, но и вызывают противодействия со стороны отдельных чиновников различных министерств и ведомств. В этих условиях интеллигенция Беларуси и России призвана усилить свою интегрирующую роль.

Но современная интеллигенция не однородна. Разброс мнений по широкому кругу вопросов общественного развития достаточно широк, а порой противоположен и противоречив. Нет единства среди интеллигенции и в вопросах союзного строительства. Можно выделить, как минимум, три точки зрения: *патриотическую, либеральную и либерально-имперскую*. Патриотически настроенная интеллигенция последовательно выступает в поддержку Союзного государства. Положительно относится к союзному строительству главная российская партия — «Единая Россия», хотя в ее программных документах, предвыборных платформах не удалось найти конкретных положений, касающихся союзной проблематики. Тем не менее руководство партии неоднократно заявляло о своей приверженности союзному строительству, необходимости унифицировать законодательство двух стран, искать другие возможности, направленные на развитие белорусско-российской интеграции. Лидер «Единой России» В. Путин, победивший на президентских выборах в марте 2012 г., неоднократно демонстрировал себя на практике поборником дальнейшего укрепления Союзного государства. Многие депутаты Государственной думы Российской Федерации активно участвуют в деятельности Парламентского собрания Беларуси и России, других союзных структурах.

Идею союзного строительства поддерживают в основном партии левой ориентации. Активной защитницей Союзного государства выступает Компартия Российской Федерации. Вопросы союзного строительства нашли должное отражение в предвыборных платформах, высказываниях лидеров КПРФ. Выступая на XII съезде партии в сентябре 2007 г., Г. Зюганов резонно заметил, что в XXI в. выживут только самодостаточные государства или объединения нескольких государств. «Мы боремся за создание Союзного государства, прежде всего Союза России, Украины, Белоруссии и, может быть, Казахстана для совместного построения нашего общего будущего и противодействия внешним угро-

зам, — заявил лидер КПрФ. — Без такого взаимодействия никакой суверенной перспективы у данных государств нет».

Слова и заявления российских коммунистов не расходятся с делами. Они неоднократно солидаризировались с белорусским руководством в самых острых ситуациях, рассказывали россиянам о реальном положении в нашей стране, пропагандировали достижения Беларуси в сфере экономики и социальной политики, проявляли другие инициативы в Госдуме, направленные на поддержку белорусского народа.

Например, состоявшийся в августе 2011 г. по инициативе коммунистов IV съезд народных депутатов Сибири и Дальнего Востока потребовал от президента Медведева, от правительства России прекратить давление на братское государство. «Мы требуем в марте 2012 года, одновременно с выборами президента РФ, принять Конституцию Союзного Государства России и Беларуси»³, — говорится в резолюции съезда. Идею строительства Союзного государства поддержал и предвыборный съезд КПрФ (сентябрь 2011 г.) Выступая с докладом на съезде, Г. Зюганов подчеркнул, что важнейшая задача — создание нового Союза братских народов. «Ускоренная реинтеграция стран, входивших в состав СССР, будет основой наших решений по внешней политике»⁴, — заверил делегатов съезда Г. Зюганов.

Справедливости ради следует сказать, что идеи Союзного государства находят понимание и поддержку среди других патриотических сил России, многих их представителей. Так, бывший депутат Госдумы, известный экономист С. Глазьев полагает, что создание Союзного государства расширяет «наши конкурентные преимущества, наше экономическое пространство, наши возможности».

В Беларуси союзные идеи разделяет и активно поддерживает Коммунистическая партия. Принятая еще в 1996 г. программа КПБ четко заявила, что партия будет способствовать укреплению Союза Беларуси и России, активно противодействовать разрушительной экспансии Запада⁵. Как известно, депутаты-коммунисты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь активно участвуют в деятельности не только Парламентского собрания Беларуси и России, но и в других союзных структурах, содействуют развитию информационного обеспечения союзного строительства.

К сожалению, не все партии, считающие себя левыми, оказались такими же последовательными, как КПБ и КПрФ. Например, провозгласив в своей программе, принятой в 1999 г., задачу восстановления «Союзного государства, всемерное укрепление Союза Беларуси и России», Партия коммунистов (Белорусская) (ПКБ)⁶ стала на практике отходить от данного положения, постепенно в этом и других вопросах эволюционируя вправо. Этому во многом способствовало ее беспринципное сотрудничество с националистическими и праволиберальными группировками типа БНФ и Объединенной гражданской партии. В итоге вполне закономерно, что партия изменила свое название и стала называться с 2007 г. «Левая партия “Справедливый мир”». Сегодня, к сожалению, позиция «Справедливого мира» в отношении Союзного государства мало чем отличается от позиций праволиберальных партий. С. Калякин, лидер «Справедливого мира», теперь больше рассуждает о «мифическом союзном государстве» и «реальном нейтралитете Беларуси». Правда, тут же лидер бывшей ПКБ оговаривается, спешит уверить, что «нет нужды рушить единую региональную систему ПВО и в целом отказываться от надежного российского щита»⁷.

Взгляды «калякинцев» во многом перекликаются с позицией бывшего «единого» кандидата в президенты от оппозиции (2006 г.) А. Милинкевича и его движения «За свободу». А. Милинкевич видел свою задачу в том, чтобы между Россией и Беларусью не было попыток строить «какие-то эфемерные союзные государства». Бывший «единый» кандидат постоянно пугал белорусский электорат аншлюсом Беларуси в состав России. При этом он видел угрозу не в политическом, а в экономическом плане, из-за того, что Беларусь якобы неизбежно станет частью России по причине, дескать, фатального роста белорусских задолженностей. А. Милинкевич выступает также, как и С. Калякин, за то, чтобы Беларусь оставалась нейтральной страной — «никакие блоки ей не нужны»⁸. Подобные высказывания А. Милинкевича, прямо скажем, выглядят лицемерными, поскольку бывший «единый» кандидат в президенты не однажды встречался с деятелями тех стран, которые входят в НАТО.

Мало чем от позиций А. Милинкевича отличаются позиции социал-демократов, переживших не один раскол. Программа Белорусской социал-демократической партии (Народная Громада), принятая в 1996 г., выступала за нейтралитет Беларуси, однако

ставила цель, чтобы страна стала членом Совета Европы⁹. Бывший лидер партии Н. Статкевич убеждал избирателей, что Кремль прикладывает «большие финансовые и политические усилия по инкорпорации Беларуси в состав России». Тем не менее в период президентской кампании 2010 г. Н. Статкевич уже прямо рассчитывал на помощь российских олигархов. Он признал первостепенную важность стратегического партнерства с Россией и построения Единого экономического пространства. Бывший кандидат «вдруг» прозрел и увидел, что «Россия остается для Беларуси основным рынком сбыта промышленных товаров»¹⁰. Сногшибательное открытие!

Еще более негативно к идее Союзного государства относятся белорусские праволиберальные партии. Если в программе Партии БНФ, принятой в 1993 г., говорилось о том, что политика Беларуси должна вести к «неуклонному уменьшению ее политической и экономической зависимости от России»¹¹, то «Стратегическая платформа» партии, принятая уже после ее раскола в 2002 г., подтверждая курс на укрепление независимости страны, будущее Беларуси связывает с Евросоюзом и блоком НАТО. Показательной была позиция кандидата в президенты Беларуси (2010 г.) от партии БНФ Г. Костусева. Он тогда обещал пересмотреть все «ненужные» международные договоры и «упразднить Союзное государство»¹².

Но некоторые оппозиционные деятели «нового призыва» посчитали, что такая позиция недостаточно русофобская. Выделившийся из БНФ «Молодой фронт», возникший на ниве недовольства молодежной оппозиции «ветеранами от демократии», уже категорично заявил о том, что он против союзов с Россией, «как политических, так и каких-либо других». Стратегический лозунг «Молодого фронта» — «Беларусь у Эўропу»¹³.

Нетрудно увидеть, что за плечами молодых оппозиционеров маячит фигура одиозного лидера Консервативно-христианской партии БНФ З. Позняка. Именно З. Позняк считает, что строительство Россией белорусской АЭС — «смерть белорусской нации, копанье смертельной ямы под целый народ и создание энергетического рабства для всей страны»¹⁴. Консервативно-христианская партия БНФ во главе с эмигрантом З. Позняком имеет мизерную численность своих приверженцев и не пользуется

ся особым влиянием в электорате, но занимает наиболее враждебные позиции по отношению к Союзному государству, к России. Принятая в 1999 г. программа партии призывает «дистанцироваться от российской имперской политики, от навязывания совместных с Россией союзов и интересов»¹⁵.

Более того, программа КХП-БНФ фактически объявляет белорусскими землями территории Смоленщины, Брянщины и северной Витебщины. Правда, программа тут же великодушно оговаривается, что путь территориальных претензий «не есть путь наилучший». Но не исключено, что могут найтись националистические деятели, которые при поддержке Запада будут не прочь ввергнуть Беларусь в территориальные споры со своими соседями. И никакие Хельсинкские соглашения преградой к подобным авантюрам не станут.

Категорически против Союзного государства выступают российские либералы. Подобные взгляды характерны для «Правого дела», других либеральных группировок России. Бизнесмен М. Прохоров, баллотировавшийся кандидатом на пост президента России, предлагал ориентироваться не на Союзное государство, не на создание Евразийского союза, а на реализацию «стратегии по объединению Европейского союза и России»¹⁶.

Все праволиберальные партии, а также родственные им группировки всего постсоветского пространства в свое время любили пожонглировать терминами «независимость», «суверенитет». В 90-е гг. XX в. это было если не закономерным, то понятным, ибо после развала СССР перед молодыми государствами встали непростые вопросы национально-государственного строительства. Но сегодня, как ни парадоксально, романтические лозунги независимости стали приобретать иное значение, так как руководители некоторых независимых государств взяли курс на вступление в Евросоюз и НАТО, готовы предоставить свои территории для американских баз, т. е. передать значительную часть своего суверенитета европейским структурам. Разговоры и рассуждения о независимости стали приобретать, с одной стороны, формальный характер, а с другой — наполнились совершенно определенным содержанием — продемонстрировать независимость от России и даже вступить с ней в конфронтацию, вместе с тем подобоострастно сигнализируя американской и западноевропейской общественности о своем про-

западном холуяже. Такие тенденции обнаружались в политической практике многих праволиберальных партий постсоветского пространства, в том числе и белорусских.

Особняком в этой «когорте» либералов стоит Либерально-демократическая партия России, позицию которой можно квалифицировать как либерально-имперскую. Если поначалу ЛДПР благоклонно относилась к идее Союзного государства, то на сентябрьском съезде партии (2011 г.) В. Жириновский предложил бывшим союзным республикам формат единого государства. «Вступайте в Российскую Федерацию в качестве федеральных округов», — отмечается в резолюции съезда ЛДПР. При этом резолюция недвусмысленно замечает, что Беларусь может преобразоваться в Минский девятый федеральный округ, Украина — в два федеральных округа: Киевский и Одесский. «Вот уже в общей сложности 11 округов. Южный Кавказ — 12-й округ, Казахстан, Средняя Азия — еще два округа: среднеазиатский и закаспийский, как угодно их назвать», — разъяснил свою позицию В. Жириновский¹⁷. Подобные предложения сильно смахивают на предложения А. Чубайса, возглавлявшего в ельцинский период администрацию Президента.

Менее экстравагантной выглядит позиция Либерально-демократической партии Беларуси. Бывшие соратники В. Жириновского в своей новой программе, принятой в 1999 г., заявили, что ЛДПБ — партия независимого суверенного белорусского государства. Во внешней политике ЛДП Беларуси выступает за развитие равноправных отношений с соседями Беларуси — Россией, Украиной, странами Прибалтики, Польшей, за то, чтобы западный и восточный векторы были сбалансированы и отвечали практическим интересам Беларуси, за активизацию отношений с ОБСЕ, Советом Европы, Европейским Союзом, за присоединение Беларуси к интеграционным общеевропейским процессам¹⁸. Подобные позиции, как было отмечено выше, явно стали доминировать во многих белорусских партиях.

Разумеется, либеральная точка зрения, преобладающая как в некоторых белорусских, так и в отдельных российских общественных объединениях, сформировалась под воздействием западных кругов. Показательна в этом статья З. Бжезинского, опубликованная еще в 2008 г. в газете «The Washington Quarterly». Известный американский политолог утверждал, что «единственное

конструктивное решение, которое может принять Россия, — это подкрепить свою культурную принадлежность к Европе, превратившись в конституционное государство, строящее демократию, с юридически прозрачной смешанной экономикой и расширяющимися контактами с ЕС»¹⁹. Но З. Бжезинский, как и другие западные политики и политологи, на деле мечтает, чтобы печальная участь СССР постигла и Россию. При этом раздаются требования, в том числе и со стороны российских праволиберальных сил, чтобы Россия прекратила конфронтацию с Западом. Но Россия никогда не конфронтировала с Западом, другое дело, она всегда выражала свою принципиальную позицию, защищая свой суверенитет. А вот Запад, прежде всего США, всегда пытался установить свою гегемонию над другими народами, о чем, кстати, свидетельствуют недавние события в Ираке, Ливии и Сирии.

Народы Беларуси и России знают цену подобным прозападным идеям. Не случайно сегодня стали говорить о многополярной, многовекторной глобализации, в которой Союзное государство Беларуси и России призвано сыграть важную роль. Будущее у Союзного государства есть. Но союзное строительство — это не стихийный процесс, а сознательное творчество двух братских народов. И общественно-политические объединения, патриотически настроенная интеллигенция, если на деле выступают за укрепление белорусской и российской государственности, призваны внести в него свой весомый вклад.

Перед нашими странами стоит задача принятия Конституционного Акта, призванного завершить процесс строительства Союзного государства, его государственное устройство и правовую систему. И здесь интеллигенция должна сказать свое решающее слово. Союзное государство по степени интеграции может быть сравнимо с Европейским союзом. Но к общеевропейскому дому они шли пятьдесят лет, а мы прошли этот путь за считанные годы. Важно, чтобы и в дальнейшем Союзное государство, Таможенный союз, ЕЭП обогащали и взаимодополняли друг друга. Наша общая задача, в первую очередь задача интеллигенции, — не утратить, а максимально использовать весь имеющийся интеграционный потенциал братских народов.

Примечания

- ¹ Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции // Известия. 2011. 17 окт. С. 2.
- ² Базанов А. В., Криштапович Л. Е. Союзное государство как императив развития Беларуси и России в современном мире. Минск, 2011. С. 23—24.
- ³ Заявление IV съезда народных депутатов Сибири и Дальнего Востока «О поддержке президента Белоруссии Александра Лукашенко и белорусского народа». URL: <http://www.kprf.ru> (дата обращения: 30.08.2011).
- ⁴ Курс на победу! : доклад Центрального Комитета КПРФ XIV съезду КПРФ. Выступление председателя КПРФ Г. А. Зюганова. URL: <http://www.kprf.ru> (дата обращения: 24.09.2011).
- ⁵ Программа Коммунистической партии Белоруссии // Политические партии : Беларусь и современный мир / М. Ф. Чудаков, А. Е. Вашкевич, С. А. Альфер и др. Минск, 2002. С. 231.
- ⁶ Программа Партии коммунистов Белорусской // Там же. С. 183, 185.
- ⁷ Калякин С. Я всегда считал, что союз с Россией — это благо для Беларуси. URL: <http://www.euramost.org> (дата обращения: 08.08.2009).
- ⁸ Милинкевич А. Договориться с российской стороной больше не реализовывать проект Союзного государства. URL: <http://www.zautra.by> (дата обращения: 13.07.2010).
- ⁹ Программа Белорусской социал-демократической партии (Народная Громада) // Там же. С. 228.
- ¹⁰ Выступление кандидата в Президенты Беларуси : Николай Сташкевич. URL: <http://www.soyuz.by> (дата обращения: 24.11.2010).
- ¹¹ Праграма партыі БНФ // Политические партии : Беларусь и современный мир. С. 363.
- ¹² Выступление кандидата в Президенты Беларуси : Григорий Костусев. URL: <http://www.soyuz.by> (дата обращения: 25.11.2010).
- ¹³ Дашкевіч З. Новае пакаленьне Беларусі. URL: <http://www.mfront.net>. (дата обращения: 16.10.2010).
- ¹⁴ Пазьняк З. Пра суд і атамную небяспеку. URL: <http://www.bielarus.net>. (дата обращения: 10.02.2008).
- ¹⁵ Праграма Кансерватыўна-Хрысьціянскай Партыі-БНФ // Политические партии : Беларусь и современный мир. С. 330—331.
- ¹⁶ Прохоров М. Настоящее будущее. URL: <http://www.mdp2012.ru/program> (дата обращения: 25.01.2012).
- ¹⁷ Съезд ЛДПР. URL: <http://www.interfax.ru>. (дата обращения: 14.09.2011).

¹⁸ *Котляров И. В.* Феномен многопартийности в современном белорусском обществе. Минск, 2009. С. 226.

¹⁹ *Бжезинский З.* Путинский выбор. URL: <http://www.inosmi.ru> (дата обращения: 12.03.2008).

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(2)531-283.2

И. А. Янцевич

Н. П. КОЛЮПАНОВ — ДЕЯТЕЛЬ ЗЕМСКОГО ДВИЖЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

Обращение к истории интеллигенции рубежа XIX—XX веков определяется интенсивным ростом национального самосознания. В то время осваивались традиции западноевропейской культуры нового времени и одновременно утверждались самобытные черты национальной культуры, ориентированные на сохранение национального своеобразия. Эти две тенденции лежали в основе менталитета интеллигенции, которая стояла у истоков социокультурных преобразований российской провинции. Необходимо отметить, что разночинная интеллигенция была объединена исключительно социальными идеями и брала на себя значимые функции по модернизации общества. Термином «модернизм» обозначали все новое, современное, что зародилось в конце XIX века и было связано с европейской культурой.

Культурологический подход позволяет показать, что на развитие общества значительное влияние оказывает культура, традиции, менталитет, быт, которые определяют стороны жизни провинциального общества. В центре внимания находится личность

© Янцевич И. А., 2013

Янцевич Инна Александровна — ассистент кафедры методик спецдисциплин Шарьинского филиала Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. iyantsevich@yandex.ru

как создатель материальных и духовных ценностей, который влияет на процесс развития социокультурной среды провинции. «При таком подходе не теряется отдельный человек, его можно увидеть в конкретных обстоятельствах, через его деятельность, и отсюда реально и заинтересованно подойти к изучению событий государственного масштаба. История государства в этом случае не отделяется от частной жизни, ощущается причастность к ней отдельного человека, в том числе и собственная значимость»¹.

Исследование феномена интеллигенции начинается с поиска духовных и ментальных оснований, базовых составляющих множества определений и характеристик. Содержание понятия «менталитет» отражает социально-психологическое и духовное состояние интеллигенции, которое проявляется в поведении и различных видах деятельности.

В культурологическом аспекте современная интерпретация концепта «ментальность» (фр. *mentalite* от лат. *mentalis* умственный, духовный) означает сферу устойчиво воспроизводимых и транслируемых познавательных механизмов, в которых оформляются смысловые и ценностные структуры культурной реальности, складывающейся из конкретного времени, пространства и порождаемых обществом феноменов. Ментальность является основной характеристикой *парадигмы сознания*. В генетическом аспекте ментальность — основная характеристика нации. Ментальность отражает глубинные структуры в *культуре*, исторически и социально укрепленные в *сознании* и поведении многих поколений людей. Ментальность объединяет все виды деятельности людей в процессе развития *общества* в определенные культурно-исторические типы².

Формирование менталитета русского народа и его социальной страты — интеллигенции, происходило под влиянием четырех основных сил: природных условий, особенностей социальной жизни, религии, специфики национального воспитания.

Ментальность русской интеллигенции представляет собой комплекс устойчивых свойств, влияющих на поведение, вырастающих на интеллектуальной и психологической основе. Поскольку интеллигенция выполняет функцию субъекта духовного производства, следовательно, обладает не только высокоразви-

тым интеллектом, но высокой духовностью и нравственностью. Интеллигенция выступает лидирующей социальной группой, определяя духовно-нравственное развитие общества. Отсюда и повышенная моральная ответственность за происходящее, что находит свое выражение в ее активной деятельности служения народу. Идея служения народу являлась ценностной ориентацией и чертой мировоззрения интеллигенции второй половины XIX — начала XX века. Особое положение провинциальной интеллигенции определялось непосредственной близостью к народу, к его проблемам и настроениям, а также желанием сделать все возможное для улучшения народной жизни.

Сегодня факт участия провинциальной интеллигенции и ее отдельных представителей в созидательной деятельности не подвергается сомнению и подтверждается рядом архивных материалов. Осмыслить вклад интеллигенции в процесс формирования культуры провинции невозможно без детального изучения жизненного пути и взглядов выдающихся представителей русской интеллигенции, одним из которых является Нил Петрович Колюпанов (1827—1894), судьба его тесно связана с Ветлужским уездом Костромской губернии.

Многообразная деятельность Н. П. Колюпанова занимала умы многих исследователей, таких как А. И. Кулаков, Л. И. Сизинцева, Е. А. Зайцева (Баум), Г. И. Любина, Л. А. Поросятковская³. Биографические данные, имеющиеся в Ветлужском краеведческом музее Нижегородской области, позволяют воссоздать целостную картину его жизни в исследуемый нами период.

В Государственном архиве Нижегородской области, в фонде Колюпанова хранится множество трактатов по античной, всеобщей, русской истории, допетровского и более поздних периодов, по истории раскольников и старообрядцев, крепостничества и еврейства в России. Многие рукописи, хранящиеся в архивах, остаются до сих пор не опубликованными. Взгляды на историю возникновения славянофильства и его идеологию Нил Петрович изложил в «Очерках философской системы славянофилов» (1894), опубликованных в серии журнала «Русское обозрение»⁴. Одним из значительных его трудов является и обширная неоконченная биография А. И. Кошелева, представляющая собой важнейший источник по истории славянофилов⁵.

Важно показать Н. П. Коллюпанова как видного общественного деятеля и публициста. Сведения о его службе в качестве Ветлужского уездного предводителя дворянства представлены в формулярном списке от 14 декабря 1871 года. Окончив Московский университет в 1850 году, Нил Петрович начал службу столичным начальником в Костромской палате государственных имуществ в качестве заведующего столом по размежеванию крестьянских земель, а в 1855 году он определен на вакансию младшего чиновника особых поручений при губернаторе. С 1857 по 1860 год служил Ветлужским земским исправником, наделенным высшей полицейской властью в уезде, за что был награжден чином титулярного советника. По представлению начальника губернии был утвержден представителем от Ветлужского уезда в губернский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян. В 1859 году за отличную и усердную службу был пожалован орденом Святого Станислава 3-й степени. В январе 1860 года, на очередных губернских выборах был избран на должность предводителя дворянства Ветлужского уезда и оставался им до самой смерти (1894 г.). В ноябре 1860 года произведен в коллежские асессоры со старшинством. 12 июня 1868 года был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с императорской короною⁶.

В 60—70-е годы XIX века Н. П. Коллюпанов вместе с дворянами Лугиниными, Святославом и Владимиром⁷, увлекся идеей кредитной кооперации в России. Это было связано с проблемой раскрепощения и освобождения крестьян. Нил Петрович составил «Практическое руководство к учреждению сельских и ремесленных банков по образцу немецких ссудных товариществ», в котором он выступил теоретиком идеи свободной ассоциации мелких тружеников, отталкиваясь от обобщения западноевропейского опыта⁸.

Особой заботой Ветлужского земства, которое возглавлял Нил Петрович, являлось народное образование. Он занимался устройством сельских школ в уезде и даже пожертвовал свое имение для школы и сельскохозяйственной фермы. В каждой усадьбе за счет владельцев были открыты и находились на их содержании школы для крестьянских детей: в имении Лугининых — в селе Рождественском (1823 г.), Ново-Успенская (1842 г.), Спириновская (1845 г.), Вохомская (1847 г.), Хмелевицкая и Нико-

ло-Шангшская (1861 г.). В 1867 году в школах учились 164 мальчика и 13 девочек. Результатом первых лет земской работы было открытие школ в Подгорной, Печенкинской, Глушковской, Гагаринской, Одоевской волостях, их примеру последовали крестьяне Заводской, Хорошевской, Тоншаевской, Пышугской, Какшинской, Шангско-Городищенской волостей. Каждый год открывалось почти столько же школ, сколько их было до создания земского управления. К концу 1867 года общее число школ достигло девятнадцати и на два десятилетия замерло на этой отметке⁹. С участием Колюпанова при земской управе была создана центральная библиотека для крестьян.

Следует отметить, что в Ветлужском уезде проживало много незажиточных людей, управляющих помещичьими имениями из лиц разных сословий. Для их детей при участии Колюпанова была открыта прогимназия в г. Ветлуге, по окончании которой выпускники имели возможность поступить в 5-й класс классической гимназии.

Одним из направлений общественной деятельности Н. П. Колюпанова, как гласного (так называли депутатов в губернские и уездные земские собрания) Ветлужской земской управы, было создание системы ремесленных школ для первоначального обучения крестьян ремеслам и различным промыслам. Об этом факте свидетельствует заявление гласного Н. П. Колюпанова в Костромскую земскую управу на очередной сессии Костромского губернского земского собрания от 1867 года¹⁰. В этом заявлении Нил Петрович, ссылаясь на заграничный опыт, обосновывает необходимость организации технического народного образования в провинции, «в особенности в местностях, где крестьяне занимаются отхожими промыслами». Он предлагает устроить несколько образцовых ремесленных школ в уездах Костромской губернии, в частности: ткацкие — в Костромском, Нерехтском, Юрьеveckом, Кинешемском; в уездах Ветлужском, Варнавинском, Макарьевском, Кологривском и отчасти Кинешемском, Буйском, Солигалическом — образцовые школы по подготовке специалистов для добывания усовершенствованным способом скипидара, дегтя, смолы; около г. Галича и Шокши — ремесленные школы, обучающие детей выделке кож и мехов. К сожалению, денежные средства земских

управ уездов Костромской губернии были крайне ограничены, поэтому многие начинания, связанные с благоустройством земской жизни, организацией технического обучения крестьян, реализовались частично или на короткий срок.

В своем исследовании Г. В. Давыдова на основе архивных материалов раскрывает роль земских деятелей Ветлужского уезда в обучении крестьян народным промыслам¹¹. Мы находим сведения об организации в селе Пыщуге токарной школы в 80-е годы, в 1907 году в Николо-Шангской волости — столярной артели. Наибольшее распространение в Ветлужском уезде получил рогожский и ткацкий промыслы, что объясняется наличием леса для добывания лыка и мочала, спросом на продукцию в виде лаптей и рогожек для обшивки экипажей. Кроме этого, крестьяне занимались заготовкой ивовой коры, которую отправляли на кожевенные заводы, где она употреблялась в толченом виде при выделке кожи и овчин. Надо сказать, что особенно лесной промысел кормил не одно поколение крестьян Ветлужского уезда, позволял оплачивать оброк, рекрутские деньги, государственные подати и другие платежи и повинности. Со временем этот промысел превратился в промышленность Костромского края.

Н. П. Колюпанов хорошо разбирался в делах лесного хозяйства, участвовал в составлении проекта лесоохранения в Костромской губернии. Работая в Костромской комиссии по оценке лесных дач, их ценности и доходности, написал записки о рациональной эксплуатации лесных угодий, адресованные наиболее передовым хозяевам¹².

Одной из форм проявления активной деятельности Н. П. Колюпанова является журналистика. Его многочисленные статьи о кооперативных товариществах, земельных банках, сельской промышленности, продовольственном вопросе, начальной сельской школе, публикуемые в журналах «Санкт-Петербургские ведомости», «Вестник Европы», «Русский вестник», «Беседа», «Русское обозрение», становились источником информации о жизни русской провинции, которую он знал как никто другой. Нил Петрович написал ряд исторических работ. В «Русской мысли» были опубликованы «Очерк внутреннего управления в России, начиная с московского периода» (1882), «...при императрице Екатерине II (1883), «Очерк истории русского театра до

1812 года» (1889); в «Юридическом вестнике» — «Административное и судебное устройство Царства Польского от конституции 1815 года до реформы 1864 года» (1890, 1891)¹³. Им написана автобиография, которая вышла в серии литературно-политического и научного журнала «Русское обозрение» в 1895 году¹⁴. Автор подробно отмечает важнейшие факты своей биографии, ценностные ориентиры и приоритеты в жизни, показывает широту интересов и взглядов на отдельные социальные институты российской действительности.

Вся совокупность материалов позволяет сделать вывод о том, что по широте интересов и складу ума Нил Петрович был активной натурой, сочетал в себе редкие способности. Как член губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, он высказывал критические замечания в адрес Положения по освобождению крестьян, определяя крепостное право как рабство. В этом аспекте важна статья Н. П. Колюпанова «Девятнадцатое февраля 1870-го года (Нерешенный вопрос)»¹⁵, которая произвела сильное впечатление на Огарева и Герцена. Автор предлагал ряд мер по либеральной корректировке крестьянской реформы (Положений 19 февраля 1861 г.). «Колюпанов находил целесообразным: 1) разрешение крестьянским обществам переходить от “непроизводительного надела” “по прежней оседлости” к наделу “по свободному избранию”, иными словами, получить свободу переселения; 2) отмену института круговой поруки при сохранении общины как “нормы политической правоспособности масс и естественной гарантии всякого самоуправления”; 3) прекращение обязательного выкупа, переход к выкупу по соглашению между помещиками и крестьянами и сокращение срока выкупной операции»¹⁶.

Эта серия исторических работ интересна по нескольким причинам. Во-первых, содержание работ тесно связано с историей государства и его культурной жизнью. Во-вторых, его исследования заслуживают уважения в связи с изучением зарубежного опыта внутреннего управления государством и попыткой его преломления на российской почве. Современный культурологический подход позволяет трактовать значение публицистической и журналистской деятельности Н. П. Колюпанова как канал трансляции культурной и просветительской информации в Костромской провинции. Тематика и содержание авторских работ

были характерны в большей мере для российского масштаба, чем для провинциального.

Важно подчеркнуть, что интересы Н. П. Коллюпанова охватывали разные сферы жизни, связанные с философией, театром, искусством. Он активно занимался проблемами технического переустройства провинции, был инициатором проведения телеграфа в городе Ветлуге. Нил Петрович стоял у истоков строительства железной дороги северного направления Сибирско-Уральской линии. На основе собранных сведений о населенности и производстве в Костромской, Вятской и Пермской губерниях, им был составлен доклад для Костромской Комиссии по железнодорожному вопросу¹⁷. Он осознавал свою ответственность перед временем, при жизни разрабатывал и реализовывал деловые проекты будущего России.

Обобщая эти факты, нетрудно заметить, что вся деятельность провинциальной интеллигенции, к которой, несомненно, следует отнести Н. П. Коллюпанова, была направлена на преобразование Поветлужья Костромской губернии. Передовая интеллигенция стремилась выражать интересы народа, была двигателем прогресса российского общества. В смысловое понятие провинциального интеллигента входили такие категории, как гражданственность и долг чести, осознание необходимости созидательной деятельности.

Примечания

¹ *Александрова Л. К.* Провинциальные музеи в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : (на материалах Верхнего Поволжья и Волго-Вятского региона России) : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2003. С. 32.

² *Едошина И. А., Бондарев В. А.* Культурология : основные понятия : адаптированный словарь для студентов. Кострома, 2000. С. 22.

³ *Кулаков А. И.* Энциклопедия личностей // История Ветлужского края. Урень, 1999. С. 203—218 ; *Сизинцева Л. И.* Как местное самоуправление начиналось // Страницы времен. 2009. № 3. С. 106—113 ; *Зайцева (Баум) Е. А., Любина Г. И.* В. Ф. Лугинин, 1834—1911. М., 2012 ; *Поросятковская Л. А.* Уездный предводитель // Ветлужская сторона. Кострома, 1995. С. 109—113.

- ⁴ *Колюпанов Н. П.* Очерк философской системы славянофилов // Русское обозрение : литературно-политический и научный журнал. 1894. Т. 28 (июль). С. 6—22 ; Т. 28 (август). С. 489—504 ; Т. 29 (сентябрь). С. 85—104 ; Т. 29 (октябрь). С. 547—565 ; Т. 30 (ноябрь). С. 49—71.
- ⁵ *Колюпанов Н. П.* Биография А. И. Кошелева. М., 1889, 1892. Т. 1, 2.
- ⁶ Государственный архив Костромской области. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3923 «Костромской губернский предводитель дворянства». Л. 58—63.
- ⁷ Святослав Федорович Лугинин (1837—1866) — предводитель дворянства Ветлужского уезда с 1863 по 1866 г., основатель первого кредитного кооператива в России.
- Владимир Федорович Лугинин (1834—1911) — профессор, основатель лаборатории термической химии Московского университета и русской школы термохимиков, прогрессивный общественный деятель в земском движении Ветлужского уезда.
- ⁸ Практическое руководство к учреждению сельских и ремесленных банков по образцу немецких ссудных товариществ / сост. Н. П. Колюпанов. М., 1870.
- ⁹ *Сизинцева Л. И.* Указ. соч. С. 109.
- ¹⁰ Сборник постановлений Костромского губернского земского собрания 1867 г. Кострома, 1868. С. 172—197.
- ¹¹ *Давыдова Г. В.* Ветлужские промыслы // Ветлужская сторона. Кострома, 1995. С. 28—37.
- ¹² *Колюпанов Н. П.* Об охране владельческих лесов. СПб., 1861.
- ¹³ См.: Славянофилы // Историческая энциклопедия / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М., 2009. С. 304.
- ¹⁴ *Колюпанов Н. П.* Из прошлого. Посмертные записки // Русское обозрение : лит.-полит. и науч. журн. 1895. Т. 31 (январь). С. 246—255 ; Т. 31 (февраль). С. 480—494 ; Т. 32 (март). С. 5—22 ; Т. 32. (апрель). С. 527—547 ; Т. 33. С. 596—615.
- ¹⁵ *Колюпанов Н. П.* Девятнадцатое февраля 1870-го года (Нерешенный вопрос) // Вестник Европы. 1868. № 10. С. 735—805.
- ¹⁶ *Китаев В. А.* Либеральная мысль в России (1860—1880 гг.). Саратов, 2004. С. 290.
- ¹⁷ *Колюпанов Н. П.* Экономическое значение северного направления Уральской линии : доклад уполномоченного от Костромской Комиссии по железнодорожному вопросу, избранной Костромским градским обществом. СПб., 1869.

Е. П. Ращевская

**ЛИКИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XX ВЕКА:
ДАНИИЛ АНДРЕЕВ И ИГОРЬ ДЕДКОВ**

Отправной точкой размышлений автора, чей научный интерес представляет творчество Д. Андреева, стал неожиданный диалог с известной величиной в мире науки:

— Ну, а «Ваш» Д. Андреев? Где у него Бог?

— Простите, у Д. Андреева Бог стоит в центре картины мироздания...

— Только какой-то это не христианский Бог: чувствуется оттенок индуизма, пантеизма... А как представители Церкви относятся к творчеству Д. Андреева?

— По-разному... Одни — хвалят, другие, наоборот, ругают.

— И правильно, и правильно «ругают»...

Итак, в мире научного сообщества до сих пор существует проблема настороженного отношения к творчеству Д. Андреева. Критерии объективного восприятия его творческого наследия до сих пор не выработаны современной наукой, несмотря на солидный объём исследований. Автор принял за такие критерии софийный космизм и мифологическое сознание поэта, а также генетическую связанность его личности и творчества с культурой Серебряного века, прежде всего — с символизмом, в котором Д. Андреев позиционирует себя как поэт-вестник.

Думается, однако, версии идентификации космогонического мифа Д. Андреева расходятся прежде всего в силу несоответствия его содержания основам православной догматики. Певцом идеи православия Д. Андреева считают В. Дронов, Б. Романов; трагически прельстившимся мистиком — православные публицисты, учёные А. В. Кураев, М. М. Дунаев. Последние убеждены,

© Ращевская Е. П., 2013

Ращевская Елена Петровна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета. rashevskaya@mail.ru

что даже сложная терминология «Розы Мира» создана Д. Андреевым, чтобы заставить читателя «смотреть на мир его языком и его глазами»¹, «вывести наше сознание за рамки именно православного миропонимания»².

Критические замечания М. М. Дунаева заставляют пристальнее всмотреться в наследие Д. Андреева. М. М. Дунаев считает, что Д. Андреев даже посягает на создание собственной христологии утверждением, что Христос не мог «вочеловечиться», т. е. пребывать на земле в человеческой плоти. По мнению исследователя, Д. Андрееву не хватает веры допустить, что «путём телеологической подготовки из поколения в поколение был создан... человеческий мозг, способный вместить Разум вселенной»³. Учёный приходит к выводу, что Христос не является у Д. Андреева Спасителем, поскольку в «Розе Мира» о его смерти говорится не как о добровольно-жертвенном акте, но как о результате временной победы планетарного демона.

Для православного богослова указание Д. Андреева в «Розе Мира» на богорождённость Люцифера, который в христианстве является богосотворённым существом, подразумевает рождение зла самим Богом-Творцом. Противоречащая догмату возможность выбора планетарным демоном Гагтунгром искупления своего греха, смешение вероучения христианства — единственной религии, данной именно в откровении, — с вероучениями религий, берущих начало от духовного опыта человека, и даже обращение Д. Андреева к католической молитве «Звезда морей» заставляют православного публициста сомневаться в соответствии текстов поэта божественной правде.

Не оспаривая справедливые и обоснованные указания учёных на отличие утопии Д. Андреева от православной догматики, хочется заметить другое: при всём стремлении «непредвзято убедиться в истинности или ложности убеждений поэта»⁴, строгому последователю православного канона трудно найти «ракурс объективности» в толковании произведений Д. Андреева. Приходит на ум безотрадная мысль, что если бы русская литература была подчинена непреложным правилам православного канона, мы не имели бы таких её жемчужин, как Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского, «Три свидания» и «Краткая повесть об Антихристе» В. С. Соловьёва, «Блудный сын» Н. С. Гумилёва,

«Иуда Искариот» Л. Н. Андреева, «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова... Более того, лишив себя разнообразия этически допустимых форм самовыражения, мы лишились бы и многообразия художественных форм, то есть искусства как такового.

Думается, тот факт, что вера и искусство — понятия и явления разного характера, не нуждается в доказательстве. К тому же, вера слишком интимна. Но если М. М. Дунаев делает, в частности, упор на тёмном мистическом опыте молодого Д. Андреева, о котором автор «Розы Мира» пишет с раскаянием, то почему не вспомнить и другое: с каким благоговением Д. Андреев с детства посещал православные храмы и какие просветляющие взлёты души испытывал во время церковной службы. Вспомним также, что Д. Андреева и А. А. Мусатову после их освобождения от тюремного заключения венчал в храме Ризоположения в Выставочном переулке Москвы православный священник, протоиерей Николай Голубцов; он исповедовал Д. Андреева незадолго до смерти, он проводил отпевание над телом Д. Андреева в том же храме.

Следовательно, в непосредственном общении с православной Церковью Д. Андреев придерживался традиций. Но в мире художественного творчества он позволял себе индивидуальное выражение веры на своём неповторимом художественном языке, создать который стремится каждый литератор. Впрочем, на творческую интерпретацию Священных текстов, которые являются всеобщим достоянием, имеет право каждый человек. Только таким образом мы вступаем в живой и осознанный диалог с высшей Божественной инстанцией.

Говоря о критике Д. Андреева на предмет несоответствия его произведений христианской догматике, заметим, что представляется возможным художника равнять только с художником — но не с текстами, которые существуют тысячелетиями. Сравнивая художественные произведения поэта Д. Андреева с Библией, М. М. Дунаев ставит его в какие-то странные для художника условия. Так, М. М. Дунаев ироничен по поводу тех мест «Розы Мира», которые можно отнести к чисто художественной рефлексии. Неприемлемо для него и самоопределение Д. Андреева в качестве поэта-вестника: с горечью исследователь констатирует, что Д. Андреев в своём вестничестве «кажется...

смешивал в единой плоскости задачи церковного и светского искусства», впадая в искушение совершать что-то «вне Церкви и вместо неё»⁵.

Между тем, мифологема художника-вестника, его творчества и духовного пути — одна из основных в «Розе Мира». Для вестника миф, являясь объектом художественного творчества, одновременно служит методом познания, отражения и преобразования физической и трансфизической реальности. В этой установке явно присутствует традиция В. С. Соловьёва и Вяч. Иванова, которые утверждали принцип означенности и преобразования вещей в мистическом творчестве; Д. Андреев считал себя их последователем.

Думается, восприятие поэта Д. Андреева в качестве художника-вестника является ключом к объективному пониманию его текстов. Согласно М. М. Бахтину, основа диалогизма — уважение «прав» автора и слушателя, предпочтение «отношения согласия», а не «эха»⁶. Д. Андреев строит свои отношения с миром на принципах диалогизма: перефразируя М. М. Бахтина, речь идёт о потребности художника в «абсолютно справедливом ответном понимании» Божественных инстанций, предполагаемом «в метафизической дали», и читателей — «в далёком историческом времени». Диалогическое слово всегда «ищет ответного понимания и не останавливается на *ближайшем* понимании, а пробивается всё дальше и дальше» — в неограниченную даль веков⁷.

Не соглашаясь с М. М. Дунаевым в том, что Д. Андреев смешивал задачи церковного и светского искусства, повторим здесь выявленное нами ранее: Д. Андреев ясно осознавал специфику вестничества как искусства светского. Он был ориентирован на диалог со своим читателем именно в силу осознаваемого несовершенства своего творчества, желая, чтобы его весть была воспринята и истолкована в коллективном сознании максимально объективно. Следовательно, он готов был серьёзно воспринять и критику своих идей. Не случайно он пишет лишь о своей *попытке* раскрыть мистические тайны бытия и человеческой истории. Не случайно А. А. Андреева впоследствии предостерегала от отношения к вестническому произведению как к «непреложной истине»⁸.

Так каким же должен быть читатель Д. Андреева, тем более, профессиональный читатель? Не может ли творчество Дед-

кова-критика и сама личность Игоря Александровича дать если не ответ на этот вопрос, то — пример? Т. Ф. Дедкова, вдова критика, в беседах с автором настоящей статьи рассказала, что Игорь Александрович интересовался творчеством писательской семьи Андреевых, в частности — творчеством Даниила. В 1963 году Игорь Александрович прочёл книгу «Детство» В. Л. Андреева, из которой можно было узнать о брате Вадима — Данииле. В 1965 году в журнале «Звезда» было опубликовано несколько стихов Д. Андреева с предисловием В. Андреева к ним; И. А. Дедков высоко оценил поэтическое мастерство Даниила, хотя тексты последнего были ещё недоступны. В том же 1965 году информация о первой семье Л. Андреева промелькнула в журнале «Литературное наследство». В 90-е годы И. А. Дедков с интересом знакомился с произведениями Д. Андреева, присутствовал на творческой встрече вдовы Д. Андреева, А. А. Андреевой, с костромскими читателями. Позже, уже вернувшись из Костромы на жительство в Москву, гулял с Тамарой Фёдоровной по местам, связанным с Д. Андреевым. Прежде всего, для Игоря Александровича было важно, что Даниил был сыном Леонида Андреева, братом Вадима: Дедков воспринимал в единстве их имена, в этом сказывался его сыновний интерес к русской культуре и её неповторимым судьбам.

Конечно, личности мистика Д. Андреева и реалиста И. Дедкова были диаметрально противоположны: будем помнить об этом. Однако оба они принадлежали к среде интеллигенции. Опираясь на определения, данные представителям интеллигенции исследователем Ю. М. Вороновым, можно сказать, что Д. Андреев был «интеллигент-идеалист», мечтающий «о вселенском преображении, об исключительной миссии России в глобальном сообществе»⁹. Не таков И. Дедков: будучи ярким представителем группы интеллигенции, занимающей в обществе активную позицию, он воспринимался современниками как «эталон нравственности, созидатель и хранитель высших духовных ценностей». Его интеллигентность находила выражение в «неутомимой духовной жажде, стремлении к безостановочному духовно-нравственному росту», в «активном и ответственном отношении к жизни, людям и самому себе»¹⁰. Можно предположить, что Д. Андреева и И. Дедкова сближают не только профессиональные

качества литераторов, но и ценностные качества интеллигентов, помогая И. Дедкову объективно подходить к творческому наследию Д. Андреева.

Думается, без определённой симпатии к личности Д. Андреева И. Дедков не совершал бы прогулок по «андреевским» улицам Москвы. Чем могло быть вызвано такое сочувствие к «неформатному» поэту? Согласно тонкому замечанию Т. А. Ёлшиной, И. Дедков сам был «неформатным» критиком: прежде всего, он являлся ещё и литератором. Профессия для Д. Андреева и И. Дедкова была естественной частью самой жизни, органичной гранью их богатых личностей. В профессии они одинаково переживали обострённое чувство ответственности перед читателем за «чистоту» исполнения (каждое их произведение, предъявляемое читателю, отточено до мелочей) и мужественно служили истине, в которую верили, — даже ценой судьбы. Их произведения — не только литературное слово, но и жизненный выбор, поступок, который они не могли не совершить.

По нашему мнению, «неформатность» И. Дедкова, сближающая его с Д. Андреевым, заключается ещё и в диалогической открытости миру, в изначальной непредвзятости и в глубоком уважении к смыслам, лежащим в основании разных культур. Это неудивительно, если учесть, что в среде интеллигенции, как интегративного субъекта общественной жизни, ценностными качествами являются доверие и способность «конструктивно и доброжелательно учитывать в своих действиях» поступки, а следовательно, интересы, духовные устремления других людей¹¹. Несомненно, корнем такого диалогизма является и лояльность интеллигента: терпимое, благожелательное отношение не только в «социально-политической, экономической», но и в «культурной, религиозной» сферах «к отдельным индивидам и группам»¹². В жизни интеллигента Д. Андреева лояльность (наряду с человеческой наивностью) находит выражение в его беспримерной по звучанию и содержанию автобиографии 1943 года, в которой Д. Андреев с чувством доверия и уважения к адресату — представителям КГБ — излагает свои приоритеты в религии («некоторыми своими сторонами мне близки христианство и поздний индуизм»), в европейской культуре («я глубоко люблю старую культуру Германии и Италии, немецкую музыку и поэзию, ита-

льянскую живопись и архитектуру»). В конце документа Д. Андреев признаётся, что с разрешением во время войны видимых противоречий в отношениях Церкви и государства для него было устранено «последнее препятствие» к «безоговорочному приятию нашего отечественного строя»¹³. В профессии И. Дедкова лояльность интеллигента проявлялась в том, что он никогда не позволял себе пренебречь смыслом другого автора или нарушить его. Идеальный критик, по его мнению, должен уметь провести «дальнейшую разработку богатства темы», найденной автором. Это не менее трудно, чем выразить собственную «индивидуальность» в литературе. Нужны особый талант и проницательность, чтобы «договорить» за автора и «представительствовать»¹⁴ от героев его произведений. Возможно, эти качества, ставшие профессиональными, помогали И. Дедкову не испытывать отторжения от текста «Розы Мира», изобилующего терминами, или от попыток Д. Андреева интерпретировать, домыслить иные положения христианского канона, соотнести их с лучшими достижениями религий и культур земли.

Не будем забывать, что подлинный интеллигент, отождествляя себя с Россией, считая себя её частью, принимает «потребности», «интересы» и «крушение страны» как свои собственные чаяния и беды¹⁵. Цель Д. Андреева, осознанная им во Владимирской тюрьме, и И. Дедкова, на которую с университетской скамьи он естественно был ориентирован, — посильное сопротивление тоталитарному социальному устройству, формирование культуры и возвышение человеческого духа в ней. Стремление к легитимности заставляет интеллигента для признания существующего социального порядка или явления культуры указывать на любое отклонение от порядка или истины, подвергать порицанию такое отклонение. Авторское слово Д. Андреева и И. Дедкова обязывало их сигнализировать о начале опасного заболевания в русской культуре и в человечестве. И. Дедков разоблачал «милую небрежность» пера коллег, чья «бойкая такая приблизительность» или даже «некоторая беззаботность»¹⁶ отрывали от жизненной правды, от решения насущных вопросов страны; затрагивая военную тематику, Дедков обнажал страшную сущность фашизма. Д. Андреев неуклонно исполнял долг вестника, «смертельно раненного» полувековой причастностью к двум великим бедствиям, — «мировым войнам и

единоличной тирании», — предотвратить в будущем эти своего рода апокалипсисы, грозящие, как он опасался, принять «всемирный» масштаб и «абсолютный» характер¹⁷.

Цена жизненной и профессиональной позиции И. Дедкова и Д. Андреева была высока: для Д. Андреева она составила десять лет заключения и обернулась преждевременной смертью от тяжёлой болезни; для И. Дедкова равнялась тридцати годам вынужденного поднадзорного пребывания в русской провинции; болезнь И. Дедкова, возможно, также является не внешним сходством, но закономерным следствием, когда физические ресурсы «противостояния» режиму подорваны...

Сближает личности Д. Андреева и И. Дедкова и путь Богоискания. Такая устремлённость интеллигента по «вертикали духа» всегда подкреплена тем, что для него общественный порядок, за который он ратует, естественным образом базируется «на божественных установлениях, или основан на непреложной ценности культуры, или исходит из безусловной ценности человеческой личности»¹⁸. Для Д. Андреева будущий социум эпохи Розы Мира должен быть построен на основе божественного идеала; общим для Д. Андреева и И. Дедкова является представление о необходимости культурных и этических идеалов общественного устройства. Под Богоисканием же автор подразумевает прежде всего желание размышлять, рассуждать, философствовать о «божественных предметах». В отличие от Д. Андреева, И. Дедков не рассуждал о вопросах веры открыто: веру он считал крайне интимной частью жизни человеческой души и позволял себе высказывания в рамках обозначенной темы лишь в своём дневнике. Записи и интересы И. Дедкова, с одной стороны, воссоздают его внимание в зрелом возрасте к подтверждению Божественного существования самой жизнью. В его дневнике мы читаем запись, сделанную в июле 1986 г.: «Чернобыль — одна из разновидностей полыни, а в Апокалипсисе: взойдёт звезда Полынь, и воды рек станут горькими»¹⁹; по свидетельству Т. Ф. Дедковой, в 90-е годы был период, когда Игорь Александрович изучал литературу, посвящённую вопросам кармы... К тому же, «можем ли мы с уверенностью сказать», что Дедков не думал о своих священнических корнях, размышляет исследователь Т. А. Ёлшина. С другой стороны, по наблюдению Т. А. Ёлшиной, некоторые записи

И. Дедкова воссоздают «не веру», а лишь «объяснение веры»²⁰: «Хорошо бы, если бы был Бог»... Действительно, в этом «если бы» Дедкова уже предугадывается дальнейшее обоснование необходимости для человека Бога как «высокой инстанции» справедливости, а веры как «надежды» на то, что даже самый малый и беззащитный из людей — «в счёт, и он на что-то нужен, если всерьёз ищет достойной и праведной жизни»²¹. Тем не менее, размышления о «божественных предметах» становятся живым диалогом непосредственно с Божественной инстанцией (Д. Андреев), живым диалогическим вопрошанием, обращённым к Ней (И. Дедков).

Так на понимание чьих «дружественных глаз»²² в грядущих веках надеялся автор «Розы Мира»? Вероятно, при всей разнице вер и мировоззренческих позиций, его читателей объединяет интеллигентность, диалогическая восприимчивость к иному смыслу и уважение к иной культуре, необходимость в диалоге на пути Богоискания и одновременное осознание всех опасностей подобного диалога. Это обязывает читателя Д. Андреева к осторожности в высказываниях, возлагает на него крайнюю ответственность за толкование воспринятой и переданной художником вести. Думается, лишь интеллигентный читатель способен занять подобную позицию в оценке наследия Д. Андреева, которую и следует признать объективной. Учитывая надклассовый феномен интеллигенции, которая «зримо присутствует внутри каждого класса» и составляет «интеллектуальное ядро как центрального, так и периферийного этноса»²³, думается, что читатель-интеллигент способен с уважением отнестись не только к взглядам и духовным потребностям представителей своей социальной группы, но — социума в целом. Ориентиром при этом ему будет служить «высшая духовная инстанция».

В контексте сказанного заметим, что И. Дедков при несомненном интересе к произведениям Д. Андреева не высказался о космогонической мифе последнего публично. С одной стороны, по словам Т. Ф. Дедковой, он не был готов принять наследие Д. Андреева целиком. С другой стороны, при соприкосновении с текстами писателя-мистика Д. Андреева в какой-то мере заканчивается сфера профессиональной компетенции критика-реалиста И. А. Дедкова, в которую входит критическая оценка авторского

изображения человека и жизни страны. Но, несомненно, здесь заявляют о себе и такие профессиональные качества, как этика прочтения авторского текста, ответственность за истинность своих критических суждений, а также уважение к внутреннему выбору своего читателя... Конечно, прочтение И. Дедковым текстов Д. Андреева всего лишь вариант из многих других прочтений диалогически настроенных читателей. Однако сам интерес и терпимость И. А. Дедкова к творчеству Д. Андреева (а Игорь Александрович немедленно реагировал на всякую ложь в культуре и литературе) говорят о том, что наследие Д. Андреева достойно если не читательского приятия, то — уважения.

В свете сказанного становится возможным культурологический ответ на критику текстов Д. Андреева. Замечания относительно терминологии «Розы Мира», возможно, справедливы, когда речь идёт о дублировании общепринятых слов («рай» — «затомис»). Однако понятия, заимствованные Д. Андреевым из других религий и культур («карма», «монада»), представляются естественными и общепринятыми терминами культуры. Что касается понятий, рождённых мифотворчеством самого Д. Андреева, надо заметить, что человек, принимающий Д. Андреева, примет и его терминологию.

Согласимся с тем, что Д. Андреев проявляет поразительную человеческую наивность в интерпретации христологии. Его толкование выведено на основе высшего гуманистического побуждения устранить из материальности земли сатанинское начало, которое для пострадавшего от тоталитарной диктатуры поэта выражается в насилии государства, на нём основанного. Однако Д. Андреев не учитывает, насколько трудно, даже невозможно человеку осознать, что Христос мог избежать креста. Об этом же, согласно Писанию, говорит и сам Спаситель: «Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?.. Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Как же сбудутся Писания, что так должно быть?» (Матф. 25:53). Если нет страстей, страданий, жертвы, смерти и воскресения — для человека нет и Христа, его место сможет занять каждый. В отличие от умудрённого жизненным опытом В. С. Соловьёва, Д. Андреев не учитывает, что преждевременные

«откровения» напрямую приводят к человекобожию, к обезбоженному антихристову добру, о котором в «Трёх разговорах» предупреждал В. С. Соловьёв.

Говоря о скепсисе Д. Андреева по поводу того, что в христианстве материальность воплощённого Спасителя считается человеческой, согласимся, что Д. Андреев выражает здесь свою мысль «в категориях естественно-научных». Однако в православном учении о Пресвятой Богородице, отвергающем католический догмат о её непорочном зачатии, Д. Андреев, наоборот, прочитывает, согласно православной догматике, а также традиции русской религиозной философии (С. Н. Булгаков, В. Н. Лосский), идею спасения мира — приснодевства, Божественного просветления человеческой природы падшей Евы в предшествующих поколениях.

Мы можем сделать предположение, что Д. Андреев воспринимает образ Иисуса Христа как существа неземной материальной организации с учётом неоспоримости в христианстве его непорочного зачатия, которое, если следовать обозначенной логике, помещает Спасителя для Д. Андреева в «иной план» космической материальности. Согласно «Розе Мира», в осознанном совершенствовании земных поколений просветлённая материальность Христа будет возможна для них в эпоху Богочеловечества. В свете этого предположения точка зрения Д. Андреева на неземное происхождение материальности Христа может быть соотнесена и с его искренней верой, и с православным канонем — не как ему противоречащая, но как логически им обусловленная. Однако здесь автор «Розы Мира» берётся за чисто земной механизм — за «ланцет рассудочности», от которого сам предостерегал читателя, и в этом отношении опасения М. М. Дунаева небезосновательны. Они дают повод серьёзно задуматься, следовать ли в вопросах христологии за рассуждениями — вестническими или же человеческими? — художника и поэта Д. Андреева.

Замечания относительно базовых в картине мироздания Д. Андреева идей реинкарнации, кармы, активного участия в космическом Богосотворчестве языческих божеств и т. д. фиксируют черты пантеизма в космизме Д. Андреева. В современной науке остаётся нерешённой проблема отношения к пантеизму русских религиозных философов и мыслителей как к посягательству на основы христианской догматики. Например, О. С. Соиной

пантеистические фрагменты «Розы Мира» дают повод подозревать Д. Андреева «в кощунстве»²⁴.

Пантеизм Д. Андреева сегодня доказан и признан. В космизме Д. Андреева, одухотворяющего природу, считающего мистиерию соборных поклонений космическим стихиям мироздания неотъемлемой частью обновлённой религии будущего, ярко проявляется, в определении О. С. Соиной, неоязычество или мистический пантеизм. О «религиозном натурализме», или пантеизме Д. Андреева, пишет и В. М. Розин, отмечая, что Д. Андреев «полностью объективирует (натурализует, магически оживляет)» все культурные и природные реалии, что Бог в «Розе Мира» ограничен собственной природой, которая «именно как Природа <...> имеет неизменные, вечные законы»²⁵.

Однако пантеистические положения в системе Д. Андреева культурологически возможно «примирить» с христианством с учётом, что в русской культуре язычество и христианство не противоречат обоюдным устоям. В этой мысли Д. Андреев явно перекликается с Д. Мережковским, связывая историческую катастрофу России первой половины XX века как раз с многовековым угнетением язычества и угасанием вместе с ним в русской православной церкви духовности, в русской культуре — «элементов магических и мистериальных», в народе — национального самосознания. Это положение склоняет согласиться с исследователями (В. Дронов, Б. Романов), которые считают, что, имея в своём мироощущении элементы пантеизма, Д. Андреев всё-таки оставался верным христианской монотеистической догматике.

К тому же, нужно учесть, что сам Д. Андреев критически относится к наследию религий, сформировавшихся до христианской эпохи. Этот критический подход к ним выражает себя, например, в созданной им мифологеме Будды. В частности, Д. Андреев указывает, что буддизм, мощный своей этической стороной, избегал постановки проблемы Абсолюта (т. е. восприятия Божества в качестве личности) и монотеизма (Единого Господа). По мнению Д. Андреева, это вычеркнуло Индию из возможных арен воплощения Христа.

Величайшим заблуждением Будды, согласно Д. Андрееву, была уверенность, что человек должен полагаться только на свои силы и знание, не надеясь на Божественную помощь. Д. Андреев

считает, что в таком мироощущении Будды сказался страшный опыт его предыдущей жизни, что пессимизм и неверие в возможность просветления кармических законов и законов земных, — черта религий, сформированных до воплощения Христа. Сострададая людям, Будда учил их лишь тому, как навсегда вырваться из железных законов мира, но не тому, как их преобразовать. И только подвиг Иисуса Христа в мифологии Д. Андреева смягчает законы возмездия в потустороннем мире (схождение Иисуса во ад) и законы «мира сего» — на земле.

Итак, художественное наследие Д. Андреева нуждается в интеллигентном прочтении как в наиболее объективном из всех возможных. Читателю необходимо иметь в виду, что космогонию Д. Андреева надо воспринимать не как теорию, посягающую на основы православного учения, а как мифотворчество поэта, осуществляемое прежде всего в целостном поле русской культуры. Учтём диалогизм вестнического творчества Д. Андреева и обращение поэта в развитии образов своего космогонического мифа к мировой мифологии в целом и к её вершине — основам христианского мифа, в котором мистический опыт художника-вестника «взламывает» основы догмата. Занимая оправданную в данном случае диалогическую читательскую позицию, будем при анализе текстов поэта ориентироваться на «высшие Божественные инстанции» и на православный канон. При этом мы должны критически соотносить тексты поэта и с его аксиологической шкалой, и с нашим внутренним «чувством правды», указывая как на недопустимые для нас образы и толкования Д. Андреева, так и на культурологически — не догматически — приемлемые.

Примечания

¹ Кураев А. В. Как относиться к «Розе Мира» // Д. Андреев: pro et contra. СПб., 2010. С. 354.

² Дунаев М. М. Даниил Андреев <Фрагмент исследования «Православие и русская литература»> // Там же. С. 376.

³ Андреев Д. Л. Роза Мира // Андреев Д. Л. Собр. соч. : в 3 т. М., 1995. Т. 2. С. 50.

⁴ Дунаев М. М. Указ. соч. С. 366.

⁵ Там же. С. 415.

- ⁶ *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1998. С. 317.
- ⁷ Там же. С. 323.
- ⁸ *Андреева А. А.* Роза Мира // Даниил Андреев в культуре XX века. М., 2000. С. 56.
- ⁹ *Воронов Ю. М.* Интеллигенция как социокультурная идентичность // Интеллигенция и мир. 2004. № 1/2. С. 4.
- ¹⁰ Там же. С. 5.
- ¹¹ Там же. С. 7.
- ¹² Там же. С. 8.
- ¹³ *Андреев Д. Л.* Автобиография красноармейца Андреева Даниила Леонидовича // Даниил Андреев в культуре XX века. М., 2000. С. 20.
- ¹⁴ *Дедков И. А.* Диктует время // Литературная газета. 1984. № 51. С. 6.
- ¹⁵ *Воронов Ю. М.* Указ. соч. С. 7.
- ¹⁶ *Дедков И. А.* Указ. соч. С. 6.
- ¹⁷ *Андреев Д. Л.* Роза Мира. С. 7.
- ¹⁸ *Воронов Ю. М.* Указ. соч. С. 8.
- ¹⁹ *Дедков И.* Дневник, 1953—1994. М., 2005. С. 484.
- ²⁰ *Ёлишина Т. А.* «Тоска невысказанных слов»: дневник Игоря Дедкова // Костромской гуманитарный вестник. 2011. № 2 (Спец. вып.). С. 19.
- ²¹ *Дедков И.* Дневник. С. 484.
- ²² *Андреев Д. Л.* Роза Мира. С. 7.
- ²³ *Воронов Ю. М.* Указ. соч. С. 9.
- ²⁴ *Соина О. С.* «Роза Мира» Д. Андреева: антиномия морали и мистики // Человек. 1997. № 2. С. 59.
- ²⁵ *Розин В. М.* Учение Даниила Андреева «Роза Мира» // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 137—139.

ББК 63.3(2)531-283.2

Ю. П. Надёхина

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX — XX вв.

**(На примере журналистско-редакторского корпуса
Москвы)**

По мнению современного исследователя А. В. Тумановой, в начале 90-х гг. XIX в. в общественном сознании российского населения наметились существенные изменения. «Центры притяжения передовой интеллектуальной элиты российского общества — университеты, редакции либеральных газет и журналов, библиотеки и др. — становились местом создания неформальных кружков и организационно оформленных объединений учёных, литераторов, искусствоведов, регулярно собиравшихся для обсуждения актуальных проблем общественной и культурной жизни страны»¹.

Общественная деятельность отдельных представителей российской интеллигенции — одна из самых разработанных тем в отечественной историографии современного периода². Вместе с тем крайне мало внимания уделяется общественной деятельности ряда профессиональных групп интеллигенции, в частности — журнали-

© Надёхина Ю. П., 2013

Надёхина Юлия Петровна — ассистент кафедры истории и политологии Государственного университета управления (Москва).
Uliya1411@bk.ru

стам. В данной статье предпринята попытка рассмотреть вклад журналистско-редакторского корпуса Москвы в отечественную общественно-политическую жизнь на рубеже XIX—XX вв.

Этот период — время, когда окончательно формировалась профессия журналиста. На тот момент в арсенале периодических изданий появилось множество жанров: статьи, отчёты, репортажи, фельетоны, рассказы, очерки, сообщения. Происходила профессиональная специализация журналистов. В редакционный состав газет и журналов стали входить обозреватели, репортёры, хроникёры, собкоры, спецкоры, журналисты-международники и т. д. Кроме того, произошло размежевание между журналистами-газетчиками и сотрудниками журналов. В этот же период в журналистику стали приходить женщины.

На рубеже XIX—XX вв. журналистика в России была свободной профессией. Издателем, редактором или журналистом мог стать любой. Независимо от возраста, пола, социального происхождения, образования, основной профессии, люди пробовали проявить себя на журналистском поприще. Кто-то приходил в периодическую печать по призванию, а кто-то ради материальной выгоды. Одни оставались надолго, меняя свою основную деятельность на профессию репортёра, редактора и т. д. Для других журналистика так и не стала главным занятием, не бросая основной работы, они редактировали газеты и журналы, регулярно публиковались в периодических изданиях.

Безусловно, в узкоспециализированных изданиях печатались профессионалы в конкретной области. Так, в журнале «Филологическое обозрение», выходившем в Москве с 1891 по 1902 г., публиковались в основном преподаватели языков различных учебных заведений. Вряд ли можно назвать профессиональными журналистами, например, историка В. О. Ключевского, юриста А. Ф. Кони и других выдающихся учёных, чьи материалы появлялись в московской периодике. Поэтому, с нашей точки зрения, к московским журналистам могут быть причислены лишь те, кто был редакторами московских изданий, и те, кто регулярно публиковался в газетах и журналах, существовал на доходы от этой профессии. Именно они составляли журналистско-редакторский корпус Москвы конца XIX — начала XX в., об их общественной деятельности и пойдёт речь.

Несмотря на то, что труд журналиста сам по себе имеет важное общественное значение, а журналистику вполне можно назвать областью активной общественно-политической жизни, которая не только отражает, но и формирует общественное мнение, многие журналисты рубежа XIX—XX вв. были вовлечены ещё и в другие сферы как социальной, так и культурной жизни. Они избирались гласными (депутатами) Московской городской думы и земства, как, например, ведущие публицисты газеты «Русские ведомости» П. Г. Виноградов, М. В. Духовской, М. А. Саблин и М. П. Щепкин, а также редактор-издатель «Ремесленной газеты» К. А. Казначеев и редактор журнала «Юридический вестник» С. А. Муромцев, известный юрист-либерал.

Это было время, когда передовая русская интеллигенция искала возможности оказать влияние на развитие событий, способствовать просвещению простого народа, облегчению его экономического и социального положения. Ощущалась тяга к объединению её усилий, к формированию общественных организаций. Для реализации этой общественной потребности использовались разные формы.

Широкой известностью пользовались приёмы и дружеские собрания, устраиваемые некоторыми журналистами и редакторами у себя дома или в помещении редакции. Эти встречи объединяли творческих людей своего времени. На приёмах собирались виднейшие журналисты, писатели, художники, артисты и учёные Москвы. Зачастую подобные встречи помогали начинающим людям творческих профессий обрести себя, установить дружеские и профессиональные связи, найти покровителей и меценатов.

Так, на рубеже XIX—XX вв. проходили знаменитые «столешники дяди Гиляя» на квартире известного репортера и литератора В. А. Гиляровского, о которых вспоминали многие писатели, художники, журналисты, учёные, побывавшие у гостеприимного хозяина³. Его зять, В. М. Лобанов, отмечал: «Писатель с необычайной теплотой и вниманием относился к каждому человеку, отличался проницательностью и чуткостью... Скромная 10 квартира в доме № 9 по Столешниковому пер. и её хозяин были хорошо известны жителям древней столицы. Каждый москов-

ский извозчик, если садившийся к нему седок говорил: “К Гиляровскому” или “к дяде Гиляю”, ехал без всяких дополнительных вопросов в Столешников переулок»⁴.

В 1890-е годы вокруг журнала «Русская мысль» и его редактора, известного журналиста и деятеля отечественной педагогики В. А. Гольцева, сформировался литературный кружок. Наряду с редакционными собраниями, по субботам проходили встречи на квартире издателя журнала В. М. Лаврова. А по вторникам собирались на квартире В. А. и Н. А. Гольцевых. На этих вечерах, кроме сотрудников «Русской мысли», присутствовали В. Г. Короленко, А. П. Чехов, Н. Д. Мамин-Сибиряк и многие другие известные писатели, журналисты, педагоги и общественные деятели.

Определённый круг научной и творческой интеллигенции собирался по понедельникам у журналиста и писателя Л. Н. Андреева; по вторникам — в московском издательстве «Скорпион»; по средам — на квартире редактора журнала «Вопросы философии и психологии» Л. М. Лопатина. По четвергам собирался кружок в доме редактора-издателя журнала «Вестник воспитания» Н. М. Михайлова, а по воскресеньям встречи проходили в доме журналиста «Русских ведомостей» Н. И. Стороженко, и т. д.⁵

Это были не просто встречи друзей или коллег, но и близких по духу людей. Большинство из них в той или иной степени следует отнести к либеральной интеллигенции. Поэтому на таких встречах обсуждались не только профессиональные вопросы, но и насущные проблемы политической, социально-экономической, культурной жизни страны.

С 4 октября 1890 г. при Московском университете по инициативе известного московского библиографа и публициста А. Д. Торопова возник Московский библиографический кружок (МБК). Деятельность кружка была направлена на исследование и описание всех русских книг и рукописей, а также на содействие в правильной разработке отечественной библиографии. В 1894—1896 гг. по инициативе кружка в Москве выходил в свет журнал «Книговедение».

«МБК с его журналом “Книговедение” должен стать всё связующим и направляющим центром в той области, которой ещё предстоит создать свою школу, свою дисциплину, свою систему... чтобы стать на высоту знания русской библиографии, и предстоит

как можно скорее рутину заменить школой, произвол — дисциплиной, поэтический беспорядок — строгою системой»⁶ — такие цели ставили перед собой идейные вдохновители Московского библиографического кружка и издатели журнала «Книговедение».

В феврале 1900 г. кружок был переименован в Русское библиографическое общество (РБО). Под этим названием объединение просуществовало до 1930 г. В разное время членами МБК—РБО были многие деятели московской печати, среди них: Д. Н. Анучин, А. П. Гемелиан, В. Я. Брюсов, А. Н. Петунников, И. Д. Сытин, В. М. Фриче, В. М. Шулятиков и др.

Но, пожалуй, самыми известными были Литературно-художественный кружок, существовавший в Москве с 1898 по 1920 г., и Общество любителей российской словесности, основанное при Московском университете еще в 1811 г.

Общество любителей российской словесности — одно из старейших литературных объединений России. Оно было основано 6 июня 1811 г. и просуществовало до 1930 г., с перерывом в 1837—1858 гг. Общество проводило заседания, на которых его члены выступали с интересными и важными докладами, устраивало литературные вечера и выставки, занималось издательской деятельностью.

В 1898 г. был основан Литературно-художественный кружок. Он возник по инициативе театральных деятелей, но довольно быстро разрастался. По воспоминаниям В. А. Гиляровского, «всё больше и больше становилось посетителей, больше становилось членов клуба. Это был единственный тогда клуб, где членами были и дамы»⁷. Скоро кружок стал центром всей литературной, художественной и даже научной жизни Москвы, насчитывая около 700 членов. В состав кружка входили Ю. И. Айхенвальд, Л. Н. Андреев, А. Белый, В. Я. Брюсов, В. А. Гиляровский и многие другие. У кружка был свой Устав, и неоднократно публиковался список его членов.

Кроме литературных и творческих кружков и объединений, московские журналисты рубежа XIX—XX вв. участвовали в различных научных обществах. Некоторые из них были активными членами Учебного отдела общества распространения технических знаний, существовавшего в Москве с 1872 г. С 1890 г. деятельность отдела распределялась по ряду комиссий: русского

языка и словесности, математики, естественных наук и истории. Как было замечено одним из его членов, журналистом «Русских ведомостей» А. Е. Грузинским, «к 90-м гг. в Москве обнаружился значительный запас свежих педагогических сил, незаурядных по своим качествам... Многие из них шли в отдел, как в единственное место, где бился умственный пульс педагогического московского мира»⁸. Этими словами автор хотел подчеркнуть, что отдел старался преодолеть ту консервативную рутину, которая навязывалась реакционным министерством народного просвещения.

С 1892 г. в Учебном отделе выделилась комиссия по физическому воспитанию. В 1893—1895 гг. её председателем был редактор-издатель журнала «Сад и огород» Н. Е. Цабель. При нём комиссия способствовала устройству в Москве бесплатных катков, гимнастических праздников и ряда других массовых общественных спортивных мероприятий. Успешная деятельность комиссии по физическому воспитанию позволила преобразовать её в самостоятельную организацию.

В 1893 г. в Отделе начала свою работу комиссия по организации домашнего чтения. Деятельное участие в ней принимали журналисты «Русских ведомостей» П. Г. Виноградов, А. А. Кизеветтер и др. Комиссией были разработаны и опубликованы Программы домашнего чтения⁹. По сути, это был список тем и рекомендуемой литературы для самообразования в различных отраслях знаний. За публикацию этих программ, в которых среди прочих были рекомендованы к чтению книги, считавшиеся вредными для существовавшей тогда власти, московская администрация с 1896 г. практически свернула деятельность Учебного отдела общества распространения технических знаний¹⁰.

Был ещё целый ряд объединений, в которых активно участвовали московские журналисты рубежа XIX—XX вв. Так, П. В. Преображенский, будучи редактором журнала «Известия Русского общества любителей фотографии в г. Москве», был активным членом общества, издававшего этот журнал. В 1890 г. он выступил с предложением издания «общедоступного по цене фотографического альбома снимков с лучших картин русских художников», замечая при этом, что «альбомы такого рода заграни-

цей давно существуют, у нас же в этом отношении есть бел»¹¹.

Как отмечает современный исследователь Л. Д. Дергачёва: «На рубеже XIX—XX вв. в центре внимания оказалась проблема просвещения самых широких масс, невысокий уровень культуры и грамотности которых тормозил буржуазную трансформацию российского общества, поэтому всегда близкая русской журналистике просвещенческая деятельность выдвинулась в это время в число первостепенных»¹².

Многие издатели, редакторы и журналисты осознавали своё жизненное призвание и общественную значимость своей деятельности. Принимая решение об издании газеты или журнала, они нередко руководствовались не коммерческими, а чисто просветительскими целями, заведомо зная, что потерпят убытки. Кроме того, московские журналисты и редакторы конца XIX — начала XX в. способствовали улучшению условий жизни и развитию грамотности рабочего класса.

Д. И. Тихомиров — редактор-издатель журналов «Педагогический листок» и «Детское чтение» принимал участие в Московском комитете грамотности. Редактор-издатель журнала «Детская помощь» Г. П. Смирнов-Платонов учредил в Москве первые ясли. В хронике «Русских ведомостей» было верно замечено: «...как ни странно, но в Москве до этого времени не существовало яслей»¹³. На их устройство Г. П. Смирновым-Платоновым было потрачено 500 руб., что по тем временам составляло весьма значительную сумму. «Цель этого учреждения, — отмечала либеральная газета “Русские ведомости”, — доставить присмотр и уход за малолетними детьми преимущественно из среды рабочего класса в то время, когда родители их заняты»¹⁴.

На поприще просвещения рабочего люда, в частности трудящихся женщин, активно заявляли себя московские журналистки. М. К. Каблукова, сотрудничавшая в «Русских ведомостях», способствовала развитию в Москве женского профессионального образования. С 1888 г. она была председателем московской комиссии по обучению женским ремеслам. Кроме того, ей принад-

лежал план организации частного женского профессионального училища Варвары Лепешкиной.

А. Н. Прокопе, редактор-издатель журналов «Модная мастерская» и «Детские моды», активно сотрудничала в московском обществе распространения полезных знаний между образованными женщинами¹⁵. Е. М. Поливанова, редактор журнала «Вокруг света», в 1901 г. служила во временном приюте для малолетних детей Тверской части г. Москвы¹⁶, и т. д.

Н. А. Гольцева — автор ряда публикаций в газете «Русские ведомости» и жена известного публициста В. А. Гольцева — была одним из инициаторов открытия Пречистенских вечерних и воскресных классов для рабочих и ремесленников, где заведовала одним из отделов. Официальное открытие курсов состоялось 12 октября 1897 г. Первый год на них обучалось 308 учащихся, большинство из них составляли фабрично-заводские рабочие, но посещали курсы и солдаты Московского гарнизона¹⁷. В разное время в числе преподавателей Пречистенских курсов были журналист В. М. Фриче и редактор газеты «Курьер» В. П. Потемкин. По этому поводу в отчете департамента полиции значилось: «Пречистенские классы рабочих московского отделения Общества распространения технических знаний отличаются в своем педагогическом составе изобилием лиц, известных антигосударственными убеждениями»¹⁸.

Много было сделано московскими журналистами для распространения гуманитарных и социальных знаний, изобразительного искусства и культурных достижений вообще, распространения передовых достижений науки и техники, развития сети общественных и специализированных библиотек, развития музейного дела. Всё это осуществлялось в тесном сотрудничестве с научной и творческой интеллигенцией, представителями передовых предпринимательских кругов и либеральной общественности. Там, где это позволяли обстоятельства, журналисты и редакторы входили в органы городского и земского самоуправления.

Безусловно, ярче всего их общественная позиция проявлялась в злободневных актуальных статьях, очерках, фельетонах и других публикациях. Через печать журналисты и редакторы хотели не только заявить о своих взглядах, но и оказать

посильную помощь своему народу, своему Отечеству так, как они это понимали.

Примечания

- ¹ *Туманова А. В.* Добровольные организации и общественность Москвы в начале XX в. // *Россия XXI : обществ.-полит. и науч. журнал.* 2005. № 1. С. 98.
- ² *Фролова Н. А.* Общественная и культурно-просветительская деятельность Н. К. Рериха в «русский период» в контексте культурной жизни России начала XX века // *Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова.* Кострома, 2006. Сер. Исторические науки ; *Пантелеева Т. Л.* В. Л. Бурцев: личная история, политическая и общественная деятельность в 1882—1907 годы. Уфа, 2008 ; и др.
- ³ См., напр.: *Лобанов В. М.* Столешники дяди Гиляя. М., 1972.
- ⁴ Там же. С. 20.
- ⁵ *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга, 1890—1917 гг. М., 2004.
- ⁶ Книговедение. 1894. № 1. С. IV.
- ⁷ *Гиляровский В. А.* Москва и москвичи. М., 1983. С. 192.
- ⁸ Тридцать лет жизни Учебного отдела общества распространения технических знаний / сост. А. Е. Грузинский. М., 1902. С. 22.
- ⁹ Книговедение. 1894. № 10.
- ¹⁰ Тридцать лет жизни Учебного отдела... С. 28.
- ¹¹ Ремесленная газета. М., 1890. № 4. С. 30.
- ¹² *Дергачёва Л. Д.* Периодика // *Очерки русской культуры, конец XIX — начало XX века.* М., 2011. Т. 1. С. 324.
- ¹³ Первые московские «ясли» // *Русские ведомости.* 1893. 24 марта.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Московские ведомости.* 1890. 10 марта.
- ¹⁶ Богородские родословные. URL: <http://www.bogorodsk-noginsk.ru/rodoslovie/> (дата обращения: 20.11.2012).
- ¹⁷ *Дронов И. Т.* Пречистенские рабочие курсы // *Советская педагогика.* 1968. № 11. С. 129.
- ¹⁸ Там же.

М. В. Чугунов

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ФИНЛЯНДИИ:
ЕЁ МЕСТО И РОЛЬ В СОВЕТСКО-ФИНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА**

Рассматриваемая проблема не может быть понята без обращения к понятию **элита**. В повседневном языке слово «элита» имеет два значения. Первое из них отражает обладание какими-то интенсивно, четко и максимально выраженными чертами, наивысшими по той или иной шкале измерений¹. Во втором значении слово «элита» относится к лучшей, наиболее ценной для общества группе, стоящей над массами и призванной в силу обладания особыми качествами управлять ими².

В историко-политической науке понятие «элита» употребляется лишь в первом, этически нейтральном значении. Оно характеризует носителей наиболее ярко выраженных политико-управленческих качеств и функций.

Итальянский социолог и политолог Гаэтано Моска считал, что важнейшим критерием принадлежности к политической элите является способность к управлению другими людьми, т. е. организаторская способность, а также выделяющее элиту из остальной части общества материальное, моральное и интеллектуальное превосходство³.

Независимо от Моски, примерно в это же время, теорию элит разрабатывал Вильфредо Парето. Он, как и Моска, исходил из того, что миром во все времена правило и должно править избранное меньшинство — элита, наделенная особыми качествами: психологическими (врожденными) и социальными (приобретенными вследствие воспитания и образования)⁴.

Необходимо отметить также, что элита — это не профессия. Элиту образуют профессионалы высокого класса, обладающие (обязательно!) развитой креативностью⁵.

© Чугунов М. В., 2013

Чугунов Максим Владимирович — аспирант кафедры истории России Ивановского государственного университета. andaer87@mail.ru

Здесь уместно говорить о связи понятия «элита» с другим социальным понятием — «интеллигенция». Мы считаем, что лучшие представители интеллигенции как люди умственного труда могут входить в состав интеллектуальной элиты общества. Интеллигенты же, обладающие качеством интеллигентности как духовно-нравственно-эстетическим уровнем своего развития, при достижении ими значимых результатов, несомненно, могут составлять превалирующую часть духовно-нравственной элиты⁶.

По мнению Н. Ширяева, интеллигентом может считаться только такой человек, который одновременно «вхож» и в интеллектуальную и в духовно-нравственную элиту. Отношения же интеллигенции и политической элиты общества сложны и неоднозначны. В целом для интеллигенции характерно намеренное дистанцирование от властных структур общества. Хотя интеллигенция никогда не сливается вполне с политической элитой общества, в одних случаях она может сотрудничать с политической элитой, обслуживая общие интересы и делегируя своих представителей, а в других — оказываться с ней в скрытом или даже более или менее открытом противостоянии⁷.

Не менее интересен для нас взгляд на рассматриваемую проблему А. В. Квакина. Он считает, что интеллигенция как социальный слой не представляет собой единого целого, при этом он ссылается на мнение А. Н. Севастьянова, который выделил в интеллигенции три слоя своеобразного конуса: верхнюю, немногочисленную часть занимают идеологи, среднюю — пропагандисты, нижнюю, самую широкую часть — исполнители⁸. При этом условная «верхняя часть» ближе всего по своему содержанию к понятию «духовная элита», которая, по определению А. С. Ахизера, представляет из себя «особый тип социальной элиты»: это «социальная группа, стремящаяся, по крайней мере, в тенденции, творчески квалифицированно культивировать высшие ценности культуры, обобщать опыт мировой истории, стимулировать взаимопроникновение высших достижений национальной и мировой культуры... Она общается с основной частью народа через интеллигенцию, которая интерпретирует идеи духовной элиты для массового потребления, вкладывая в них иной, подчас прямо противоположный смысл»⁹.

Говоря о финской политической элите, в первую очередь, необходимо отметить представителей политического истэ-

блишмента, имеющих значительное влияние во властных кругах и играющих важную роль в принятии политических решений. К их числу относятся члены финского правительства и парламента, занимавшие свои должности в описываемый период (премьер-министры Тойво Кивимяки и Аймо Каяндер, министры иностранных дел Рудольф Холсти и Эльяс Эркко, президент Кюёсти Каллио и т. д.), а также лица, занимавшие важные политические и дипломатические посты (К. Г. Маннергейм — возглавлял Совет обороны, Ю. К. Паасикиви — посол Финляндии в Стокгольме и т. д.). Кроме того, необходимо выделить ряд деятелей, не занимавших в описываемое время государственных должностей, однако обладавших достаточным авторитетом для того, чтобы влиять на принятие политических решений. К ним можно отнести бывших политиков, представителей военной, культурной, художественной интеллигенции (генерал Аарне Сихво, писательница Хелла Вуолийоки и т. д.).

Позиция финской политической элиты, с момента обретения страной независимости в 1917 г. и до настоящего времени, касательно отношений со своим восточным соседом неоднократно менялась. В первые годы после обретения независимости для финской политико-управленческой элиты в отношении Советской России была характерна экспансионистская политика, направленная на создание «Великой Финляндии». Ее результатом стала первая советско-финская война 1918—1920 гг., которая закончилась подписанием 14 октября 1920 г. Тартуского мирного договора, согласно которому была определена новая советско-финская граница и зафиксированы территориальные уступки со стороны Советской России в пользу Финляндии. Тем не менее, несмотря на то что исход ее оказался для финнов успешным, ряд представителей финской политической элиты были настроены крайне скептически относительно возможности Финляндии удержать завоеванные территории. Так, руководитель финской делегации, а впоследствии президент Финляндии Ю. К. Паасикиви признавал, что полученная в результате договора граница была для Финляндии слишком хороша, чтобы оставаться постоянной¹⁰.

В 30-е гг. во внешней политике Финляндии наблюдается отход от экспансионистских тенденций и выработка нового кур-

са, зафиксированного в декларации, представленной 5 декабря 1935 г. премьер-министром Тойво Кивимяки. Активное участие в этом принимал возглавлявший Совет обороны К. Г. Маннергейм. Согласно декабрьской декларации одной из основных задач финской внешней политики являлась разработка новых форм сотрудничества между Финляндией и Скандинавскими странами с целью защиты нейтралитета Скандинавии¹¹. Помимо этого были предприняты попытки нормализации отношений с Советским Союзом. Результатом стало подписание в 1932 г. пакта о ненападении и мирном разрешении спорных вопросов. В 1934 г. пакт был продлен на 10 лет. Тем не менее, несмотря на достигнутые успехи, отношения между Советским Союзом и Финляндией оставались крайне напряженными.

Серьезным испытанием для сформированного в 1937 г. правительства Аймо Каяндера стали переговоры, инициированные Советским Союзом в 1938 г., целью которых было обеспечение безопасности северной границы СССР. Выступавший от лица Советского Союза второй секретарь советского представительства в Финляндии Борис Ярцев предложил министру иностранных дел Финляндии Рудольфу Холсти обсудить ряд конфиденциальных вопросов, касающихся общеевропейской политической ситуации и положения Финляндии в ней. Однако дипломатический зондаж был осуществлен таким странным образом, что представители финской политической элиты, включая премьер-министра Аймо Каяндера и министра иностранных дел Р. Холсти, поначалу не уделили ему то внимание, которое он заслуживал¹². По окончании переговоров Ярцев отбыл в Москву, а затем посетил Стокгольм, где обсуждал проблему Аландских островов с министром иностранных дел Рикардом Сандлером.

Представители финской элиты не проявили должной заинтересованности и потому инициативу возобновления переговоров взяли на себя представители финской военной и художественной интеллигенции: генерал Аарне Сихво, писательница Хелла Вуолийоки, а также секретарь премьер-министра Каяндера Арво Инкиля. Именно Инкиля организовал продолжение обмена мнениями, когда Холсти отправился в Женеву на заседание Лиги Наций с премьер-министром Каяндером¹³. Со-

ветское правительство предлагало Финляндии военную помощь, в случае если на нее будет совершено нападение, давало согласие на укрепление Аландских островов при условии, что Советский Союз тоже будет принимать в этом участие, а также просило согласия финского правительства на создание на острове Суурсаари военно-воздушной и военно-морской оборонительных баз¹⁴.

Представители финской политической элиты заняли по отношению к советским предложениям отрицательную позицию. Премьер-министр Аймо Каяндер заявил, что «предложение СССР направлено на попрание суверенитета Финляндии и противоречит политике нейтралитета, которой Финляндия следует совместно с государствами Скандинавии»¹⁵. Возглавлявший в то время Совет обороны К. Г. Маннергейм отмечал, что решение правительства не посвящать даже узкий круг дипломатов в суть предложений Советского Союза было ошибочным, что, в свою очередь, негативно отразилось на готовности парламента к дискуссии, развернувшейся в 1939 г.¹⁶ Так, непримиримая позиция значительной части финской политической элиты, заключавшаяся в нежелании обсуждать советские предложения и, что еще важнее, даже выносить их на рассмотрение парламентом, не позволила добиться нормализации отношений, что, безусловно, было бы выгодно обеим сторонам.

Второй этап переговоров открылся 5 марта 1939 г. Советский Союз предлагал Финляндии сдать в аренду острова Суурсаари и Лавенсари, архипелаг Тютерс и остров Сескар сроком на 30 лет, без возведения на них оборонительных сооружений и используя их как прикрытие на подступах к Ленинграду¹⁷. Однако *мнения* по предложению советской стороны среди финской политической элиты разделились. С одной стороны, Маннергейм считал, что Финляндия, безусловно, должна была пойти навстречу русским, чтобы улучшить отношения с могучим соседом¹⁸. Однако данная позиция не нашла понимания у министра иностранных дел Э. Эркко (ряд исследователей возлагают вину за начало Зимней войны именно на министра иностранных дел, называя ее «Erkon sota» — война Эркко). Не поддержали позицию Маннергейма также и премьер-министр А. К. Каяндер, и президент К. Каллио.

Финское правительство составило проект ноты, в которой утверждалась решимость Финляндии отстаивать свой нейтралитет при любых обстоятельствах¹⁹.

Позиция финской элиты со всем основанием может быть признана близорукой, т. к. предложение Советского Союза никоим образом не затрагивало интересов Финляндии, а указанные острова не представляли для нее никакой ценности. Кроме того, представителями финской политико-управленческой элиты не принималась во внимание заинтересованность Советского Союза в обеспечении безопасности его северной границы. Так, посол СССР в Финляндии Б. Е. Штейн отметил, что Советский Союз не может принять отрицательный ответ Финляндии, как не может и отказаться от притязаний на острова в Финском заливе, поскольку они имеют громадное стратегическое значение для Советского Союза²⁰.

Таким образом, Советскому Союзу не удалось достичь своей цели — обеспечить безопасность своей северной границы. Финское правительство, ссылаясь на конституцию, отказалось передать ему часть своей территории. Однако данной позиции придерживалась не вся политическая элита. Как уже было показано выше, члены финского парламента вообще не были поставлены в известность о том, что ведутся переговоры с Советским Союзом, а позиция Маннергейма, предлагавшего согласиться на советские предложения, была отклонена финским правительством. По словам того же Маннергейма, члены правительства опасались, что принятие советских предложений вызовет негативную общественную реакцию, что вынудит правительство уйти в отставку²¹. Таким образом, никто из представителей финской политико-управленческой элиты не пожелал рискнуть своей популярностью в столь важном для государства деле.

Нежелание идти на уступки Советскому Союзу стало характерной чертой и для следующего правительства, пришедшего на смену правительству Аймо Каяндера и занимавшего порой еще более непримиримую позицию (так, министр обороны Юха Нюкянен заявил, что Финляндии будет выгоднее воевать с Советским Союзом, чем удовлетворить его требования)²². Всё это не

позволило выработать приемлемое для обеих сторон решение, что, в конечном счете, привело к Зимней войне 1939—1940 гг.

Примечания

- ¹ *Ашин Г. К.* Курс истории элитологии URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Aschin/01.php (дата обращения: 15.12.2012).
- ² Там же.
- ³ См.: Политические элиты. Происхождение понятия «политическая элита». URL: <http://slovco.ru/konstpravo/ee/ELITA-POLITICHESKAYA-8577.html> (дата обращения: 10.11.2012).
- ⁴ См.: *Ашин Г. К.* Указ. соч.
- ⁵ *Соколов А. В.* Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб., 2007. С. 62.
- ⁶ *Звездунова Г. В.* Интеллигенция и элита: поиски взаимного соответствия. URL: <http://naukovedenie.ru/sbornik1/3-24.pdf> (дата обращения: 13.10.2012).
- ⁷ *Ширяев Н.* Интеллигентно об интеллигенции. URL: <http://www.proza.ru/2007/10/21/150> (дата обращения: 13.10.2012).
- ⁸ Цит. по: *Квакин А. В.* Современные проблемы изучения истории интеллигенции // Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов. Иваново, 1995. С. 12 ; *Севастьянов А. Н.* Национал-капитализм. М., 1995. С. 135.
- ⁹ *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1998. С. 162—163.
- ¹⁰ Suomi kautta aikojen. 1992. С. 376.
- ¹¹ *Маннергейм К. Г.* Воспоминания. Мн., 2004. С. 189.
- ¹² *Таннер В.* Зимняя война : дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии, 1939—1940. М., 2003. С. 12.
- ¹³ Там же. С. 13.
- ¹⁴ Там же. С. 16.
- ¹⁵ Там же. С. 19.
- ¹⁶ *Маннергейм К. Г.* Указ. соч. С. 194.
- ¹⁷ *Таннер В.* Указ. соч. С. 23.
- ¹⁸ *Маннергейм К. Г.* Указ. соч. С. 203.
- ¹⁹ *Таннер В.* Указ. соч. С. 24.
- ²⁰ Там же. С. 25.
- ²¹ *Маннергейм К. Г.* Указ. соч. С. 204.
- ²² *Широкорад А. Б.* Финляндия — Россия : три неизвестные войны. М., 2006. С. 72.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.3(2)64-283.2

Л. Г. Сальникова

РОЛЬ ГУМАНИЗАЦИИ И ГУМАНИТАРИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ БУДУЩИХ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ

После идеализации научно-технического прогресса в середине XX века к началу XXI века появилось более осторожное отношение к науке и разуму. Человечество озабочено масштабно-стью глобальных потрясений: катастрофы, аварии, несчастные случаи, гибель людей занимают ведущее место в информационных сетях, а значит, и в сознании людей. В рамках постиндустриального общества формируется общество риска. Настоятельная необходимость современности — преодоление технократических тенденций и становление гуманитарного сознания. Теория и практика гуманизма уходят своими корнями в глубь веков. Гуманизм (от лат. «homo» — человек, «humanus» — человеческий, человечный, «humanitas» — человеческая природа) — это сложившееся в эпоху Возрождения, прежде всего в Италии, движение образованных людей, объединенное «интересом к античности», изучением и комментированием памятников древнеклассической литературы. Называя себя мудрецами или ораторами, итальянские гуманисты обозначали свои занятия к познанию таких вещей, которые относятся к жизни и нравам и которые совершенствуют и украшают человека. Слово «гуманист» появилось в

© Сальникова Л. Г., 2013

Сальникова Людмила Георгиевна – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук Ковровской государственной технологической академии имени В. А. Дегтярева. gn-kgta@rambler.ru

конце XV века, а термин «гуманизм» был введен немецким педагогом Ф. Нитхаммером в 1808 г. В XIX веке началось обсуждение исторического содержания и пределов этого понятия.

Центральная идея гуманизма — актуализация через гуманистические занятия возможностей, заложенных в индивиде, всесторонняя культивация его достоинства. Гуманизм — это и особый тип философского мировоззрения, в центре которого — человек с его земными делами, с присущими его природе способностями и влечениями, с характерными для него нормами поведения и отношениями. В широком смысле слова гуманизм — доброжелательное отношение к человеку: человек рассматривается как свободное существо, способное творить самого себя, придавать себе ту природу, которую он сам пожелает как субъект познания и деятельности, опирающийся в своих действиях на собственный разум и творческие потенции.

В современной научной литературе под гуманизмом понимается, с одной стороны, совокупность антропологических и гуманитарных наук, с другой — явление духовной жизни.

Гуманитарные науки — это науки о человеке, о его специфике. Они изучают человека через его поступки, намерения, цели, достижения. В гуманитарных науках методом «познания — проникновения» является метод понимания.

В статье ставится задача: рассмотреть интерпретации гуманизма в современной научно-философской литературе и практике, новые подходы к гуманитаризации высшего образования.

Начиная с XIX века наступает кризис гуманизма. Он вызван сомнением в способности человека сохранять позицию свободы и автономности в условиях современного общества. Исторической предпосылкой вытеснения человеческого иным можно посчитать, при желании, всю историю человечества. Ф. Ницше объявил войну всему «слишком человеческому», усмотрел в современности конец христианской культуры и приход в мир «сверхчеловека» с его «волей к власти». Противоядием от «омасовления» культуры Х. Ортега-и-Гассет называл «дегуманизацию искусства». Н. А. Бердяев главным изъяном гуманизма считал отрыв человека от Бога.

В эпоху гуманизма, разума и прогресса люди начали жить не «ради Бога», а ради себя. Мир богател и развивался, мир науки

и техники вел к постоянному облегчению их быта, способа господства. Богатство, комфорт и свобода стали последней целью цивилизации, как отказ от служения какому-либо Абсолюту. В центре цивилизации — Человек. С открытием микро- и мегамиров, с усилением мощи и самоценности технических средств Человек смещается из центра цивилизации на периферию, перестает быть субъектом происходящих процессов, становится объектом.

Внутри гуманитарного теоретизирования человек перестает быть автором, субъектом, творцом. Наиболее определенно это выразилось в структурализме. Задача науки, по мнению К.-Л. Стросса, не воспроизводить человека, а растворить его. Возникает феномен антигуманизма, вначале «слабого», «теоретического», в виде приема познания, а потом все решительнее — фундаментально-онтологического, концептуально-мировоззренческого. Прошедший в структурализме отказ от объектно-субъектной парадигмы означал отказ от признания особого положения человека в мире. Он такой же элемент его функционирования и развития. Он больше не человек, а актер или даже агент¹. Безусловно, бессубъектной истории в мире не существует. Но называть причиной катастроф и несчастий вместо человека «человеческий фактор», по крайней мере, некорректно.

«Гуманитарная парадигма» переживает кризис, внутреннее брожение, предсказания о гуманитарной катастрофе. Вместо гуманизма и антропологии предлагается, в частности, разрабатывать гуманологию, в которой человеческий разум уравнивается с техническим разумом, фактически искусственным интеллектом². Но человеческий разум вряд ли может соревноваться с машинным, да и просто сосуществовать. Выдвигается идея так называемой симметричной антропологии, в которой уравниваются человек и вещи окружающего мира. Это примеры непрестанно уходящей роли человека. Не случайно в компьютерных текстах исчезают имена собственные, которые теперь пишутся с маленькой буквы. Вместо антропологии вводится персонология, в которой личность представляется как «сгусток свободного духа». Этот сгусток терминологически совпадает с постструктуралистским представлением человека как концепта. Подобные абстракции увенчиваются идеей возникновения «виртуального человека», естественно, более прогрессивного в сравнении со старомод-

ным, телесным. Развертывается целое направление по «конструированию человека», какого — непонятно³.

В последнее время фактов дегуманизации достаточно: освобождение от людей инакомыслящих в сталинские времена, ужасы концлагерей, бомбардировки Ирака, Ливии и т. п. Действительность свидетельствует о том, что постепенно, век за веком, в обществе накапливается инерция гуманизма и прямые проявления ее — изменение отношения к детям, старикам и инвалидам или массовые гуманитарные миссии — антиглобализм, волонтерские движения, «Врачи без границ», деятельность Римского клуба и пр.

Все вышеперечисленное свидетельствует о разложении гуманитарной парадигмы. К началу XXI века это нашло выражение в возникновении трансгуманизма. В основе его идеологии лежит тезис о том, что человек не является последним звеном эволюции, а значит, может изменяться и совершенствоваться без каких-либо ограничений «до бесконечности». «Трансгуманисты хотят “не остаться людьми”, а наоборот — перестать ими быть, став более совершенными существами, т. е. трансхьюманами, или же нелюдьми. Трансгуманисты считают, что мы живем в эпоху переходного этапа от обычного человека к постчеловеку...»⁴

Условием непрерывной эволюции человека является его бессмертие. Трансгуманизм — это почти другое имя иммортализма. Поскольку в нем имеется в виду не просто отказ от гуманизма как некой ценности, а преодоление человека как Гомо сапиенса, то точнее его следовало бы называть трансгоманизмом или трансантропологизмом.

Исторически сложившийся традиционный человек и гуманизм как идеология его самооценности становятся тормозом ускоряющегося технического прогресса, последний требует совершенствования человека. Превратившись в трансгресс, технический прогресс трансформирует человека в элемент, фактор, агента в потоке ускоряющегося новационного развития. Существующий человек — это, по меньшей мере, «недостаточно хорошо», если не совсем плохо, говорит нам новое божество — технология НБИК (нано, био, инфо, когно) — и заказывает, проектирует, моделирует Иное, причем посредством самих людей. Подобные взгляды не фантастика, о чем свидетельствуют потоки сообщений из лабораторий мира о всё новых успехах в манипуляции человеком (с его генами, вживление чипов, чтение мыслей и т. п.).

Выражением кризиса гуманизма в сдвиге «гуманитарной парадигмы» являются ныне процессы появления на нашей планете представителей новых форм сущего. Это: человек-в-компьютере, человек-без-чувств, человек-зомби, интеллагент, гибрид-киборг, гомутер, e-Номо (единицы, но не гипотетические, а в экспериментах), это «небелковый» искусственный интеллект как форма разума, преодолевающего зависимость от человеческого мозга.

Извращение идеи устойчивого развития, разрушение природы и замена ее искусственной средой, вакханалия новационизма — всё это есть проявление дэволюции человеческого бытия. Несмотря на инстинкт самосохранения средствами науки и техники человечество движется к небытию, к возникновению мутантов прогресса.

Современные интерпретации, дискуссии вокруг гуманизма и его судьбы в современном мире указывают как на глубокий кризис (переживаемый не только этим мировоззрением), так и на его непреходящее значение для всей истории человечества.

В настоящее время формируется научная парадигма, объектом исследования которой становятся быстро развивающиеся системы. Главной особенностью этих систем является их «человеко-размерность», то есть изучение комплексов, включающих в качестве компонента человека. Человеко-размерная модель предусматривает необходимость соединения когнитивных и ценностных параметров науки и образования. Междисциплинарная, аксиологически ориентированная человеко-размерная картина мира отражает реалии формирующегося общества риска. Отсюда ясно, что антропологический подход должен стать стержнем современного образования.

В литературе нет четкого понимания, что есть гуманитарные науки. Некоторые авторы не выделяют отдельного понятия «гуманизация», «гуманитаризация»⁵. Под гуманитаризацией сначала понимали, как правило, увеличение дополнительных гуманитарных дисциплин и количества подготовленных специалистов-гуманитариев, это узкое понимание. Гуманитаризацию следует рассматривать как средство повышения гуманитарной культуры любого вузовского специалиста и как характеристику способа преподавания. Обучение любой дисциплине должно носить гуманитарный (антропоцентристский) характер. Что является объек-

том гуманитарных наук? М. М. Бахтин полагал: «Гуманитарные науки — это науки о человеке, о его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении... изучают человека через его поступки, намерения, цели, действия. Человек тем или иным образом себя проявляет, говорит о себе, то есть выражает себя...»⁶

Гуманитаризация образования — это наполнение или дополнение образовательной программы гуманитарным содержанием, т. е. включение в учебный процесс цикла гуманитарных дисциплин. Она связана с учебно-методическим содержанием преподавания в вузе. Гуманитаризация не сводится лишь к задаче расширения информационного содержания гуманитарных дисциплин, но в принципе должна отвечать более высоким целям — привитие молодым людям гуманистических ценностей.

Современные стандарты высшего образования определяют размер гуманитарного блока примерно 25 % от общего начального объема всей учебной нагрузки в вузе. Преподаватели технических дисциплин считают, что этого вполне достаточно, или даже лишку. Главное здесь — эффективно использовать предоставленную возможность. Правомерно возникают два важных вопроса: во-первых, что следует преподавать студентам, т. е. как должна выглядеть дисциплинарная матрица гуманитарного блока, и, во-вторых, как следует преподавать гуманитарные дисциплины?

Министерство образования и науки РФ рекомендует решать вопрос о дисциплинах гуманитарного блока с учетом возможностей и потребностей вуза. Исходить необходимо из состава наук, в центре которых стоит человек, мир культуры, гуманистические идеи и идеалы, концепции социального, политического, правового устройства человеческой жизни, которые получили всемирную известность.

Гуманитарная педагогика, как полагают Ю. Ветров и А. Ивашкин, должна ориентироваться на три основных принципа: плюрализм, репрезентативность, дистанцирование⁷.

Плюрализм исходит из признания многомерности и многогранности мировой гуманитарной и общественно-политической мысли, многообразия существующих точек зрения.

Принцип репрезентативности нацеливает на трансляцию в учебном процессе тех достижений мировой общественной мысли, которые получили общее признание, стали классикой в соответ-

ствующих направлениях гуманитарных исследований. Репрезентативность предполагает бережное отношение к первоисточникам, к классическому тексту.

Принцип дистанцирования требует от преподавателя сбалансированного, объективного, беспристрастного изложения изучаемых концепций. Он запрещает какую-либо политическую, национальную или классовую ангажированность лектора как ключевой фигуры учебного процесса.

Преподаватель на университетской кафедре не должен брать на себя роль политика, вождя, пророка. С конца XX — начала XXI в. гуманитарные науки находятся под влиянием изменений, которые связаны с научной, политической, исследовательскими практиками, ролью творчества, информационно-коммуникационными инфраструктурами, с возникновением глобальных сетевых структур процесса производства знаний и продуктов научного труда. Особенностью гуманитарных наук является деятельность ученых, которые расширяют использование и исследование информационно-коммуникационных технологий. В США были получены данные о том, что 6 % гуманитарных исследований в 2005 г. были проведены с использованием сетевой инфраструктуры и цифровых инструментов. Новые «цифровые практики» подготавливают основу для возникновения инновационных исследовательских технологий, и возможно, для изменений в парадигме гуманитарных наук.

Концепты «гуманизация образования» и «гуманитаризация образования» характеризуют различные векторы в реформировании высшей школы. Если «гуманизация образования» в широком смысле предполагает создание в обществе системы образования, соответствующей гуманистическим идеалам (прежде всего, личной свободе, социальной справедливости, человеческому достоинству), то «гуманитаризация образования» связана с учебно-методическим содержанием преподавания в вузе.

Гуманитарные науки лишь тогда отвечают своей изначальной функции, когда открывают в человеке личность, ее неповторимость, уникальность, высшую самооценку, когда они служат гуманистическим идеалам, формируют интеллигентность, новое поколение интеллигентов.

Примечания

- ¹ *Кутырев В. А.* Время Mortido // Вопросы философии. 2011. № 7.
- ² *Эпштейн М.* Знак пробела : о будущем гуманитарных наук. М., 2004.
- ³ Конструирование человека : сб. тр. Всерос. науч. конф. Томск, 2008.
- ⁴ *Кутырев В. А.* Указ. соч.
- ⁵ *Ветров Ю., Ивашкин А.* Гуманизация и гуманитаризация инженерного образования // Высшее образование в России. 2006. № 1.
- ⁶ См.: *Суслов И. Н.* Педагогические основы гуманитаризации образовательного процесса технического вуза. Омск, 1998.
- ⁷ *Ветров Ю., Ивашкин А.* Указ. соч.

ББК 60.524.126

А. В. Кокшаров

ПРОГРАММА АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Одной из наиболее острых проблем в образовании России на сегодняшний день является создание условий для успешной социализации и полноценной самореализации молодых кадров. Система образования нуждается в компетентном, ответственном педагоге, действующем в соответствии с государственной политикой и принципами психолого-педагогической науки. Система образования стремительно «стареет», поэтому необходим приток «свежих сил» — молодых, активных и компетентных педагогов. И от того, насколько хорошо они сумеют адаптироваться к своей профессиональной деятельности, а также от того, останутся ли они в профессии, зависит будущее нашей страны.

Работа с молодыми педагогами традиционно является одной из самых важных составляющих методической работы обра-

© Кокшаров А. В., 2013

Кокшаров Александр Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории управления Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. a_koksharov@mail.ru

зовательного учреждения. Эта деятельность особенно важна в свете выполнения задач Национальной образовательной инициативы «Наша новая школа», Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, Приоритетного национального проекта «Образование», Федеральной целевой программы развития образования на 2011—2015 годы, Государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2012—2020 годы.

Профессиональная адаптация педагога в нашем понимании — это процесс активного приспособления личности к новым условиям труда, вхождения его в систему многосторонней деятельности, общения и установление взаимоотношений с педагогическим, родительским, ученическим коллективами.

Профессиональная адаптация зависит не только от приобретения знаний и сформированности профессиональных умений и навыков, но и от наличия профессионально значимых личностных качеств. Молодой учитель, начинающий свою педагогическую деятельность в школе, нередко теряется. Знаний, полученных в вузе, достаточно, но школьная практика показывает, что начинающим учителям не хватает педагогического опыта. Сложности вызывают вопросы дисциплины и порядка на уроке, методический аспект урока, оформление документации, осуществление классного руководства.

Следующая проблема, с которой сталкивается большая часть молодых педагогов, — адаптационно-коммуникативная. Она связана с тем, что молодой специалист попадает в незнакомую для него учительскую среду — педагогический коллектив. От коммуникабельности на первых порах зависит не только общий успех работы учителя, но и уровни самооценки и притязаний. Специфические особенности учительского труда и профессиональные возможности каждого учителя, отсутствие опыта, разрыв между знаниями и умениями приводят к разнообразным трудностям в период адаптации. Как следствие, происходит не всегда оправданный отток молодых учителей, не нашедших себя в выбранной профессии. От рационального распределения приоритетов в работе с начинающими педагогами зависит эффективность процесса профессиональной адаптации.

Молодыми специалистами в соответствии с Российским законодательством считаются лица в возрасте до 28 лет включитель-

но, «окончившие высшее (среднее) учебное заведение по очной форме обучения и поступившие на работу в государственное либо муниципальное образовательное учреждение не позднее трех месяцев со дня окончания высшего (среднего) профессионального учебного заведения, и проработавшие в данном образовательном учреждении не более 3 лет. Лицо является молодым специалистом при наличии одновременно всех вышеперечисленных условий.

Если период между окончанием учебного заведения и трудоустройством составляет более трех месяцев, статус молодого специалиста сохраняется лишь в том случае, если длительный перерыв в трудоустройстве вызван уважительными причинами, к которым относятся:

— служба в Вооруженных Силах Российской Федерации по призыву;

— нахождение в дородовом, послеродовом отпуске и отпуске по уходу за ребенком;

— временная нетрудоспособность лица, подтвержденная документом установленной формы;

— признание лица безработным в установленном законодательством порядке.

В случае вынужденного перерыва в работе молодого специалиста, вызванного получением первого высшего образования по очной форме обучения, обучением в аспирантуре по очной форме обучения, службой в Вооруженных Силах Российской Федерации по призыву, нахождением в дородовом, послеродовом отпуске и отпуске по уходу за ребенком, при возобновлении трудовой деятельности в этом же учебном заведении статус молодого специалиста продляется на срок, который в сумме с отработанным временем в данном учебном заведении составляет не более трех лет.

Лица, совмещающие обучение в высшем (среднем) учебном заведении по очной форме обучения с работой в образовательном учреждении, статус молодого специалиста приобретают только после полного завершения курса обучения и трудоустройства в образовательное учреждение не позднее трех месяцев со дня окончания высшего (среднего) профессионального учебного заведения».

Сохранение высокой потребности в педагогических кадрах вызвано большой численностью работающих педагогов с большим стажем работы и пенсионного возраста, а также ежегодно возрастающей текучестью кадров.

Наряду с вопросами, решаемыми только на федеральном или региональном уровнях, есть такие, которые надо и возможно решать на уровне общеобразовательного учреждения, так как практика показывает, что причиной текучести молодых специалистов является не только их неудовлетворенность уровнем оплаты труда, жилищные проблемы, низкий социальный статус, но и недостаточная профессиональная адаптация.

Приход в школу молодых учителей — это профессиональное испытание для них и широкое поле деятельности для администрации школы и педагогического коллектива. Начинающие самостоятельную деятельность педагоги обнаруживают, какой огромный объем работы им предстоит выполнить в кратчайшие сроки: написать тематические планы, подготовить планы уроков для разных классов, занять статусное положение в коллективе, наладить отношения с учащимися, коллегами, администрацией, родителями. Гибкая и мобильная работа с молодыми кадрами — это одна из наиболее эффективных форм для профессиональной адаптации, которая способна оптимизировать процесс повышения профессиональной компетентности молодого учителя, сформировать у него мотивации к самосовершенствованию, саморазвитию, самореализации.

Деятельность по профессиональной адаптации позволит осуществить совершенствование трудовых способностей молодого педагога, его профессиональных навыков, дополнительных знаний, навыков сотрудничества и т. п., а также формирование профессионально необходимых качеств личности педагога.

Основными формами профессиональной адаптации выступают:

- индивидуализированный педагогический тренинг,
- заседания методических объединений,
- открытые уроки,
- воспитательные мероприятия коллег,
- индивидуальные беседы с педагогом-наставником,
- профессиональные конкурсы и т. д.

Формирование личности профессионала в процессе трудовой адаптации не сводится к развитию операционной сферы в виде накопления знаний, навыков и умений, а предполагает формирование сложных психических систем регуляции ее социаль-

ного поведения. Решение данной многофункциональной проблемы не всегда возможно только силами образовательного учреждения, в котором работает молодой педагог. В ряде случаев необходимо объединить возможности педагогического коллектива образовательного учреждения, институтов повышения квалификации работников образования, методических объединений районного и городского уровней.

В начале своего профессионального пути каждый молодой специалист проходит 3 ступени:

1 — адаптация и утверждение профессиональной деятельности. Основные установки: быть не хуже других, не быть смешным, беспомощным;

2 — самореализация. На этой ступени происходит накопление приемов, упорядочение собственного опыта. Учитель начинает понимать, чему следует учить и как это следует делать. Выработка собственного профессионального стиля;

3 — профессиональное мастерство, постижение высшего смысла деятельности. Делаются попытки обобщить, теоретически обосновать и объяснить собственный опыт, сопоставить его с принятыми нормами.

Учитывая все вышесказанное, были разработаны основные направления профессиональной адаптации молодых педагогов в общеобразовательном учреждении, реализация которых должна способствовать решению кадровой проблемы на уровне образовательного учреждения.

В управлении процессом профессионального становления молодого педагога необходимо исходить из следующих принципов:

— ведущей организационной формой выступает методическая работа, построенная на диагностической основе;

— планирование методической работы осуществляется в контексте проектирования профессиональной карьеры учителя;

— субъектом проектирования становится сам педагог;

— в управлении профессиональным становлением приоритетным является создание системы поддержки творческой самоактуализации, профессионально-педагогической и социальной адаптации молодого педагога.

Исходя из выводов, полученных при анализе и обобщении имеющегося опыта по данной проблеме, в ходе исследования бы-

ли определены основные направления работы с молодыми педагогами с целью создания системы их профессиональной адаптации в общеобразовательном учреждении:

- I. Информационно-диагностическая деятельность
- II. Организационная деятельность
- III. Методическое сопровождение и консалтинговая деятельность
- IV. Нормативно-правовая деятельность

По каждому направлению деятельности были разработаны основные мероприятия.

I. Главной целью **информационно-диагностической деятельности** является информационная работа, проведение диагностики и мониторинга развития профессиональной компетентности каждого молодого педагога. Она включает в себя следующие мероприятия.

1. Информирование молодых педагогов об образовательном учреждении, его истории, традициях, образовательной программе и программе развития школы и т. д.

2. Ознакомление с основными нормативными документами: Уставом образовательного учреждения, должностными инструкциями, правилами трудового распорядка, коллективным договором, инструкциями по технике безопасности и охране труда и другими локальными актами школы. Деятельность по первому и второму блоку проводится за счет индивидуальной работы и собеседований.

3. Знакомство с педагогическим коллективом школы, служебным персоналом образовательного учреждения, как правило, проводится в форме беседы.

4. Важным мероприятием адаптации молодых педагогов должно стать их знакомство с целями и процедурой аттестации педагогических работников. Для реализации этого необходимо организовать методический семинар.

Значимыми мероприятиями информационно-диагностической деятельности является изучение личности молодых педагогов. Оно проводится в форме анкетирования. Основные формы анкет и цели их проведения представлены в таблице.

№ п/п	Цель	Формы анкет
1	Проведение входящего анкетирования с молодыми педагогами	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Самодиагностика профессиональной подготовленности учителя к педагогической деятельности ➤ Самооценка затруднений деятельности учителя ➤ Стиль преподавания ➤ Способность учителя к саморазвитию
2	Оценка педагогической деятельности	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Определение уровня обучающей деятельности педагога ➤ Успешность профессиональной деятельности учителя
3	Оценка личностных качеств	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Лидер ли Вы? ➤ Насколько Вы ответственны? ➤ Оценка личностных и профессиональных качеств ➤ Анкета по выявлению уровня агрессивности <p>Тесты:</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ Конфликтная ли Вы личность? ➤ Насколько Вы терпимы?

Думается, что информационно-диагностическая деятельность не должна ограничиваться только временем прихода молодого педагога в школу. Важным должно стать проведение вторичной диагностики молодых педагогов по окончании первого года работы в образовательном учреждении с целью корректировки дальнейшего плана профессиональной адаптации. Она проводится по тем же методикам, что и входящее анкетирование.

II. Вторым направлением работы с молодыми педагогами с целью создания системы их профессиональной адаптации в общеобразовательном учреждении должна стать, как указывалось выше, **организационная деятельность**, способствующая усвоению роли и статуса молодых педагогов. Она должна включать в себя следующие мероприятия:

1. Посредством собеседования с администрацией образовательного учреждения формируется эффективный режим работы молодого педагога, в том числе составление удобного расписания, назначение щадящей учебной нагрузки и пр.

2. Организация работы службы психолого-педагогического сопровождения молодых педагогов. Здесь могут быть использованы следующие методы: собеседование, практикум по решению педагогических ситуаций, аутотренинг, карьерное консультирование, социально-психологические тренинги, музыкотерапия и др.

III. Методическое сопровождение и консалтинговая деятельность преследует цели:

— создание условий для дифференцированной и целенаправленной методической работы с молодыми педагогами с построением индивидуальных профессиональных траекторий;

— создание условий для повышения профессионального уровня подготовки молодых педагогов, в том числе навыков применения различных средств, форм обучения и воспитания, психологии общения со школьниками и их родителями;

— создание условий для развития творческого потенциала молодых педагогов, мотивов их участия в профессиональной деятельности. Основные мероприятия по этому направлению следующие.

1. Организация работы «Школы молодого учителя», в рамках которой проводятся:

- методические семинары,
- мастер-классы,
- дискуссии,
- методические практикумы,
- тематические консультации,
- посещение уроков и внеклассных мероприятий опытных учителей,
- тренинговые занятия,
- проблемно-деловые игры.

2. Организация работы в рамках школьных методических объединений учителей. Для этого необходимо внесение изменений в планы работы школьных методических объединений с целью планирования работы молодых педагогов.

3. Система тьюторства направлена на индивидуальное сопровождение молодых педагогов. Она должна включать совместную работу опытных педагогов (тьюторов) и молодых учителей по анализу образовательных программ; конструированию урока, подбору методического и дидактического оснащения урока, ра-

боте с нормативными документами, корректировке результативности профессиональной деятельности. Тьютер отвечает также за предоставление методической, психолого-педагогической, управленческой, нормативно-правовой информации молодому учителю, ознакомление с основными направлениями и формами активизации познавательной, научно-исследовательской деятельности учащихся во внеурочное время.

4. Важным направлением работы по адаптации молодых педагогов должно стать их привлечение к участию в конкурсном движении на муниципальном, региональном и всероссийском уровнях, в том числе: «Педагогический дебют», «Открытый урок», «Лучшая методическая разработка», «Лучшее методическое объединение», «ИКТ в руках ученика», заочные интернет-конкурсы.

5. Участие молодых специалистов в сетевом сообществе молодых педагогов.

6. Участие молодых специалистов в курсах повышения квалификации на муниципальном, региональном и всероссийском уровнях, в том числе ИКТ обучение молодых педагогов, способных эффективно использовать информационные технологии. При этом форма обучения может быть различна: очная, заочная, дистанционная.

IV. Нормативно-правовая деятельность. Ее целью является формирование нормативной базы для организации профессиональной адаптации молодых педагогов в образовательном учреждении. Это направление должно быть реализовано за счет разработки, согласования и утверждения целого пакета локальных актов.

Прежде всего, оно касается тех актов, которые непосредственно регламентируют работу образовательного учреждения с молодыми педагогами. К их числу мы бы отнесли:

- Положение о профессиональной адаптации молодых педагогов
- Положение о Школе молодого учителя
- Положение о тьюторстве
- Положение об индивидуальном сопровождении молодого специалиста в ОУ и т. д.

Кроме того, эта деятельность потребует внесения изменений в документы, сопровождающие деятельность образователь-

ного учреждения и его отчетные документы. В образовательной программе, публичном отчете, плане руководства и контроля и т. п. должны быть предусмотрены пункты, связанные с профессиональной адаптацией молодых педагогов.

Основным документом, определяющим политику образовательного учреждения в отношении молодых учителей, должна стать программа психолого-педагогического сопровождения молодых педагогов.

Российская школа последовательно и необратимо идет по пути преобразований. Развитие школы стало ключевой идеей, охватившей все категории просвещения — руководителей всех рангов, организаторов образования и самую массовую категорию — учителей.

Современной школе нужен профессионально-компетентный, самостоятельно мыслящий педагог, психически и технологически способный к реализации гуманистических ценностей на практике, к осмысленному включению в инновационные процессы. Однако, как показывает анализ школьной действительности и социально-педагогических исследований, даже при достаточно высоком уровне готовности к педагогической деятельности профессиональная адаптация молодого учителя может протекать длительно и сложно.

Следовательно, на наш взгляд, одним из важнейших управленческих циклов системы образования, который позволяет решить данную проблему и способствует созданию системы эффективного менеджмента, можно считать работу администрации с молодыми педагогами.

Система профессиональной адаптации молодых педагогов включает в себя четыре направления: организационную деятельность, методическое сопровождение и консалтинговую деятельность, нормативно-правовую деятельность, диагностическую и мониторинговую деятельность. Реализация этих четырех направлений обеспечит системный подход к совершенствованию кадрового обеспечения в общеобразовательных учреждениях, будет способствовать росту профессионализма молодых педагогов.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

ББК 63.3(2)64-283.2

В. С. Меметов, Н. Г. Юркин

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ЖУРНАЛА... (ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ)

В июле 1992 г. Приказом Госкомвуза РФ образован Межвузовский Центр РФ «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества». На его основе в 1998 г. при Ивановском государственном университете был создан НИИ интеллигентоведения. Таким образом, в ушедшем 2012 г. исполнилось 20 лет со дня основания данного научно-исследовательского учреждения. В условиях разрыва экономических, политических, научных, культурных и других связей, последовавшего за распадом Советского Союза, одной из основных целей деятельности Межвузовского Центра стала попытка воссоздания в рамках России единого интеллектуального пространства.

В этой связи значимым направлением деятельности НИИ становится издание междисциплинарного журнала социально-

© Меметов В. С., Юркин Н. Г., 2013

Меметов Валерий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Ивановского государственного университета, директор НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, Заслуженный работник высшей школы РФ, главный редактор журнала «Интеллигенция и мир». vs_memetov@mail.ru

Юркин Николай Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории управления Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала «Интеллигенция и мир». n_yurkin@mail.ru

гуманитарных наук «Интеллигенция и мир», основанного в 2001 г. За более чем десятилетнюю историю он становится поистине общероссийским изданием, где публикуются труды интеллигентоведов из различных регионов нашей страны. При этом география публикаций постоянно расширяется. И сегодня на страницах журнала выступают ученые из ближнего (Беларусь) и дальнего зарубежья (Италия, США). В 2010 г. журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Все это свидетельствует, что в настоящее время журнал «Интеллигенция и мир» отражает основные тенденции развития современного интеллигентоведения. В этой связи обзор статей, опубликованных в нашем издании за прошедшие 10 лет, будет крайне интересным.

Прежде всего, остановимся на проблеме идентификации интеллигенции. Ученые на страницах нашего журнала неоднократно обращались к данной теме¹. Определенный интерес представляет и дискуссия о времени зарождения интеллигенции. В целом нужно сказать, что постепенно происходит отход от традиционного понимания данного вопроса, когда зарождение интеллигенции связывают с XVIII—XIX столетиями. Все больше исследователей видят ее истоки в более ранних эпохах². В частности, В. С. Меметов и А. В. Попов полагают, что феномен интеллигенции возникает в Осевое время. Он связан с зарождением, формированием и развитием первых, известных нам, цивилизаций, величайшим всплеском в интеллектуальной истории человечества, давшей миру Упанишады и буддизм, иудейских пророков и греческую философию³.

Получило дальнейшее развитие изучение типологии интеллигенции. Конечно, здесь преобладает функциональный подход к выделению отрядов интеллигенции в зависимости от сферы деятельности. Естественно, больше всего исследований связано с изучением представителей традиционно интеллигентских профессий: педагогов⁴, ученых⁵, врачей⁶, художественной⁷ и технической интеллигенции⁸. Вместе с тем, делаются попытки выявления новых отрядов интеллигенции, например религиозной⁹, управленческой¹⁰, военной¹¹. Причем интерес к последней группе

настолько возрос, что редколлегия приняла решение сделать особую рубрику «Из истории военной интеллигенции»¹². Также выделяются группы интеллигенции в зависимости от социального происхождения¹³.

Здесь важным выглядит вопрос о социальной роли интеллигенции. Авторы рассматривают особенности взаимоотношения интеллигенции и общества¹⁴. Традиционно обращают внимание на просветительскую и интеллектуальную функции интеллигенции¹⁵. В. Л. Семёнов предпринимает попытку осветить оценочную функцию интеллигенции на примере осмысления тех революционных движений, где она терпела поражения или одерживала победу¹⁶.

Другой исследователь сопоставляет функции интеллектуала и интеллигента и приходит к следующим выводам: «Интеллектуал предстает в онтогносеологическом плане уже не как аналог *homo habilis* (человека умелого), который просто использует шаблонные знаковые единицы, задаваемые природным и социокультурным окружением, а как... аналог *homo ergaster* — человека трудящегося... целенаправленно продуцирующий единичные знаки и изменяющий посредством этого конкретную знаковую ситуацию». Интеллигент же использует для анализа знаковой реальности не только левое полушарие головного мозга, но и дополняет функциональность последнего аналоговыми элементами правополушарного мышления. В результате подобного синтеза возникает эйдетическая (чувственно-рациональная) атрибутивность¹⁷.

В целом, значимым направлением интеллигентоведения мы считаем изучение отечественных и зарубежных систем образования. При этом делается попытка проследить основные этапы становления и развития образования в России, как в историческом плане¹⁸, так и в плане оценки современных реформ данной сферы¹⁹. Авторы, как правило, настаивают на плодотворности исторической традиции, творческий потенциал которой остается далеко не исчерпанным. Особо отметим то, что в последнее время все больший интерес вызывают работы, направленные на изучение взаимодействия преподавателей и студенчества в современном обществе²⁰. Делаются попытки нарисовать социальный портрет современного студента²¹. В работах

подчеркивается, что проблема формирования интеллектуально-духовного облика студентов является одной из актуальнейших в условиях современных приоритетов государственной образовательной политики XXI века²².

Обратим внимание на интересный материал, опубликованный в 2009 г., в котором излагаются представления современного студенчества о менталитете и образе молодого ученого. Делается вывод о том, что обобщенный образ современного молодого ученого нарисовать нельзя. «Такой образ будет слишком плоским и односторонним, не передающим всего многообразия и глубины личности ученого, а менталитет, ему приписываемый, абсолютно не жизнеспособным». В условиях современной России можно найти как ученых-энтузиастов, так и ученых-бизнесменов, и обе эти категории активно взаимодействуют между собой, сотрудничая и дополняя друг друга как в пределах одного творческого коллектива, так и на всероссийском уровне²³.

Отметим, что редколлегия заинтересована не только в освещении научной, но и учебно-методической работы. В частности, в журналах неоднократно публиковались рабочие программы как по интеллигентоведению²⁴, так и по другим дисциплинам социально-гуманитарного цикла²⁵. Это позволяет преподавателям разных регионов страны обмениваться опытом.

Вообще в журнале публикуются не только исторические работы, внимание исследователей привлекают и современные реалии. При этом широта поднимаемых вопросов не ограничивается изучением интеллигенции как социального слоя. Часто в работах поднимаются и другие актуальные проблемы²⁶. Не обходят авторы вниманием и инновационные технологии и их воздействие на интеллигенцию. В частности подчеркивается, что Интернет в настоящее время становится неотъемлемой частью жизни современной интеллигенции²⁷. Показываются некоторые существенные характеристики такой новой социальной группы, как интернет-интеллигенция²⁸. В целом отметим, что отличительной чертой современного интеллигентоведения является проведение междисциплинарных исследований, сделанных на стыке различных наук²⁹.

Традиционно большой интерес вызывают вопросы взаимодействия государства и интеллигенции. При этом наибольшее

число исследований посвящено советской эпохе, для которой, по мнению исследователей, была характерна оппозиционность интеллигенции и власти. Здесь выделяются различные аспекты взаимоотношений. Но видны два основных вектора: отношение властных структур к интеллигенции³⁰ и восприятие дореволюционной интеллигенцией власти³¹.

Кроме этого, часто предметом исследования становится участие интеллигенции в политической жизни страны³². При этом ставится вопрос об ответственности интеллигенции³³. Интересны в этой связи рассуждения И. В. Сибирякова, где он анализирует механизмы идеологического оправдания террора со стороны радикальных политических партий России в начале XX в.³⁴ Автор указывает, что интеллигенцию нельзя заставить единодушно осудить террор. «Социальные, психологические, нравственные особенности этой группы населения неизбежно будут препятствовать выработке консолидированной единой позиции. Но при этом в рядах интеллигенции всегда существуют те, чьё мнение будет иметь особое значение для формирования групповой идентичности, для определения границ допустимых морально-политических колебаний. Диалог с этими людьми является обязательным условием стабилизации социума, сокращения разрушительного потенциала террора»³⁵. Терроризм как глобальная проблема современности придает статье особую актуальность.

Здесь же следует отметить, что все чаще исследователи задаются вопросом: является ли оппозиционность интеллигенции ее сущностной характеристикой, и обосновывается тезис о возможности и необходимости сотрудничества интеллигенции и власти, о ее работе во властных структурах³⁶. Делается акцент на том, что востребованность знаний и профессионализма интеллигенции повышается на переходных этапах развития общества, что предопределяет необходимость ее вовлечения во власть. «Современность предъявляет другие требования к интеллигенции: из критика власти она должна стать субъектом власти». При этом указывается, что общество в достаточной мере подготовлено к постепенной смене субъекта власти и передаче полномочий «интеллигентной интеллигенции». Более того, по мнению авторов, занятие интеллигенцией только позиции критика является «в настоящее время определенным предательством идеалов про-

шлого и вызовом современности»³⁷. Другая тема, заслуживающая отдельного упоминания, — демократизация общества в России. При ведущей роли интеллигенции в общество постепенно внедряются основные демократические нормы и принципы. Многие из них уже закреплены юридически³⁸.

Достаточно часто обсуждался вопрос о взаимодействии интеллигенции и Церкви, причем не только православной, но и других конфессий³⁹. Однако основной упор делается на изучение отечественного опыта, что вполне объяснимо. Прежде всего, обращалось внимание на то, что сотрудничество интеллигенции и Церкви может быть направлено на изучение природы Церкви⁴⁰. Вторым направлением анализа являются попытки определить, что более характерно для интеллигенции: религиозность или атеизм⁴¹. Делается вывод о том, что общее здесь выделить сложно. Все зависит от личности каждого человека.

Фактически в каждом номере нашего журнала были представлены материалы, посвященные ярким представителям российской и зарубежной истории. С точки зрения интеллигентоведения изучалась деятельность отечественных и зарубежных философов⁴², художников⁴³, общественных деятелей⁴⁴. Особый интерес вызывают попытки сопоставления воззрений различных представителей интеллигенции⁴⁵. При этом, как мы видим, исследования затронули не только известных, но и неизвестных широкой публике исторических деятелей. Появляются работы, в которых рассматриваются представители профессий, ранее не относившихся к интеллигенции, — государственных деятелей⁴⁶, и даже предпринимателей⁴⁷.

Обратим внимание на следующий момент. Не вызывает сомнений, что творчество интеллигентов прошлого является предметом серьезного научного анализа⁴⁸. Вместе с тем, мы зачастую забываем, что современные ученые кроме научных изысканий занимаются и художественным творчеством, и если первое направление деятельности достаточно широко известно среди специалистов, то второе — не получает такого освещения. А ведь оно позволяет лучше представить их самих. Так, например, имя В. Р. Веселова широко известно среди интеллигентоведов. В одном из номеров нашего журнала он предложил свои стихи, которые дали возможность лучше узнать этого замечательного учено-

го⁴⁹. Думается, в будущем рубрика «Творчество ученых» позволит нам сделать новые интересные открытия.

Значительное внимание в журнале уделялось освещению результатов исследований молодых ученых, соискателей степеней кандидатов и докторов наук⁵⁰. Анализируя представляемые материалы, можно сделать вывод о том, что работы молодых ученых в целом развиваются в контексте актуальных проблем современного интеллигентоведения. Отрадно отмечать, что многим аспирантам и докторантам, дебютировавшим в нашем издании, в настоящее время присвоены искомые ученые степени.

Кроме того, редколлегия старалась познакомить интеллигентоведов с наиболее интересными защитами докторских и кандидатских диссертаций. Открывая данную рубрику, мы преследовали следующие задачи: во-первых, оперативное информирование об интересных диссертациях, которые были представлены в различных уголках нашей необъятной родины; во-вторых, ознакомление с наиболее острыми проблемами, обозначенными на кандидатских и докторских защитах. Это обусловлено тем, что мысли, высказанные официальными оппонентами, вызывают не меньший интерес, чем сами диссертации. Они содержат не только научную аннотацию диссертации, но и акцентируют внимание на дискуссионных проблемах, затронутых в научных работах. Между тем, если с диссертациями можно ознакомиться в различных библиотеках, то отзывы, как правило, не доступны для широкого круга заинтересованного исследователя. Первоначально основной целью ставилось знакомство с результатами исследований ивановской школы интеллигентоведения⁵¹. Однако позднее в формирование данной рубрики включились и наши читатели из других регионов страны⁵², что способствует творческому обмену между различными научными школами. Здесь же следует отметить, что на страницах журнала освещаются и научные конференции, которые проводились в различных регионах страны⁵³, публикуются и результаты историографических исследований⁵⁴.

Наконец, важным направлением нашей деятельности мы считали и считаем представление наиболее интересных новинок книжного рынка. Члены редколлегии постоянно занимаются выявлением изданий, посвященных проблемам истории мировой и отечественной культуры, и знакомят читателей с наиболее инте-

ресными монографиями⁵⁵. Признаемся, что испытываем искреннюю благодарность нашим коллегам, которые дают справедливую оценку работам, подготовленным к изданию в рамках деятельности Ивановского межвузовского центра⁵⁶. При этом можно отметить, что в отзывах присутствует и справедливая критика, которая позволяет учитывать в будущем сделанные замечания. Вообще надо отметить, что мы выступаем за объективную оценку научной работы, поэтому рецензии иногда носят отнюдь не комплиментарный характер⁵⁷.

Вопросы источниковедения не столь часто освещаются на страницах нашего журнала. Тем отраднее появление оригинальной работы О. В. Капустиной⁵⁸. В последнее время анекдоту как виду исторического источника уделяется немало внимания, и в этой работе была сделана попытка проанализировать образ интеллигента, сложившийся в общественном сознании, который и отразился в анекдотах советской эпохи. В целом же, с сожалением приходится констатировать, что нами не до конца использован потенциал рубрики «Из архивных фондов». На сегодняшний день в данном разделе опубликовано лишь несколько документов⁵⁹. Общеизвестно, что поступательное развитие любой отрасли знания напрямую зависит от расширения источниковой базы. Поэтому мы надеемся, что в дальнейшем этот пакет редакционного портфеля нашего журнала будет пополняться заинтересованными авторами.

Безусловно, 10 лет для журнала не столь большой период развития, особенно в сравнении с такими историческими журналами, как «Отечественная история», «Вопросы истории» и т. д. Тем не менее, за этот отрезок времени, как показано в данном обзоре, на страницах журнала обсуждался значительный круг проблем, актуальных не только для интеллигентоведения, но и для многих других социально-гуманитарных наук. И мы уверены, что благодаря нашим авторам, которые могли бы составить «золотой запас» любого научного издания, эта деятельность будет продолжена и в дальнейшем.

Представленный обзор не претендует на полноту историографического анализа. Мы лишь охарактеризовали основные тенденции современного интеллигентоведения, которые отразились на страницах журнала «Интеллигенция и мир». Кроме того, ши-

рота обсуждаемых вопросов, показанная выше, наполняет уверенностью в том, что в ближайшем будущем у нас появятся и новые авторы, в том числе и те, которые до этого считали интеллигентоведение специфической отраслью знаний, выходящей за рамки их научных интересов.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Будник Г. А.* Понятие «интеллигенция»: новые подходы и дискуссии // *Интеллигенция и мир.* 2009. № 3 ; *Воронов Ю. М.* Интеллигенция как социокультурная идентичность // Там же. 2004. № 1/2 ; *Келеман Л. А.* Субъектно-объектные основания целостного осмысления интеллигентности // Там же. 2007. № 4 ; *Меметов В. С.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Там же. 2008. № 2 ; и др.
- ² См., напр.: *Меметов В. С.* Проблемы теории и методологии генезиса интеллигенции // *Интеллигенция и мир.* 2007. № 4 ; *Чугунова Т. В.* Античность и тип интеллигентной личности // Там же. 2011. № 1 ; и др.
- ³ *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 32—33.
- ⁴ См., напр.: *Золотарев О. В.* Советское учительство в 1920-х годах // *Интеллигенция и мир.* 2009. № 3 ; *Он же.* Советское учительство в 1930-е годы // Там же. 2010. № 1 ; и т. д.
- ⁵ См., напр.: *Корзенко Г. В.* Ученые Беларуси в условиях политических репрессий 20—30-х годов XX столетия // *Интеллигенция и мир.* 2006. № 4 ; *Шевчук И. И.* Социальный и партийный состав ученых БССР (1920—30-е годы) // Там же. 2010. № 2 ; и др.
- ⁶ *Гончарова С. Г.* Медики в императорском вольно-экономическом обществе // *Интеллигенция и мир.* 2005. № 1/2 ; *Горожанин Л. С.* Интеллигентность как профессиональное качество врача // Там же. 2004. № 3/4 ; *Жукова Л. А.* Социальный статус земской медицинской интеллигенции в России на рубеже веков (XIX — начало XX в.) // Там же. 2005. № 1/2.
- ⁷ См., напр.: *Дзуцева Н. В.* Российская художественная элита 1910-х годов: стилевая модель и новые гендерные установки // *Интеллигенция и мир.* 2004. № 3/4 ; *Зябликов А. В.* Художественная интеллигенция и партия конституционалистов-демократов в 1905—1907 годах // Там же. 2011. № 2 ; *Сибиряков И. В.* Профсоюз работников искусств в 30-е гг. XX века // Там же. 2006. № 2 ; и др.
- ⁸ См., напр.: *Рагозина А. А.* Основные формы производственной деятельности технической интеллигенции в 1920—1930-е гг. : (на материалах Республики Карелия) // *Интеллигенция и мир.* 2006. № 3 ; Гу-

- сев А. В.* Подготовка инженерно-технических кадров в системе промышленной кооперации губерний Верхнего Поволжья в 20—30-е годы XX века // Там же. 2009. № 2 ; и др.
- ⁹ *Федотов А. А.* Русская Православная Церковь и религиозная интеллигенция в 1970-х — начале 1990-х гг. // Интеллигенция и мир. 2010. № 2.
- ¹⁰ *Юркин Н. Г.* Управленческая интеллигенция и становление государственной (гражданской) службы в России XVI—XVII вв. // Интеллигенция и мир. 2004. № 1/2.
- ¹¹ *Попов А. В.* Генезис древнерусской военной интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2010. № 1 ; *Хрущева С. А.* Роль военно-морской интеллигенции в просвещении населения Кронштадта в XIX — начале XX века // Там же. 2007. № 3.
- ¹² *Уваров И. А.* Рождение военной интеллигенции России (Пажецкий корпус) // Интеллигенция и мир. 2011. № 3.
- ¹³ См., напр.: *Ершова Э. Б.* Благотворительность церковной, дворянской и разночинской интеллигенции России XIX—XX вв. // Интеллигенция и мир. 2004. № 3/4 ; *Ревин И. А.* Формирование сельской интеллигенции Области Войска Донского выходцами из крестьянского сословия // Там же. 2010. № 1.
- ¹⁴ См., напр.: *Возилов В. В.* Интеллигенция и социальные институты // Интеллигенция и мир. 2007. № 1 ; *Ермушин М. В.* Инженерно-техническая интеллигенция и рабочие в годы НЭПа: проблема взаимоотношений // Там же. 2011. № 1 ; *Михайлюк А. В.* Интеллигенция и крестьянство Украины (февраль — октябрь 1917 г.) // Там же. 2008. № 1 ; *Сабурова Т. В.* Представление о народе как доминанта самоидентификации русской интеллигенции XIX века // Интеллигенция и мир. 2005. № 3/4 ; *Садина С. С.* Советская интеллигенция и народ // Там же. 2004. № 3/4 ; и др.
- ¹⁵ *Колпакова С. П.* Креативный труд в условиях социально-экономической модернизации России // Интеллигенция и мир. 2010. № 1 ; *Юркина О. А.* Беатрис Вебб и Женская фабианская группа // Там же. 2010. № 2.
- ¹⁶ *Семёнов В. Л.* Оценочный аспект деятельности российской интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2011. № 1.
- ¹⁷ См.: *Смирнов Д. Г.* Интеллигенция: семиологическая функция : (к постановке проблемы) // Интеллигенция и мир. 2008. № 3. С. 21, 22.
- ¹⁸ См., напр.: *Волков В. С.* Дискуссии 1920-х годов по проблемам образования и судьбы их участников-педагогов // Интеллигенция и мир. 2011. № 3 ; *Соловьёв А. А.* Интеллектуальное пространство высшей духовной школы в России на рубеже XIX—XX веков // Там же. 2009. № 1 ; *Юркин Н. Г.* Опыт сравнительного анализа развития российской

- и зарубежных систем образования до начала XVIII века // Там же. 2012. № 4 ; и др.
- ¹⁹ См., напр.: Школа светская и духовная: уроки двух профессоров : (интервью иеромонаха *Макария* с *А. Д. Егоровым* и *С. М. Усмановым*) // Интеллигенция и мир. 2007. № 2 ; *Золотарев О. В.* Российские образовательные реформы последних лет или от какого наследства мы отказываемся // Там же. 2009. № 1 ; *Меметов В. С., Будник Г. А.* Формирование интеллигенции в высшей школе: от теории к практике // Там же. 2010. № 2 ; *Пряхин В. М.* Достойная смена или «фабрика мысли»? // Там же. 2009. № 1 ; и др.
- ²⁰ *Белова Т. П.* Вузовская интеллигенция и студенчество как объект социологического анализа // Интеллигенция и мир. 2005. № 1/2 ; *Ершова Э. Б.* Взаимоотношения интеллигенции и народа в историческом ракурсе : (мнения студенческой молодежи) // Там же. 2012. № 4 ; *Кускова С. Е.* Молодая интеллигенция рождается в вузе...? // Там же. 2005. № 3/4.
- ²¹ *Ахлюстина М. А.* Студент XXI века: самооценка через призму «Вех» // Интеллигенция и мир. 2005. № 3/4 ; *Баженов А. М., Мартынова Т. М.* Ценностные ориентации как фактор духовного развития молодого поколения российской интеллигенции // Там же. 2009. № 1 ; *Сальникова Л. Г.* Социальный портрет студента вуза провинциального города // Там же. 2007. № 1.
- ²² *Будник Г. А.* Студенчество как резерв интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2009. № 1. С. 86.
- ²³ См.: *Марфин Ю. С., Садина С. С.* Образ и менталитет современного молодого ученого // Интеллигенция и мир. 2009. № 3. С. 140.
- ²⁴ *Баженов А. М.* Программа курса «Особенности становления нового политического режима в современной России и интеллигенция: социологический анализ» // Интеллигенция и мир. 2005. № 1/2 ; *Горожанин Л. С.* Рабочая программа курса «Интеллигенция и интеллигентность» // Там же. 2006. № 1 ; *Шутилова Р. А.* Из опыта организации спецкурса «Интеллигенция и власть» // Там же. 2008. № 2.
- ²⁵ См., напр.: *Аврус А. И.* Программа курса «История российских университетов» // Интеллигенция и мир. 2005. № 1/2 ; *Будник Г. А.* Рабочая программа и темы практических занятий специализированного курса «История высшего образования в России» // Там же ; *Ершова Э. Б.* Программа курса «Инновации и модели мировой художественной культуры» // Там же. № 3/4 ; *Красина Г. П., Маркова Т. Н.* Формирование сущностных черт интеллигенции в процессе преподавания культурологии : (из опыта использования музейных экспозиций) // Там же. 2009. № 2 ; и др.

- ²⁶ См., напр.: О духовных истоках русской классической литературы : (интервью *В. П. Ракова* с *Ю. В. Лебедевым*) // Интеллигенция и мир. 2006. № 1 ; О, сколько нам открытий чудных готовит синтетизма дух! : (интервью *В. П. Ракова* с *С. Н. Тяковым*) // Там же. 2007. № 2 ; *Шустов Н. А.* Роль интеллигенции в формировании информационного пространства современного российского общества // Там же. № 1 ; и др.
- ²⁷ *Сибиряков И. В.* Интернет и российская интеллигенция // Интеллигенция и мир. 2007. № 1.
- ²⁸ *Сибиряков И. В.* Интернет-интеллигенция: миф или реальность? // Интеллигенция и мир. 2009. № 2.
- ²⁹ См., напр.: *Котлова Т. Б., Добрынина А. М.* Женщины в политических партиях в начале XX века // Интеллигенция и мир. 2005. № 1/2 ; *Раскатова Е. М.* Власть и художественная интеллигенция позднего социализма: методологические ракурсы современного исследования проблемы // Там же. 2009. № 2 ; и др.
- ³⁰ См., напр.: *Казанин И. Е.* Разработка политбюро ЦК РКП (б) государственной политики по отношению к российским литераторам в начале 1920-х гг. // Интеллигенция и мир. 2006. № 2 ; *Кобелева Е. А.* Интеллигенция Пермской губернии и органы ЧК: взаимоотношения и противоречия (1918—1922 гг.) // Там же. 2008. № 4 ; *Комиссаров В. В.* Интеллигенция и фантастика под партийно-идеологическим контролем в 1960—80-е годы // Там же. 2011. № 3 ; *Раскатова Е. М.* Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР (Главлит) и новые реалии художественной жизни в конце 1960-х — начале 1980-х гг. // Там же. 2010. № 2 ; и др.
- ³¹ См., напр.: *Василевская Н. В.* Дореволюционная интеллигенция Беларуси и советская власть в 1920-е годы: проблемы взаимоотношений // Интеллигенция и мир. 2007. № 3 ; *Сибиряков И. В.* Интеллигенция и советская власть: первый опыт сосуществования // Там же. 2007. № 3 ; *Яновский О. А.* Тернистая дорога к марксизму, или российская интеллигенция в белорусских реалиях 1920-х годов // Там же. 2010. № 1 ; и др.
- ³² *Аннин А. Г.* Интеллигенция и партия меньшевиков в 1917 году // Интеллигенция и мир. 2006. № 1 ; *Смехович Н. В.* Институты политической власти и интеллигенция Беларуси: в поисках новых теоретико-методологических подходов // Там же. № 4 ; *Зябликов А. В.* «Союз 17 октября» и «Новое время» // Там же. 2009. № 2.
- ³³ *Насибуллин Р. А.* О причинах падения монархии и социально-политической ответственности российской интеллигенции за Февральскую революцию 1917 года // Интеллигенция и мир. 2007. № 3 ;

- Портер Т.* Земская интеллигенция в годы Первой мировой войны // Там же. 2009. № 1.
- ³⁴ *Сибиряков И. В.* Интеллигенция и террор: исторический опыт России начала XX века // Интеллигенция и мир. 2011. № 1.
- ³⁵ Там же. С. 17.
- ³⁶ См., напр.: *Волков В. В.* Истоки оппозиционности русской интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 4; *Соколова Ф. Х.* Интеллигенция во власти: российские реалии // Там же. 2009. № 2; и др.
- ³⁷ *Мансуров В. А., Барбакова К. Г.* Интеллигенция в структуре власти — миф или реальность? // Интеллигенция и мир. 2008. № 1. С. 10, 12, 30.
- ³⁸ *Величко С. А.* Интеллигенция, перестройка и демократический транзит в России (1985—1991 гг.) // Интеллигенция и мир. 2012. № 2.
- ³⁹ *Борзов А. В.* Консервативные католические интеллигенты США в 1970—80-е гг. и администрация Р. Рейгана // Интеллигенция и мир. 2010. № 4; *Коноров С. В.* Бразильская католическая церковь XX столетия: социальная активность и духовно-нравственный потенциал // Там же. 2004. № 3/4.
- ⁴⁰ *Соловьев А. А.* Православная экклезиология русской интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2004. № 1/2; *Федотов А. А.* Методологический аспект изучения истории Русской Православной Церкви XX века // Там же. № 3/4.
- ⁴¹ *Ермолюк А. В.* К проблеме отношения интеллигенции к религии // Интеллигенция и мир. 2005. № 1/2.
- ⁴² *Зябликов А. В.* «Идеальное» государство в консервативно-либеральной транскрипции В. В. Розанова // Интеллигенция и мир. 2004. № 1/2; *Рацевская Е. П.* Даниил Андреев и русская философская мысль о вестническом творчестве // Там же. 2006. № 3; *Смирнов Д. А.* Критика как метод жить и думать: Вальтер Беньямин в интеллектуальном контексте «Веймарской» Германии (1920 — начало 1930-х гг.) // Там же. № 4.
- ⁴³ *Ерошкина О. Н.* Смутьян холста: (к 125-летию со дня рождения П. Н. Филонова) // Интеллигенция и мир. 2007. № 4.
- ⁴⁴ *Репников А. В.* От сумы и от тюрьмы... (Послевоенная судьба В. В. Шульгина на основе архивных материалов, документов и воспоминаний) // Интеллигенция и мир. 2009. № 2; *Юркина О. А.* Формирование мировоззрения британской лейбористской интеллигенции рубежа XIX—XX вв.: (на примере Беатрис Вебб) // Там же. 2006. № 1.
- ⁴⁵ *Смирнов Г. С.* Россия Вернадского: сравнительный анализ моделей миропостроения В. И. Вернадского и В. И. Ульянова-Ленина // Интеллигенция и мир. 2004. № 3/4.

- ⁴⁶ *Буданова И. А.* Маргарет Тэтчер. Профессионал... Политик... Женщина... // *Интеллигенция и мир.* 2008. № 4; *Новиков С. С.* Ибрагим Ругова: интеллигент и политик // Там же. 2007. № 1; *Раков В. П.* К. П. Победоносцев в контексте политического модерна // Там же. 2004. № 1/2; *Сагинадзе Э. О. С. Ю.* Витте — премьер-министр в восприятии российской оппозиционной общественности в 1905—1906 гг. // Там же. 2012. № 2; *Черноперов В. Л.* Дипломат В. Л. Копп в становлении советско-германских научных, инженерно-технических и культурных связей (1919—1921 гг.) // Там же. 2006. № 4.
- ⁴⁷ *Османов А. И.* Интеллигенция в предпринимательстве Петербурга XIX века // *Интеллигенция и мир.* 2006. № 3.
- ⁴⁸ *Дмитревская И. В.* О ноосферности пьес А. П. Чехова // *Интеллигенция и мир.* 2008. № 2; *Брагина Н. Н.* Интеллигентская рефлексия автора как причина саморазрушения текста («Ювенильное море» А. Платонова) // Там же. 2007. № 3; *Комиссаров В. В.* Футуристические проекты И. А. Ефремова и братьев Стругацких в реалиях начала XXI столетия // Там же. 2009. № 3; *Соколова Е. С.* «Не честь, а почестьи любя...»: размышления о социокультурном контексте сословного идеала А. С. Пушкина // Там же. 2008. № 2.
- ⁴⁹ *Веселов В. Р.* Избранное // *Интеллигенция и мир.* 2006. № 3.
- ⁵⁰ См., напр.: *Гусева И. В.* Трансформация почвеннических идей Ф. М. Достоевского в сознании российской интеллигенции на рубеже XIX—XX вв. // *Интеллигенция и мир.* 2006. № 4; *Жульков М. В.* Коллективный разум интеллигенции и ноосферное развитие // Там же. 2009. № 3; *Шабунин В. В.* Оценка миссионерской деятельности Русской православной церкви в общественном мнении русской интеллигенции на рубеже XIX—XX вв. // Там же. 2012. № 2; и др.
- ⁵¹ *Интеллигенция и мир.* 2004. № 3/4; 2005. № 3/4; 2007. № 2, 3.
- ⁵² *Интеллигенция и мир.* 2006. № 3; 2007. № 4; 2009. № 1.
- ⁵³ См., напр.: *Океанская Ж. Л.* Первый в мире международный кризисологический симпозиум в Шуйском университете // *Интеллигенция и мир.* 2006. № 3; *Порозов В. А.* Двадцатая, юбилейная Международная интеллигентоведческая научно-теоретическая конференция в Иванове, 24—26 сентября 2009 г. // Там же. 2010. № 1; *Усманов С. М., Данилов А. А.* Конференция о русскости и российскости // Там же. 2008. № 3; и т. д.
- ⁵⁴ *Пронин А. А.* Историография историографии российской эмиграции // *Интеллигенция и мир.* 2010. № 2; *Он же.* Интеллигенция российско-го зарубежья в отечественных диссертациях (1980—2005 гг.) // Там же. 2012. № 3.

- ⁵⁵ См., напр.: *Меметов В. С.* Монастыри вчера и сегодня // Интеллигенция и мир. 2007. № 2; *Меметов В. С., Комиссаров В. В.* Интеллигенция, политика, власть : (рецензия на монографию В. А. Беляева «Отечественная интеллигенция как объект и субъект политики») // Там же. № 3; *Меметов В. С., Садина С. С.* Интеллигенты-герценовцы — мост через столетие // Там же. 2008. № 3; *Меметов В. С., Усманов С. М.* В лабиринтах техногенной цивилизации // Там же. 2012. № 1; *Комиссаров В. В., Калинин А. К.* Интеллигент — человек, несущий свет // Там же. № 1; *Раков В. П.* Заметки дилетанта : (о книге доцента Д. Смирнова) // Там же. 2009. № 2; и др.
- ⁵⁶ См., напр.: *Едошина И. А.* «Палимпсесты» русской культуры // Интеллигенция и мир. 2004. № 1/2; *Ершова Э. Б.* Давно ожидаемая монография // Там же. 2009. № 1; *Она же.* От советской фантастики к нашим дням // Там же. 2011. № 2; *Самарцева Е. И.* «Монография... к которой будут обращаться не одно десятилетие...» // Там же. 2010. № 2; и др.
- ⁵⁷ См., напр.: *Порозов В. А.* Образ интеллигенции российского провинциального города второй половины XX века в книгах серии «Пермь как текст» : молотовский коктейль : ст. первая // Интеллигенция и мир. 2010. № 4; *Он же.* Образ интеллигенции российского провинциального города второй половины XX века в книгах серии «Пермь как текст» : была ли у нас частная жизнь? : ст. вторая // Там же. 2012. № 1; *Он же.* Образ интеллигенции российского провинциального города второй половины XX века в книгах серии «Пермь как текст» : крах СССР в провинциальном филологическом дискурсе : ст. третья // Там же. № 2.
- ⁵⁸ *Капустина О. В.* Советский анекдот как исторический источник для изучения образа интеллигента // Интеллигенция и мир. 2012. № 4.
- ⁵⁹ *Беньямин В.* Автор как производитель / пер. *Д. А. Смирнова* // Интеллигенция и мир. 2008. № 2; *Власов И. И.* Образование ИВПИ : (из личных воспоминаний) / вступ. ст. и подгот. текста *А. М. Семененко.* 21 ноября 1928 г. // Там же. 2003. № 1/2; Из переписки семьи Колоколовых / вступ. ст. и подгот. текста *И. В. Синохиной* // Там же. 2005. № 3/4.

Э. Б. Ершова

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

После недолгого перерыва вышла новая работа Владимира Вячеславовича Комиссарова «Интеллигенция и фантастика в структурах советского общества в 1940—1980-е годы» (Иваново : ПресСто, 2012) продолжившая тему первой монографии «Научно-фантастическая литература в жизни советской интеллигенции 1940—1980-х годов: некоторые социально-исторические аспекты» (Иваново : ИПК «ПресСто», 2010).

Первые страницы Введения говорят о серьезном восприятии автором критических замечаний, сделанных учеными по первой монографии. Рассматриваются новые публикации по близкой ему теме и дается их оценка, свидетельствующая о росте научно-потенциала автора.

Научно-теоретическая часть первой главы «На пути к постиндустриальному обществу: писатели-фантасты как отряд советской интеллигенции» раскрывает точку зрения В. В. Комиссарова на понятие постиндустриального общества в историческом развитии такой страны, как СССР, и при этом показывает место и роль интеллигенции в условиях движения общества к постиндустриализму.

Третий раздел главы относится, на наш взгляд, уже более к практическим аспектам — анализу социально-профессиональной характеристики авторов советской фантастической литературы. В. В. Комиссаров совершенно прав в своих размышлениях о трудностях решения этой проблемы по многим причинам: из-за отсутствия полных биографических данных о самих писателях, о частой замене ими своих настоящих фамилий псевдонимами и т. д. Сложно поддается расшифровке такая форма, как соавтор-

© Ершова Э. Б., 2013

Ершова Эльвира Борисовна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления, действительный член Академии гуманитарных наук, академик. elvira40@inbox.ru

ство, где трудно понять, кто из авторов создавал ту или иную часть произведения. Приводится очень интересный пример по соавторству широко известных в нашей стране и за рубежом братьев Стругацких.

В этом же разделе Владимир Вячеславович познакомил читателей с анализом данных 598 человек, которых, по его предположению, можно отнести к писателям-фантастам советского периода. Надо отдать должное исследователю, что он предупредил читателя о том, что данные могут быть все же не совсем полными, но это не снижает научной ценности и актуальности монографии.

Важным положением предложенной концепции стал вывод о незначительности в советское время таких факторов в биографиях писателей-фантастов, как национальность, профессия, общественное положение, язык, на котором они печатали свои произведения, и многое другое, ибо для публикации и знакомства с их творчеством, представлявшим большой интерес, запретов не было (например, Павел Аммануэль, о котором пишет автор монографии). Таблица, приведенная на стр. 20, дает представление о том, на каких еще языках, кроме русского, издавались произведения фантастики в указанный период.

Автор данной рецензии очень хорошо помнит время, когда в школах и высших гуманитарных учебных заведениях изучали такой интересный предмет и курс, как «Литература народов СССР». Мы тогда узнавали произведения Джамбула Джабаева, Чингиза Айтматова и многих других авторов из национальных республик. За вышедшей книгой из серии «Дружба народов» (приложение к «Литературной газете») установить очередь, подписаться на нее и купить было сложно; там тоже печатались произведения национальных авторов-фантастов. С удовольствием перечитываю иногда те тома, которые остались в моей домашней библиотеке.

Очень четко и научно даны выводы по первой главе, что определяет ее теоретическую законченность, хотя, безусловно, эту тему можно продолжать до бесконечности.

В избранном исследователем периоде невозможно обойтись без таких внешних факторов влияния на литературу в целом, как партийно-идеологический контроль в 1950—80-е годы, в том числе и на научную фантастику, о чем рассказывает

В. В. Комиссаров во второй главе. Раскрывая особенности советской цензуры в эти годы, он показал ее влияние на творческую работу братьев Стругацких в жанре фантастики, на изумительное произведение И. Ефремова «Час быка», в котором события соотносились автором с тем временем, но с точки зрения и взглядов молодежи как бы из будущего, его же «Шпионские игры» в разработке КГБ и появление такой книги Артура Кларка, как «Одиссея». Исследователь напомнил о судьбах Ю. М. Даниэля и А. Д. Синявского, назвал критиков произведений многих писателей-фантастов, показал сложную ситуацию 60—70-х годов для тех, чье творчество не укладывалось в прокрустово ложе идеологии руководящей партии.

Очень важным аспектом в концепции В. В. Комиссарова стал взгляд на альтернативную науку как фактор, появившийся на стыке знания и фантастики. Раскрывая причины роста влияния альтернативной науки, ее социальные источники в послевоенное время, он показал в третьей главе пути ее распространения через советскую печать, через журналистов как определенный отряд советской интеллигенции. Рассматривая социальную основу формирования альтернативной науки в СССР, исследователь назвал две группы интеллигенции, которые участвовали в ее формировании: первая — ученые и представители околонучных производств; вторая — писатели-фантасты, многие из которых пришли в литературу из первой группы. В числе таких писателей В. В. Комиссаров называет И. А. Ефремова, А. П. Казанцева и др.

Не останавливаясь на этой группе творческой интеллигенции, в четвертой главе исследователь расширяет свою тему путем показа сложных судеб деятелей и произведений фантастики в советской кинематографии, демонстрации подобных фильмов на телевидении, отображения в живописи. Материалы этой главы настолько интересны, что хотелось бы сказать о каждом примере, описанном или просто даже названном в монографии факте, но жанр рецензии просто не позволяет это сделать. Приходится только пожелать читателям самим ознакомиться с работой В. В. Комиссарова и вспомнить те времена, когда все с нетерпением ждали выхода этих произведений из печати.

Ценнейшим дополнением к тексту служит Приложение «Советские писатели, работавшие в жанре научной фантастики»

(по данным «Энциклопедии фантастики» под ред. Вл. Гакова), в котором сразу же можно узнать многие интересные данные о писателях-фантастах, их образовании, трудовой специализации, количестве написанных произведений, дате прихода в литературную фантастику, и даже о родном языке авторов, что не столь важно, если они были опубликованы на общесоюзном для того времени языке.

Очень важен для читателей цветной вкладыш, где даны отдельные кинофрагменты и репродукции картин, позволяющие зрительно вспомнить многие произведения фантастики во всех видах искусства.

ББК 63.3(2)64-283.2

А. А. Пронин

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИОГРАФИИ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ

Непредвзятое изучение российского зарубежья стало одной из актуальных задач современной науки. Причин этому несколько. Первая — в условиях появления в странах нового зарубежья многомиллионной связанной с Россией диаспоры обрело небывалую остроту изучение опыта адаптации различных слоев российской эмиграции разных волн к условиям жизни на чужбине. Вторая причина — осмысление большого творческого наследия эмигрантов имеет исключительное значение для духовного, культурного и социально-экономического возрождения России в услови-

© Пронин А. А., 2013

Пронин Александр Алексеевич — кандидат исторических наук, член Российской академии юридических наук и Российской ассоциации политической науки, почетный доктор наук (Doctor of science, honoris causa), профессор Российской академии естествознания, доцент кафедры управления и права, старший научный сотрудник отдела по научной, инновационной работе и докторантуре Уральской государственной сельскохозяйственной академии (Екатеринбург). postdoc@k66.ru

ях становления новой государственности и выбора вариантов общественного развития. Наконец, третья основная причина — необходимость пересмотра многих аспектов отечественной истории, объективной оценки прошлого нашей страны, объединения культур российского зарубежья и метрополии.

Объем и разнообразный характер исследований, осуществленных с 1991 г., значительную долю которых составляют диссертации, заставляют предполагать появление эмигрантоведения как нового направления в отечественной гуманитаристике. Постоянный рост диссертационного потока требует системного изучения, результаты которого позволят судить об эмигрантоведении в целом (ведь и монографии, и статьи, и другие виды публикаций часто необходимы авторам единственно для получения допуска к защите диссертаций, с которой связано получение ученой степени доктора либо кандидата наук — признание этого факта имеет место в официальных документах Минобрнауки России, в частности Концепции развития исследовательской и инновационной деятельности в российских вузах), выделить его основные тенденции, подвести итоги изучения отдельных проблем, наметить перспективы дальнейших исследований. Эти основные задачи составляют проблему, подлежащую рассмотрению в серии наших книг, изданных германским издательством Lambert Academic Publishing в 2011—2012 гг. Анализ диссертаций по теме «российская эмиграция», защищавшихся в РСФСР/РФ за 26 лет (1980—2005), включающих в себя примерно равные по продолжительности советский и постсоветский периоды, до сих пор не предпринимался.

В монографии «Российское зарубежье: источники исторических исследований, их эволюция» (Saarbrücken: Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 280 с.) рассматривается корпус источников по истории российской эмиграции и российского зарубежья, введенных в научный оборот отечественными историками-эмигрантоведами в 1980—2005 гг.: архивные фонды (зарубежные архивы, документы архивного фонда Государственного архива РФ, фонды иных федеральных архивохранилищ, фонды региональных архивов); источники личного происхождения (мемуары и дневники, переписка и иные эпистолярные, устные свиде-

тельства, автобиографическая поэзия и проза, вещественные источники); эмигрантская литература (периодическая печать, труды видных деятелей эмиграции и их исторических современников, рецензии, отзывы, некрологи); документальные источники (сборники и подборки документов, фото-, кино- и видеоматериалы, библиографическая продукция, ресурсы сети Интернет). Вывод таков: стремительно усиливающаяся междисциплинарная интеграция диктует варианты решения проблемы источников. Важно расширить их круг, одновременно усиливая экспертизу. Только при использовании и сопоставительном анализе всего круга исторических источников можно создать объективную картину истории эмиграции. Помня о том, что возможности истории всегда зависели от ее источниковой базы и методов исследования, можно уверенно прогнозировать появление качественно новой гносеологии и эпистемологии проблем эмиграции.

Дополняют книгу два приложения. Первое озаглавлено «Российская эмиграция в США и Канаде (по материалам газеты «Иммигранты»)» и имеет своей целью привлечение внимания исследователей к периодическим печатным изданиям (в том числе газетам) как историческому источнику. Очевидное достоинство публикаций «Иммигрантов» — в насыщении истории российского зарубежья субъективным, «человеческим» содержанием, иными словами, антропологизации ее. Часть этих материалов следует расценивать как научную публицистику, которая подсказывает новые направления научного поиска и восполняет имеющиеся в истории российского зарубежья лакуны. Другую, более весомую часть, следует рекомендовать профессиональным исследователям как источник. Второе приложение озаглавлено «Российские соотечественники в странах старого и нового зарубежья (из архива И. И. Еренбург)» и представляет собой подборку писем наших бывших сограждан, почерпнутую из личного архива одной из жительниц Екатеринбурга. Назначение этой подборки — привлечь внимание исследователей к личным и семейным архивам как к резерву источников исторического познания, являющемуся пока что не востребованным в должной мере. Приводимые письма позволяют лучше понять проблемы российских соотечественников за рубежом (в том числе в Израиле), почувствовать глубоко

кие перемены в жизни наших сограждан, оказавшихся после распада СССР иностранцами.

Продолжает начатый нами комплексный источниковедческий, методологический и историографический анализ отечественных и зарубежных трудов по теме «российская эмиграция» монография «Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980—2005 гг.: библиометрический анализ» (Saarbrücken : Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 480 с.). На основе системы науко- и библиометрических показателей характеризуется отраслевой и квалификационный состав диссертаций по истории эмиграции из России, динамика защит, деятельность центров изучения российского зарубежья, выявляются основные исследовательские тенденции эмигрантоведов.

Представляется, что апробированные нами науко- и библиометрические методики зарекомендовали себя как достаточно эффективные инструменты изучения историографии российской эмиграции. С их помощью выявлены направления и темпы развития эмигрантоведческой области; динамика исследовательского интереса; вклад отдельных регионов, организаций, авторов в развитие эмигрантоведения; интенсивность работы научных центров; интегративные связи между отраслями науки и рассматриваемыми ими проблемами; и др. Единственное, что объективно оказывается вне границ применимости библиометрии — это рассмотрение собственно текстов научных трудов, ведь измерению поддаются лишь формализованные источники. Поэтому, чтобы отразить все многообразие информации диссертаций, в дополнение к количественным методам мы используем далее традиционные методы анализа документов.

Историографический анализ текстов диссертаций и их авторефератов, а также дополняющих эти источники печатных трудов по истории российской эмиграции и российского зарубежья предпринят в третьей монографии цикла — книге «Проблемы историографии российского зарубежья» (Saarbrücken : Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 312 с.). Подробно характеризуются: научные школы историков-эмигрантоведов; история эмиграции разных волн; изучение регионов российского

рассеяния; вопросы эмиграции отдельных этнических и этнословных групп; осмысление проблем адаптации российских эмигрантов и феномена российского православного зарубежья; изучение образования, издательского и музейного дела российских эмигрантов; историописание жизни и творчества видных деятелей эмиграции.

Четвертая монография — «Российская эмиграция как объект исследования» (Saarbrücken : Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 800 с.) — продолжает и итожит начатый в предыдущих книгах комплексный источниковедческий, методологический и историографический анализ отечественных и зарубежных трудов по теме «российская эмиграция». Основной вывод книги: объем и характер исследований, осуществленных в 90-х гг. XX — начале XXI в., позволяют говорить о появлении эмигрантоведения как нового общественно значимого направления в отечественной гуманитаристике, развивающегося ускоренными темпами.

Итак, в качестве предмета исследования российской эмиграции сегодня в разной степени представлены все эмиграционные волны, большинство диаспоральных этнических и этнословных групп, регионов рассеяния выходцев из России. Изучаются практически все разновидности эмиграции: политическая, экономическая, военная, религиозная, реэмиграция, репатриация. Присутствуют многие значимые для изучения эмиграции сюжеты. Даны демографическая, этническая и конфессиональная характеристики различным этапам эмиграционных потоков, уяснена их географическая направленность.

При всем этом задача воссоединения разрозненных частей культуры российской диаспоры с культурой метрополии, создания единой истории России, истории единой русской литературы, единой русской философии, единого русского искусства сохраняет свою актуальность.

Все перечисленные издания можно приобрести на интернет-сайтах — партнерах издательства: <https://www.morebooks.de/> и <https://www.ljubljuknigi.ru/>.

М. А. Виноградов

**ДАНЬ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ИСТОРИЧЕСКИМ ЛИЧНОСТЯМ ПРОШЛОГО
(О презентации книги
«Великий князь Олег Рязанский»)**

14 сентября 2012 года в Свято-Троицком монастыре г. Рязани прошла презентация книги «Великий князь Олег Рязанский». Дата и место проведения презентации оказались выбранными неслучайно: в этот день в городе проходил Праздник Московского проспекта — побратима проспекта Рязанского в Москве, а сам монастырь не только находится на нем, но и имеет непосредственное отношение к великому князю Олегу. Именно здесь, как гласит древнее предание, в 1385 году останавливался по дороге в Переяславль Рязанский игумен Сергей Радонежский. Он был послан к князю Рязанскому великим князем Дмитрием Донским для заключения мира, когда все другие попытки оказались безуспешными. При посредничестве преподобного Сергия мир этот был торжественно заключен, и *«с того времени не было ни одной войны не только между Олегом и Димитрием, но и между их потомками. Место ожесточенной вражды заступили родственные и дружественные отношения...»* (Д. И. Иловайский).

Жанр книги — поэма. Как надеются авторы проекта, поэма сможет привлечь интерес как взрослых, так и детей среднего возраста. Она в доступной поэтической форме рассказывает нашему современнику о сложных, во многом противоречивых временах становления единой русской государственности и роли личности великого князя Олега Ивановича в этом становлении. Подрастающее поколение сегодня часто не знает, кому оно должно быть

© Виноградов М. А., 2013

Виноградов Михаил Алексеевич — старший преподаватель кафедры туризма Московского государственного института индустрии туризма имени Ю. А. Сенкевича. mihail.vinogradov2010@yandex.ru

благодарным за то, что существует сама земля рязанская, кто ее «честь и слава» и в чем эта «честь и слава» заключаются. К сожалению, до сих пор выпускаются массовые тиражи книг для юношества, которые по худшим стереотипам прошедших времен в превратной форме трактуют события того периода нашей истории. Тема патриотизма, преданности своей малой Родине и осознание ответственности за будущее всей земли Русской стала лейтмотивом произведения о великом князе Олеге Рязанском.

При написании книги были привлечены архивные источники, русские летописи, результаты исследований российских историков за более чем 200-летний период, материалы всероссийской научно-практической конференции, прошедшей в декабре прошлого года в РГУ им С. А. Есенина и посвященной великому князю Олегу Рязанскому. Книга создана по инициативе и на средства его потомков к 610-летию преставления Рязанского князя. Всего в проекте участвовали около 60 человек из дворянских родов Вердеревских, Крюковых, Апраксиных, Щербачевых. В оформлении поэмы использованы картины рязанского живописца, члена Союза художников России Анатолия Григорьевича Ларюнина, а также репродукции картин С. В. Иванова, Ю. П. Кугача, И. С. Глазунова, А. Д. Кившенко, П. Попова, литография по рисунку И. С. Болдырева.

По случаю церковного новолетия в обители был совершен молебен, после чего игумен монастыря архимандрит Андрей (Крехов) поздравил гостей и жителей города с двойным праздником и провел экскурсию по территории монастыря. Кульминацией торжеств стала презентация книги о великом князе, написанной рязанской поэтессой Софьей Олеговной Никулиной. Идейным вдохновителем издания, одним из активных организаторов презентации стал праправнук композитора духовной музыки протоиерея Михаила Виноградова, представитель дворянского рода Вердеревских, бывших некогда благотворителями монастыря, Михаил Алексеевич Виноградов. В качестве представителя Рязанской епархии, Издательский совет которой по благословению митрополита Рязанского и Михайловского Павла занимался подготовкой книги к печати, с приветственным словом к собравшимся обратился руководитель совета иерей Павел Коньков. Затем

встречу продолжил начальник Управления культуры администрации г. Рязани Андрей Анатольевич Кашаев. Он пожелал рязанцам бережно относиться к истории родного края и хранить память о своих знаменитых земляках, одним из которых является великий князь Олег Иванович Рязанский. Среди почетных гостей на презентации также присутствовали: игуменья Солотчинского женского монастыря, где покоятся честные останки рязанского князя, Варвара, предводитель Московского дворянства, один из потомков князя Олега Ивановича Олег Щербачев, заведующий кафедрой истории России РГУ имени С. А. Есенина, доктор исторических наук, профессор Александр Агарёв.

В праздничном мероприятии приняли участие насельники Свято-Троицкого монастыря, представители рязанской интеллигенции: историки и краеведы, преподаватели, библиотекари, а также школьники, которым, прежде всего, и адресована эта книга.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова**; **текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий** (Щуров), архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M. V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrasheva**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

Возилев В. В. Методологические аспекты содержания понятия «интеллигенты/интеллектуалы»

Ключевые понятия: интеллигенты, интеллектуалы, интеллигенция, класс управляющих, интеллигентоведение, интеллектуальная элита.

Анализируется проблема соотношения понятий «интеллигенты» и «интеллектуалы». Предлагается теоретико-методологическое решение этого вопроса: между интеллигентами и интеллектуалами нет различий по существу; они составляют особую социальную группу — интеллигенцию как общеисторический общественный феномен (класс управляющих).

Полозова К. А., Федотов А. А. Роль интеллигенции в подготовке и принятии Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990 г.) и итоги его действия

Ключевые понятия: интеллигенция, закон, законопроект, Русская Православная Церковь, РСФСР, Верховный Совет, КПСС.

Исследуется роль представителей либеральной интеллигенции в подготовке и принятии Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий». Показывается нежизнеспособность этого законодательного акта.

Ерахтин А. В. Интеллигенция, власть и социальная справедливость в современной России

Ключевые понятия: интеллигенция, власть, социальная справедливость, демократия, выборы, приватизация, коррупция, реформа российского образования.

Рассматривается роль интеллигенции и отношение к ней власти в революционных преобразованиях российского общества. Проанализированы причины небывалого роста коррупции, социальной несправедливости по отношению к интеллигенции и народу России, безнравственности, бездуховности и других негативных явлений.

Козляков В. Е. Интеллигенция и вопросы строительства союзного государства Беларуси и России

Ключевые понятия: интеллигенция, международные отношения, Россия, Беларусь, Союзное государство, интеграция.

Раскрывается роль интеллигенции в строительстве Союзного государства Беларуси и России, прежде всего в работе по унификации национальных законодательств, координации внешнеполитической деятельности, укреплению обороноспособности, реализации масштабных межгосударственных программ, обеспечению единых социальных гарантий. Отмечается ряд препятствующих факторов объективного и субъективного свойства, преодоление которых позволит ускорить процесс интеграции. Анализируются существующие среди политических партий точки зрения по вопросам строительства Союзного государства и делается вывод, что интеллигенция двух стран должна объединить свои усилия для достижения интеграционных целей.

Янцевич И. А. Н. П. Коллюпанов — деятель земского движения второй половины XIX — начала XX в.

Ключевые понятия: Н. П. Коллюпанов, менталитет, социокультурное пространство, провинциальная интеллигенция.

Рассматривается деятельность видного провинциального интеллигента, общественного деятеля земского движения Н. П. Коллюпанова, показывается его вклад в развитие сельского локуса.

Ращевская Е. П. Лики интеллигенции XX века: Даниил Андреев и Игорь Дедков

Ключевые понятия: Д. Андреев, И. Дедков, культурологический, критический, космогонический мифы, мифотворчество, мистический опыт, художник-вестник, диалогизм, символизм, Серебряный век, пантеизм, православный канон, догмат, христология, лояльность, легитимность; Божественный, этический, культурный идеалы.

Обосновывается положение о том, что космогония Д. Андреева нуждается в интеллигентном прочтении: в качестве примера автор обращается к опыту И. Дедкова. Доказывается, что Д. Андреева и И. Дедкова сближают не только профессиональные качества литераторов, но и ценностные качества интеллигентов. Рассматривается современная критика пантеизма Д. Андреева и других несоответствий его космогонического мифа православному канону. Делается вывод о том, что космогонии Д. Андреева следует воспринимать не как теорию, посягающую на

основы православного вероучения, а как мифотворчество поэта, осуществляемое прежде всего в целостном поле русской культуры.

Надёхина Ю. П. Общественная деятельность творческой интеллигенции на рубеже XIX—XX вв. (На примере журналистско-редакторского корпуса Москвы)

Ключевые понятия: журналистика, московские журналисты и редакторы, общественная деятельность, либеральная интеллигенция, литературные кружки.

Рассматривается общественная деятельность влиятельного отряда российской интеллигенции — журналистско-редакторского корпуса Москвы на рубеже XIX и XX столетий. Отмечена тенденция к ее общественно-политической самореализации и различным формам общественной организации в рамках установленных самодержавием правил, горячее желание способствовать просвещению и культурному развитию масс.

Чугунов М. В. Политическая элита Финляндии: ее место и роль в советско-финских отношениях в 30-е годы XX века

Ключевые понятия: политическая элита, интеллигенция, советско-финские отношения, внешняя политика Финляндии, советско-финские переговоры.

Предпринята попытка дать анализ понятия политической элиты, определить ее место и роль во внешней политике Финляндии 30-х гг. XX в. в контексте советско-финских отношений. Показаны колебания политической элиты Финляндии в указанный период.

Сальникова Л. Г. Роль гуманизации и гуманитаризации в формировании будущих интеллигентов

Ключевые понятия: интеллигенты, образование, гуманизация, гуманитаризация.

Обосновывается необходимость преодоления в обществе технократических тенденций и становления гуманитарного сознания. Доказывается, что современное образование не должно сводиться лишь к задаче расширения информационного содержания дисциплин, оно должно быть нацелено на привитие молодым людям гуманистических ценностей. Разграничиваются понятия «гуманизация» и «гуманитаризация» образования.

Кокшаров А. В. Программа адаптации молодых педагогов в общеобразовательных учреждениях

Ключевые понятия: профессиональная адаптация, общеобразовательное учреждение, молодые педагоги, информационно-диагностическая деятельность, методическое сопровождение.

На основе анализа выявлены наиболее значимые проблемы текучести кадров учителей, связанные со слабой степенью адаптивности новых работников к сложившейся культуре общеобразовательных учреждений. В итоге представлена единая программа закрепления молодых учителей в общеобразовательных учреждениях, которую можно и следует применять только с проработкой и использованием особенностей того или иного учебного заведения.

Меметов В. С., Юркин Н. Г. Листая страницы журнала... (Основные тенденции современного интеллигентоведения)

Ключевые понятия: интеллигенция, «Интеллигенция и мир», интеллигентоведение, образование, интеллигенция и власть, интеллигенция и Церковь, личность в интеллигентоведческом дискурсе.

Представлен обзор статей, опубликованных в журнале «Интеллигенция и мир» с 2001 по 2012 год. Выявляются наиболее значимые проблемы, которые получили освещение на страницах журнала. Акцентируется внимание на наиболее интересных публикациях по различным вопросам, указывается на появление новых точек зрения в современном интеллигентоведении.

Ершова Э. Б. История советской фантастики через призму интеллигентоведения

Ключевые понятия: советская интеллигенция, научная фантастика, социально-профессиональные характеристики, группы и отряды интеллигенции.

Представлена рецензия на монографию В. В. Комиссарова «Интеллигенция и фантастика в структуре советского общества в 1940—1980-е годы» (Иваново: ПресСто, 2012). Отмечаются ее слабые и сильные стороны, подчеркивается преемственность исследований автора. Присутствуют личные впечатления и воспоминания рецензента по различным проблемам истории советской фантастики.

Пронин А. А. Новые книги по историографии эмиграции из России

Ключевые понятия: российская эмиграция, российское зарубежье, источники, историография и методология исследований.

Сообщение о серии книг по историографии российской эмиграции, опубликованных автором в издательстве Lambert Academic Publishing (ФРГ) в 2011—2012 гг.

Виноградов М. А. Дань современной интеллигенции историческим личностям прошлого (О презентации книги «Великий князь Олег Рязанский»)

Ключевые понятия: историческая литература, читательская аудитория, историческое воспитание, популяризация.

Рассказывается о презентации исторической поэмы, посвященной князю Олегу Рязанскому, представлен новый взгляд на данную историческую фигуру, отмечаются этапы работы автора над этим произведением. Подчеркивается широкий состав участников мероприятий по презентации книги, включающий различные отряды и группы современной интеллигенции и управленцев.

ANNOTATIONS

Vozilov V. V. Methodological aspects of the content of the concept «intelligentsia members/intellectuals»

Key-notions: intelligentsia members, intellectuals, intelligentsia, class of managing directors, intelligentsia studies, intellectual elite.

The article is devoted to a problem of a ratio of the concepts «intelligentsia members» and «intellectuals». The theoretical methodological solution of this problem is proposed: there are no distinctions between intelligentsia members and intellectuals; they make a special social group — the intelligentsia as a general historical public phenomenon (a class of managing directors).

Polozova K. A. Fedotov A. A. The role of intelligentsia in preparation and adoption of law of RSFSR «About freedom of religions» of 1990 and results of its implementation

Key-notions: intelligentsia, law, bill, Russian Orthodox Church, RSFSR, Supreme Council, CPSU.

The role which was played by representatives of the liberal intelligentsia in preparation and adoption of law of RSFSR «About freedom of religions» of 1990 is considered. The results of this frailty act are shown.

Erakhtin A. V. Intelligentsia, the power and social justice in contemporary Russia

Key-notions: intelligentsia, power, social justice, democracy, elections, privatization, corruption, reform of Russian education.

The role of intelligentsia and the attitude of the power towards its in revolutionary changes of the Russian society are considered. The reasons of unknown growth of corruption, social injustice towards intelligentsia and the people of Russia, immorality, inspirituality and other negative phenomena are analyzed.

Kozlyakov V. E. Intelligentsia and issues of creation of the Union State of Belarus and Russia

Key-notions: intelligentsia, international relations, Russia, Belarus, Union State, integration.

The article shows the role of intelligentsia in construction of the Union State of Belarus and Russia, first of all in work on standardization of national legislations, coordination of foreign policy activity, strengthening of defense capability, implementation of large-scale interstate programs, providing uniform social guarantees. However construction of the Union State is interfered by a number of factors having objective and subjective properties the overcoming of which will allow to accelerate integration process. The author analyzes some points of view, existing among political parties concerning construction of the Union State and comes to a conclusion that the intelligentsia of the two countries has to combine the efforts for achievement of the integration purposes.

Yantsevich I. A. N. P. Kolyupanov — the figure of territorial movement of the second half of the 19th — the beginning of the 20th centuries

Key-notions: N. P. Kolyupanov, mentality, sociocultural space, provincial intelligentsia.

The article is devoted to activity of the prominent provincial intellectual N. P. Kolyupanov, the public figure of territorial movement of the second half of the 19th — the beginning of the 20th centuries, it shows his contribution to the development of a rural locus.

Rashchevskaya E. P. The faces of the 20th century intellectuals: Daniel Andreev and Igor Dedkov

Key-notions: D. Andreev, I. Dedkov, culturological, critical, cosmogonic myth, creation of myths, mystical experience, artist-messenger, dialogism, symbolism, Silver age, pantheism, orthodox canon, doctrine, *Christologiya*, loyalty, legitimacy; Divine, ethical, cultural ideals.

The thesis that D. Andreev's cosmogony needs intelligent reading is discussed: the author addresses to I. Dedkov's experience as an example. It is proved that D. Andreev and I. Dedkov are pulled together not only by professional qualities of writers, but also by valuable qualities of intellectuals. The modern criticism of D. Andreev's pantheism and other discrepancies of his cosmogonic myth to the orthodox canon is considered. The author makes a conclusion that D. Andreev's cosmogony should be perceived not as the theory encroaching on bases of orthodox dogma but as the myths creation by the poet which is carried out first of all in a complete field of the Russian culture.

Nadyokhina Y. P. Public work of the creative intellectuals at a boundary of the 19th — 20th centuries (On the example of the journalistic and editorial body of Moscow)

Key-notions: journalism, Moscow journalists and editors, public work, liberal intelligentsia, literary circles.

The article shows public work of influential group of the Russian intellectuals — the journalistic and editorial body of Moscow at a turn of the 19th and the 20th centuries. The author notes the tendency to its political self-realization and various forms of public organization within the rules established by autocracy, the strong desire to promote education and cultural development of masses.

Chugunov M. V. Political elite of Finland: its place and role in the Soviet-Finnish relations of the 30-s of the 20th century

Key-notions: political elite, intelligentsia, Soviet-Finnish relations, foreign policy of Finland, Soviet-Finnish negotiations.

The article makes an attempt to give the analysis of the concept «political elite», to define its place and a role in the foreign policy of Finland of the 30-s of the 20th century in a context of the Soviet-Finnish relations. Fluctuations of political elite of Finland during the specified period are shown.

Salnikova L. G. Humanization and humanitarization role in formation of future intellectuals

Key-notions: intellectuals, education, humanization, humanitarization.

The author shows the need of overcoming of technocratic tendencies in the society and formation of humanitarian consciousness locates. It is proved that modern education shouldn't be reduced only to a problem of extension of the information content of disciplines, it has to be aimed at instilling of humanistic values in young people. Concepts of humanization and education humanitarization are differentiated.

Koksharov A. V. The program of adaptation of young teachers in educational institutions

Key-notions: professional adaptation, educational institution, young teachers, information and diagnostic activity, methodical maintenance.

On the basis of the analysis the most significant problems of turnover of teachers staff, connected with a weak degree of adaptability of new workers to the developed culture of these organizations, discrepancy of stereotypes and theorization of specialists' training with changing realities are revealed. As a result the uniform program of young teachers' fixing in educational institutions which it is possible and needs to be applied only along with working out and use of peculiarities of an educational institution is presented.

Memetov V. S., Yurkin N. G. Thumbing through magazine pages... (The main tendencies of the modern intelligentsia studies)

Key-notions: intelligentsia, «Intelligentsia and the world», intelligentsia studies, education, intelligentsia and the power, intelligentsia and church, the personality in the discourse of intelligentsia studies.

The review of articles published in the «Intelligentsia and the World» magazine from 2001 to 2012 is submitted. The most significant problems which received lighting on magazine's pages come to light. The attention is focused on the most interesting publications on various problems, emergence of new points of view in contemporary intelligentsia studies is specified.

Ershova E. B. History of the Soviet science fiction through a prism of intelligentsia studies

Key-notions: Soviet intelligentsia, science fiction, social and professional characteristics, groups of intelligentsia.

The review to V. V. Komissarov's monograph «The intellectuals and science fiction in the structure of the Soviet society in 1940-s — 1980-s», published in Ivanovo by «Presto» publishing house in 2012 is submitted. Its weaknesses and strengths are noted, the continuity of former works of the author is emphasized. There are personal impressions and memoirs of the reviewer on different problems of history of the Soviet science fiction.

Pronin A. A. New books on historiography of Russian emigration

Key-notions: Russian emigration, Russian abroad, sources, historiography and methodology of researches.

The article is devoted to a series of books on a historiography of the Russian emigration, published by the author in Lambert Academic Publishing house (Germany) in 2011—2012.

Vinogradov M. A. Tribute of the modern intelligentsia to historic figures of the past (about the presentation of the book «Grand Prince Oleg Ryazansky»)

Key-notions: historical literature, reader's audience, historical education, promoting.

The article deals with presentation of the historical poem devoted to the prince Oleg Ryazansky, the new view on this historical figure is presented, the stages of the author's work over this poem are noted. A diverse set of participants of the book presentation, representing various groups and groups of contemporary intellectuals and managers is emphasized.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2013 № 1

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *М. Б. Балябина*

Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 14.03.2013 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 300 экз.

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

